

The background of the cover is a dark, moody illustration. In the center, a figure in a black, form-fitting outfit with a high collar and long gloves holds a small child in a red dress. The figure's face is obscured by a white mask with a pointed, flame-like top. To the left, a translucent, ethereal figure of a person in a long dress is visible. The overall atmosphere is mysterious and dramatic.

КОН ГРЕТА ЩИ Я

Для всех,
Умберто
ЭКО
КТО ЛЮБИТ

Надежда Попова

ПАСТЫРЬ ДОБРЫЙ

Конгрегация

Надежда Попова
Пастырь добрый

«АСТ»

2013

Попова Н. А.

Пастырь добрый / Н. А. Попова — «АСТ»,
2013 — (Конгрегация)

ISBN 978-5-17-079616-8

Странные и страшные дела происходят в славном городе Кёльне. И происходят, судя по всему, уже давно. Но никто не замечает этого, потому что никого всерьез не интересует, что видят, думают и чего боятся дети. Никого, кроме одного дотошного молодого следователя кёльнского отделения Конгрегации. Но даже Курт Гессе с его обостренным чутьем не может предположить, с чем ему придется столкнуться, начав изучать легенды вековой давности...

ISBN 978-5-17-079616-8

© Попова Н. А., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Пролог	6
Глава 1	15
Глава 2	23
Глава 3	34
Глава 4	43
Глава 5	54
Глава 6	65
Глава 7	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Надежда Попова

Пастырь добрый

© Попова Н., 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Автор выражает благодарность Надежде Шолиной, доценту кафедры всемирной литературы НГПУ им. К. Минина, за помощь в блуждании по дебрям латинских падежей.

Ego sum pastor bonus et cognosco meas et cognoscunt me meae.¹

¹ Я есмь пастырь добрый; и знаю Моих, и Мои знают Меня (лат.). (Иоанн., 10:14).

Пролог

Друденхаус этим октябрьским вечером плавал в полумраке и нерушимом безмолвии. После двухмесячного отсутствия глухие, озаренные трепещущими факелами недра главной башни, казались какими-то незнакомыми. Курт приостановился, вскользь обернувшись через плечо на вход в часовню, где провел последние полчаса, и неспешно зашагал из подвала прочь.

Явившись в Кёльн минувшей осенью, он не почувствовал, что вернулся домой – одного факта рождения в этом городе оказалось недовольно, а первые одиннадцать лет жизни, проведенные здесь, пусть и не изгладились из памяти, однако не остались в сердце. Домом навсегда стала академия, и когда после прошлого дознания пришлось вернуться в ее стены на почти два месяца, это было настоящим отдохновением. К счастью, служба в Кёльне не омрачалась придирчивостью начальства или высокомерием старших сослуживцев, что уже значило немало для того, кто получил Знак следователя Конгрегации чуть больше полутора лет назад. Однако вообразить себя живущим в этом городе *всегда* он не мог, по-прежнему ощущая себя здесь чужим. Башни Друденхауса были небольшим исключением; быть может, оттого, что в этом месте Курт проводил больше времени, нежели в своем жилище, и потому что именно здесь его окружало все то, что составляло всю его жизнь, что было его бытием и призванием...

Путь к лестнице на первый этаж пролегал мимо тяжелой, потемневшей от факельного чада окованной двери в допросную, и, проходя мимо, Курт на мгновение приостановился, глядя на массивную створку. Только сюда он еще не заходил сегодня, в свой первый день по возвращении в Кёльн – не потому, что это пробуждало тягостные воспоминания или гнело душу, а оттого, что эта часть подвала воспринималась не как часть службы, а, скорее, как редкое, временами неизбежное, но нежелательное дополнение; точно так же ему не пришло бы в голову, прогуливаясь по башням, посетить кладовку или, к примеру, нужник. Разве что по делу, уточнил он с усмешкой, направившись по коридору дальше.

Курт остановился, пройдя всего два шага: из-за двери в допросную ему послышался не то стон, не то вскрик – тихий и словно заглушенный.

Он нахмурился, вслушавшись и сделав шаг назад, пытаясь понять, не почудилось ли ему: арестов в последние дни не было, это он знал наверняка. Аресты, совершаемые служителями Друденхауса, были вообще явлением весьма редким, не говоря уже о том, что допросы в этой части подвала с применением особых мер производились только ввиду особых обстоятельств, после долгих и тщательных обсуждений с господином оберинквизитором, после подачи соответствующего запроса и по его соизволению. Ничего подобного ни сегодня, ни в минувшие несколько дней не происходило. Если аресты были редки, то подобные допросы – вовсе исключительны, и не сообщить вновь прибывшему о чем-то подобном встретивший его сегодня сослуживец просто не мог, как не мог бы не рассказать, например, о том, что одна из двух башен Друденхауса внезапно поутру обвалилась в разверзшиеся земные недра.

Курт вернулся к двери, склонив голову к самой створке и прислушавшись. Когда совершенно явственно различимый стон-полувскрик повторился, он взялся за ручку, однако допросная оказалась замкнута изнутри.

– Это уже ни в какие рамки, – пробормотал он настороженно, вновь неведомо зачем толкнув явно запертую створку, и, не достигши результата, решительно ударил в дверь кулаком.

Внутри что-то упало, загремев, и застыла тишина, не нарушаемая более ни единым звуком. Прождав с полминуты, Курт уже откровенно выругался, саданув в окованные доски теперь носком сапога. На этот раз зазвучали шаги, направляющиеся к двери – спешные, почти бегущие; засов с той стороны шаркнул по петлям, и створка приоткрылась – всего на ладонь полнотью скрывая от него нутро комнаты с низким темным потолком и оставляя в пределе види-

мости лишь голову человека на пороге. Голова имела недовольное лицо и зарождающуюся залысину.

– А, академист! – поприветствовала голова, а руки меж тем продолжали держать створку с той стороны, не позволяя ему войти. – Вернулся... Поздравляю с повышением.

– Что происходит, Густав? – требовательно спросил Курт, пытаясь заглянуть внутрь через его плечо, и, не сумев, попытался открыть дверь. Рука сослуживца напряглась, и дверь осталась полузакрытой. – Почему допросная в деле? Кто там?

– Майстер инквизитор, ну, где же вы! Я уже почти готова раскаться! – вдруг донесся из каменной комнаты голос – вовсе не умирающего от боли, а всецело удовлетворенного жизнью, хотя и несколько недовольного человека пола вполне определенно женского.

– Боже, Густав! – скривился Курт, отступив. – Старый извращенец!

– Кто бы говорил, – понизил голос тот, и из подвала послышалось – уже не столь томно, как прежде:

– Густав, ну, мне, в конце концов, холодно!

– А Керн знает, как ты используешь служебное помещение? – справившись с первой оторопью, усмехнулся Курт; тот оглянулся через плечо на не видимую из коридора кающуюся и выговорил раздраженно:

– Послушай, Гессе, сделай милость: исчезни!

Дверь захлопнулась перед его носом почти с ожесточением, и до слуха донеслись чуть различимые забористые ругательства; не дожидаясь всего того, что мог бы услышать еще, Курт развернулся к лестнице.

Первый этаж пребывал в такой же тишине и мрачности; все, кроме немногочисленной стражи, разошлись уже по домам, и шаги гулко отдавались под сводами коридоров, одинокие и словно мнимые, как поступь заблудшего призрака, посему топот чьих-то башмаков из-за поворота донесся громко, отчетливо и слышимо издалека. Нарушитель тишины приближался быстро, и, явившись из-за изгиба каменного коридора, едва не столкнулся с Куртом.

– Вот черт подери... – проронил он, отпрянув от майстера инквизитора назад и схватившись за сердце. – Чтоб тебя...

– Куда торопишься, Бруно? – осведомился Курт, пропустив мимо ушей оба высказывания, одному из которых в башнях Друденхауса уж точно было не место. – Я полагал, после двухмесячного отсутствия ты направишься к своим приятелям-студентам...

– И собирался, – кивнул тот недовольно. – Однако, как ты сам говорил, служебный день у следователя непредсказуем и в распорядок не укладывается.

– Так то у следователя. Ты что тут делаешь?

– Там посетитель, – с непонятной насмешкой сообщил Бруно, кивнув через плечо назад, где коридор упирался в неплотно прикрытую дверь, ведущую в приемную залу. – А поскольку единственный из следователей, кто сейчас в наличии на служебном месте, это ты – желаю приятного вечера.

Курт вздохнул.

К службе он относился добросовестно, с тщанием и даже любовью, однако сегодня, в первый день возвращения в Кёльн, после нескольких часов в седле и двух – в Друденхаусе, он желал, наконец, добраться до постели, выбрать из своих запасов книгу – наугад, все равно какую – и провести там еще пару часов до сна. На миг мелькнула мысль вытащить из допросной старшего сослуживца, занятого совершенно не служебным делом, однако была отринута тут же – то ли по снисходительности, то ли по причине сложности в ее осуществлении.

– Что за посетитель? – спросил Курт, вторично разразившись вздохом; Бруно развернул его к двери, подтолкнув в плечо.

– Приличного вида юноша, – все с той же усмешкой отозвался помощник. – Серьезный, солидный, я б сказал... Лет юноше около десяти.

Курт остановился, обернувшись, и несколько мгновений изучал глумливое лицо напротив.

– Что – ребенок? – уточнил он наконец, снова зашагав к двери – уже медленнее и еще более неохотно. – Господи... И что ему нужно?

– Не знаю. Мне он не говорит – требует инквизитора. Стоит у стенки, смотрит в пол, и всё.

Вздых прозвучал в третий раз – еще тяжелее и недовольнее. Детей Курт не терпел; он не умел с ними обходиться, невзирая на то, что в академии несколько уроков было посвящено именно тому, как общаться с оными представителями рода человеческого, буде возникнет необходимость взятия у них показаний. На теории это было довольно просто, однако в практическом применении все выходило гораздо сложнее, и из своих немногочисленных общений с детьми Курт вывел заключение: этих существ он не любит и не выносит.

Посетитель выглядел и впрямь до чрезвычайности серьезно; небедно, хотя и без роскоши, поразительно опрятно одетый мальчик стоял у стены, не прислоняясь к ней, заложив за спину руки, сцепленные в замок, и глядел на носки своих башмаков; лицо его было каким-то тусклым и чуть осунувшимся, словно он не спал всю предшествующую ночь. На Курта он взглянул так, что в душе шевельнулось невнятное беспокойство – взгляд был таким же серьезным, как и сам облик припозднившегося посетителя. Навстречу мальчик шагнул первым, первым же поприветствовавши его – тоже как-то по-взрослому, поименовав Курта полным именем и должностью.

– Ты меня знаешь? – уточнил он, и мальчишка кивнул.

– Вас тут теперь *все* знают, майстер инквизитор.

Ответ был высказан в таком нешуточном тоне, что Курт перекривился; дети, ведущие себя сверх меры по-взрослому, раздражали его и выводили из себя.

– Ты спрашивал инквизитора, – довольно неприветливо констатировал он. – Чего ради?

– Я хочу подать заявление, – сообщил мальчишка. – Вы ведь обязаны его принять, верно?.. Нет, – повысил голос мальчик, когда Курт, скривившись, попытался возразить, – я не намерен жаловаться на соседей или винить кого-то... Я знаю, вы это уже проходили. Знаю, что женщина, у которой вы снимаете комнату – мать человека, несправедливо обвиненного в колдовстве; моим сверстником, если я не заблуждаюсь. Я слышал о детях-обвинителях, и я знаю, сколь немного доверия свидетелям вроде меня.

– Боже... – почти простонал Курт, стиснув ладонями виски, – свидетелям – чего?

– Вы уже не верите мне, еще меня не выслушав, – вздохнул мальчик, – так, да?

– Может, присядем для начала? – вклинился Бруно, кивнув на каменную скамью у стены; мальчишка вздохнул снова.

– Я бы хотел поговорить там, где посторонние нас увидеть не смогут, – возразил он твердо. – Не хочу, чтобы кто-то знал о том, что я был в Друденхаусе; об этом даже родители не знают, и я бы хотел, чтобы вы им не говорили. Ведь я имею право требовать... – мальчишка впервые замялся, припоминая сложное слово, – анонимности. Так?

– Если дело, с которым ты явился, окажется серьезным, тебе придется повторять свои показания снова – уже открыто. Об этом ты тоже знаешь?

– Я знаю, – начиная волноваться и несколько сбиваться со своего обстоятельного тона, кивнул тот, нервозно обернувшись на дверь входа. – Но я же говорил, что никого обвинять не собираюсь... Зря я пришел, – вдруг совсем по-детски поджав губы, выдохнул парнишка, отступив в сторону. – Прошу простить, что обеспокоил. Я пойду лучше...

– Стой, – ухватив своего странного посетителя за плечо, поспешно возразил Курт, раздражаясь теперь на себя и чувствуя укоризненный взгляд своего помощника. – Стой. Пойми мое недоверие: ты сам заметил, что твои сверстники – гости в Друденхаусе нечастые и, как правило, напрасные. Но если то, с чем ты пришел, и впрямь серьезно – тебя выслушают и, поверь, постараются разобраться.

Мальчишка снова обернулся на вход, внезапно растеряв всю свою решимость и уже явно раскаиваясь в собственной затее, и Бруно шагнул ближе.

– Идем, – подбодрил он мягко, вновь одарив Курта упрекающим взглядом. – Поскольку ты уж взял на себя труд и явился в Друденхаус, – убежден, дело того стоило, и теперь просто глупо вот так развернуться и уйти.

– Давай-ка, – почти насильно развернув мальчика к лестнице, поторопил его Курт. – Побеседуем там, где тебя никто не увидит. Спустимся вниз, в подвал.

Тот вздрогнул, обернувшись так резко и почти испуганно, что майстер инквизитор, не сдержавшись, изволили сострадающе улыбнуться и заполучить еще один недовольный взгляд от Бруно.

– Там часовня, – пояснил помощник успокаивающе. – Сейчас в ней никого нет и до утра не будет. Иди, не бойся.

– Ничего я и не боюсь, – буркнул мальчишка оскорбленно и, решительно вскинув голову, зашагал по ступеням вниз.

По подвальным коридорам маленький посетитель шел уже медленнее, вжимая в плечи голову и вместе с тем пытаясь смотреться независимо и свободно, озираясь по стенам и невольно придерживая шаг, а вступив в часовню, остановился на пороге. Курт снова придерживал его за плечо, направляя к первому ряду скамей, и, усадив, поместился напротив, обреченно вздохнув:

– Можешь говорить, я слушаю.

– Ага... – проронил парнишка уже почти потерянно, оглядывая довольно скромное убранство часовни. Встретив взгляд майстера инквизитора, он нерешительно кашлянул и предположил тихо: – Я должен... что-то вроде присяги, что говорю правду?

– Пока нет, – не моргнув глазом соврал Курт, лишь помыслив себе, *что* доведется выслушать от начальства, если сейчас он примет показания под присягой от мальчишки, который после может быть обвинен в лжесвидетельстве. До положенного за это наказания в виде крепкой петли сегодняшний посетитель не дотягивает год-другой, однако обрести на свою тощую спину десяток плетей вполне может.

– Ну, хорошо... – пробормотал мальчишка, тщетно пытаясь возвратить в голос былую уверенность и смущаясь все более; Бруно подсел к нему, все тем же убивающим взглядом велел своему начальству помалкивать, и осторожно подбодрил:

– Давай-ка начнем с главного: как тебя зовут?

– Да, верно, – спохватился тот, – прошу простить, я впервые вот так вот... Я Штефан. Штефан Мозер. У моего отца кожевенная мастерская и лавка – вы должны его знать, его все знают. Вот это, – он опасливо тронул майстера инквизитора за локоть, скрипнув по черной коже почти новой куртки, – это его работа, ведь так?

– Так, – согласно кивнул Курт.

Стало быть, мальчик и впрямь из небедных, кисло подвел итог он. Как принято говорить в таких случаях, из семьи «с положением»: крупнейшая в Кёльне мастерская Мозера – это несколько десятков наемных работников, нарочные на посылках, без малого *monopolium* на изготовление и торговлю кожевенными изделиями, место в магистрате и прикрытие с бюргермайстером, который вопреки существующим законам оную монополию покрывает... В вольном городе это человек приметный, уважаемый и значимый; если выяснится, что его сын и впрямь наплетет сегодня с три короба (в чем Курт, по чести говоря, и не сомневался), после чего придется привлекать его к ответственности, то скандальчик выйдет досадный.

– Я по вашему лицу вижу, что вы готовы выслушать от меня чушь, – от явной, неприкрытой обиды Штефан несколько осмелел, тут же, однако, сникнув. – И я хочу сказать, что я сам понимаю, как глупо будет звучать то, что я расскажу. И еще хочу сказать, что я не сумасшедший и не вру. Вот чтоб мне провалиться, не вру!

– Тогда рассказывай, – обреченно вздохнул Курт, всеми силами пытаясь убавить скепсис в лице и голосе; мальчишка кивнул, все более тушуясь и отвращая взгляд в сторону, осторожно перевел дыхание и, наконец, решительно произнес:

– Хорошо. Только я начну с самого начала, потому что не знаю, что может оказаться важным, а что – нет.

– Я не спешу, – согласился Курт, отчаянно мечтая о мягкой постели и шести часах сна.

– В общем... У меня недавно родилась сестренка. У нас состоятельная семья, вы ведь это знаете... по меркам Кёльна, как говорит мама, мы богачи. Папа даже думал, не продать ли наш дом и не купить ли побольше, но никого не нашли, кто хотел бы такого обмена – я слышал, они с мамой об этом говорили. А два ребенка в одной комнате – папа сказал, что это ненормально, потому что сестренка все время просыпается и мешает мне спать. Папа еще сказал... – Штефан смущенно ухмыльнулся, чуть порозовев щеками, – что я пока слишком молод, чтобы судьба обрекла меня просыпаться от детских криков...

Курт ободряюще улыбнулся в ответ, с тоской думая о том, сколько времени еще может занять биографический экскурс Штефана Мозера.

– Сейчас я скажу главное, – бросив взгляд на его лицо, кивнул мальчишка. – И вот тогда папа нанял работников, чтобы старую кладовку перестроить в комнату. Она маленькая, но зато только моя, там очень уютно и сестренкиных криков совсем не слышно, даже ночью, когда тихо. Только когда все мои вещи перетащили в мою новую комнату, оказалось, что там негде повернуться через все эти сундучки и прочее всякое; тогда папа сделал мне шкаф – как будто еще одна кладовка. Она заняла место, комната стала еще меньше, но это все равно лучше, чем с сундуками... было, – выдавил он через силу, снова начав смущаться и отводить взгляд. – Недавно, несколько дней назад, началось... все это, из-за чего я пришел...

Штефан снова умолк, уставясь в пол и нервно теребя рукав; Бруно осторожно тронул его за плечо, подбодрив мягко, но настойчиво:

– Продолжай, не бойся.

– Я не боюсь, – снова возразил парнишка, все так же не поднимая взгляда. – Просто... Я уже говорил, что это будет звучать глупо...

– Здесь зачастую рассказывали то, что звучало глупо, – улыбнулся ему помощник. – А после выяснялось такое – даже не поверишь.

– У меня в шкафу кто-то есть, – тихо прошептал Штефан, уронив голову еще ниже, и Курт замер, в первое мгновение опешив и даже не сумев подобрать ответных слов.

– Что?! – выдавил он, наконец; Штефан поджал губы, с усилием заставив себя встретиться с ним взглядом, и повторил твердо и упрямо:

– Я сказал, что у меня в шкафу кто-то есть.

В часовне воцарилось безмолвие, не нарушаемое даже дыханием – мальчишка сидел тихо, сжавши в замок лежащие на коленях руки, и снова смотрел в сторону, бледнея и краснея вместе.

– Пстой, погоди, – наконец, заговорил Курт, встряхнув головой, – я что-то не вполне понял... Что значит «кто-то есть»?

– Ну, не мыши же, Господи! – почти в полный голос воскликнул Штефан, тут же замявшись и еще более потупившись. – Простите, майстер инквизитор, я не хотел дерзить...

– Да Бог с этим, – отмахнулся Курт растерянно, перехватив ошарашенный взгляд своего помощника. – Ты что же – хочешь сказать, у тебя... что – чудище в шкафу живет?

– Не знаю, не видел, – буркнул Штефан, стискивая пальцы уже до побеления, и Бруно, осторожно взяв мальчика за руки, насильно расцепил ему ладони. Тот вздрогнул, вскинув взгляд к нему, посмотрел на Курта и прерывисто вздохнул. – Я ведь сказал – осознаю, как это глупо. И знаю, что вы мне не верите. Но я боюсь спать в своей комнате, к себе меня мама не берет – говорит, вырос; папа мне не поверил... Почти не поверил: он положил какую-то отраву

в уголок шкафа, потому что решил, что, если мне все это не чудится, то это крыса; а духовник велел оставить глупости и стать взрослым. Молись, говорит... Я подумал, что больше мне просить помощи не у кого. Что именно Конгрегация должна заниматься... ну, такими вещами.

– Так... – Курт тяжело выдохнул, взъерошив волосы и опустив в ладони голову. – О, Господи... Ну, пускай. Рассказывай дальше; если, как ты говоришь, ты его не видел, с чего ты взял, что там что-то есть?

– Оно дышит, – отозвался Штефан едва различимо. – Ночью, когда тихо, слышно, как оно дышит – глухо так, словно жеребец, которому накинута одеяло на голову. Я знаю, о чем вы спросите сейчас; да, я звал папу, чтобы он проверил шкаф, но тогда оно замолкает.

– Ясно...

– Не верите, – уныло кивнул тот. – Я так и знал.

– Не стану говорить, что твой рассказ звучит убедительно, – пытаюсь подбирать слова помягче, согласился Курт осторожно. – Ты ведь парень взрослый, должен понимать и сам, что подобные истории... гм...

– Такие истории рассказывают друг другу шестилетки, я вполне это понимаю. Я и без того чувствую себя дураком, и я не явился бы сюда, если бы не был перепуган всем этим больше, чем опасностью выглядеть глупо.

От того, как снова не по-детски это прозвучало, стало тоскливо; Курт встретил взгляд помощника, то ли призывая его на подмогу, то ли попросту пытаюсь отыскать в его лице некое подобие соболезнования, и тот снова взял мальчишку за локоть.

– Штефан, мы понимаем, что придти вот так в Друденхаус – уже только на это требуется некоторая смелость, – ободряюще произнес Бруно. – Понимаем, что твой случай... не зауряден, и чувствуешь ты себя сейчас не лучшим образом.

– Но вы мне не верите.

– Знаешь, для пользы дела сейчас мы это обсуждать не станем. Как я тебе уже говорил, здесь слышали и видели многое, посему ты просто рассказывай дальше. Есть еще что-то, что ты хотел бы упомянуть?

– Есть, – кивнул парнишка, снова отведя взгляд и опасливо высвободив локоть из пальцев Бруно. – Оно не просто дышит. Сегодня я всю ночь не мог заснуть – только утром, когда стало уже светло, меня сморило. Когда я лег, все сначала было тихо; так всегда бывает – вначале тишина, а потом начинается это, когда дышит... И этой ночью тоже – сперва тишина, потом стал дышать. Только сегодня громче, чем обыкновенно, а потом открылась дверца. Понимаете, сама. – Штефан приподнял голову, вновь сумев выдержать придиричивый и скептический взгляд мастера инквизитора. – Медленно так, тихо, и задышал еще сильнее, как будто ближе...

Мальчишка умолк, и на бледные щеки вновь вернулась краска; не дождавшись продолжения, Курт, едва сдерживая зевок, подстегнул его довольно резко:

– Ну, и?

– Я закричал, – тихо признался мальчишка, насилу выдавливая из себя слова и опять отвернувшись. – Прибежал папа, зажег светильник, открыл дверцу...

– И? – уточнил теперь уже помощник, когда Штефан вновь замолчал; тот огрызнулся, бросив в его сторону раздраженный взгляд:

– А то не знаете! Никого там не было – только мои вещи. Папа оставил светильник на столе, и дверь больше не открывалась, но он сказал, что сделал это в первый и последний раз, потому что спать с огнем опасно. А днем я слышал, как они с мамой говорили о том, что это все у меня из-за того, что мне стали «мало уделять внимания»... – Штефан переглянулся с каждым из собеседников, словно призывая их снизойти вместе с ним к наивности родителей, и смущенно передернул плечами. – Мама сказала, что мне надо подарить щенка или котенка и больше времени проводить в мастерской с отцом, чтобы я чувствовал себя занятым. Я знаю, это им духовник наговорил – он тоже в наш последний разговор все время выпрашивал, не в обиде

ли я, что меня выгнали в отдельную комнату и что теперь почти все внимание сестренке... Но мне, понимаете, нравилось, что у меня своя комната, и мне нравится, что у меня сестренка, я ее очень люблю, и я вовсе не пытаюсь «привлечь к себе внимание». Мне действительно страшно. И все это мне не показалось, и это не крыса, не мыши, не что-то живое, это что-то страшное и... Помогите мне, – попросил он вдруг тихо и жалобно, окончательно растеряв остатки своей напускной взрослости. – Мне недавно исполнилось одиннадцать, и я понимаю, что в моем возрасте стыдно бояться темных углов, чудищ в шкафах и под кроватями, но это – не просто детские страхи. Поверьте мне. Я не вру. Там что-то есть.

Курт, уже готовый снисходительно похлопать мальчишку по плечу и спровадить ненужного посетителя восвояси, запнулся на первом же звуке, неприятно ошарашенный этой внезапной переменой в его поведении и выражением полной беспомощности на бледном испуганном лице. Только сейчас он осознал, что отделаться общими фразами и расплывчатыми обещаниями «рассмотреть» и «заняться» не получится, что любую подобную ложь Штефан Мозер увидит, почувствует; что уже сейчас он готов услышать в ответ очередную насмешку и вместе с тем надеется на слова утешения и поддержки...

– Господи, – вздохнул Курт обреченно, утомленно потирая лицо ладонями, и прикрыл глаза, сиюминутно отогнать от мысленного взора видение кровати и мягкой прохладной подушки. – Штефан, – стараясь говорить выдержанно, возразил он, снова воззрившись на своего посетителя, – ведь ты сам понимаешь, что все это...

– Да, я знаю. Я ведь уже не раз вам сказал – я все понимаю. Я даже понимаю, что вы сейчас не знаете, что вам делать; ведь так, да? Я прав? – уточнил он требовательно, когда Курт не ответил, и сам себе кивнул. – Я прав... Вы теперь думаете, что будете выглядеть так же глупо, как я сейчас, если явиться к нам в дом и скажете моим родителям, что будете проводить там свое дознание, чтобы убить чудище в шкафу. Я ребенок, но я не дурак.

– Хорошо, скажу тебе честно: я не знаю, что делать, – признал Курт. – Мне не следовало бы тебе этого говорить, это противоречит нашим правилам, но обманывать тебя не хочу. Все, что ты мне рассказал, не просто необычно, такого мне вовсе не доводилось еще слышать, и как бороться с подобным – я не знаю. Все, что я могу сейчас, это записать твои слова... ты прав – я обязан это сделать... а завтра узнать у вышестоящих, как я обязан действовать в подобной ситуации. Если желаешь, при разговоре с ними я не упомяну твоего имени.

– Они ведь никому не расскажут? Это будут знать только следователи, да?

– Да, – кивнул Курт. – Только следователи. Дозволяешь назвать тебя?

– Ладно, майстер Гессе, – неохотно согласился Штефан, снова нервно стиснув ладони вместе. – Если никто, кроме инквизиторов, не узнает...

– Никто, – подтвердил он торжественно. – Это называется тайна следствия; слышал?

– Да, слышал.

– Ты вообще, я смотрю, парень образованный, – искренне заметил Курт, – как ты...

Он осекся, встретив обреченный взгляд мальчишки и обвиняющий – своего помощника; Штефан Мозер тяжело вздохнул.

– Как я могу при этом верить во всякие глупости, да? – договорил парнишка угрюмо. – Я и не верил. Пока все это не началось, я, клянусь, во все это не верил. Да, в глубоком детстве когда мне было лет шесть или семь, мы с друзьями рассказывали друг другу всякие байки, но я вырос и перестал верить... Сейчас я думаю, что не верил даже тогда. Просто не думал о правдивости всех этих историй, и все.

– Я не хотел тебя обидеть, извини, – попросил Курт от души, и тот вяло отмахнулся.

– Я все понимаю... И знаете, – заметил Штефан нерешительно, – у меня есть одна идея, как можно разобраться со всем этим. Если к папе придет инквизитор – это ведь будет уже серьезно, это не просто жалобы ребенка, верно?.. Я ведь сказал – папа состоятелен, и он вполне может себе позволить разобрать старый шкаф и... не знаю... сжечь его, может быть? Если вы

поговорите с ним, вас он послушает; или кто-то из ваших старших сослуживцев – вы ведь в любом случае намеревались им все рассказать. Пусть он мне не верит, но он меня любит, вот и объясните ему, что для моего спокойствия будет лучше не спорить, а просто избавиться от этой вещи.

– Сообразительный паренек, – одобрил Бруно, и Курт тяжело усмехнулся:

– Да? А вещи твои тоже спалить – вместе со шкафом?

– Нет, – заметно смутился тот, – к чему же это; их можно переложить в новый...

– А когда в нем снова кто-нибудь начнет дышать, и я снова явлюсь к твоему папе с просьбами его сжечь, он погонит меня в шею вместе с моими манерами уничтожить его мебель.

Штефан умолк, неловко пожав плечами и отвернувшись; Курт вздохнул.

– Иди-ка ты домой, хорошо? – предложил он как можно мягче. – Завтра я поговорю со старшими, и тогда, быть может, мы что-нибудь придумаем. Сегодня я ничего сделать не смогу в любом случае.

– Я понимаю, – пробормотал мальчишка вяло, – я и не надеялся, что вы вот так вот, сегодняшним же вечером, сумеете меня от всего этого избавить... Спасибо, что хоть бы выслушали и не выставили сразу.

– Такая работа, – привычно отозвался Курт, поднимаясь; Штефан встал тоже, переминаясь с ноги на ногу и тоскливо косясь на чуть потемневший витраж, за цветными стеклами которого мало-помалу сгущались серые осенние сумерки – в его воображении наверняка тоже возникал образ постели и подушки, не вызывая, однако, при этом никаких приятных чувств...

До выхода из Друденхауса, провожаемый мастером инквизитором с помощником, он шел, понурившись и съехившись, точно заключенный под конвоем двоих стражей, попрощался едва слышно и шагнул на улицу, втиснув в плечи голову и озираясь. Когда дверь закрылась за его спиной, Курт несколько мгновений стоял недвижно, глядя на тяжелую створу, и, наконец, переглянувшись с Бруно, неловко ухмыльнулся.

– Господи, чего только не бывает на этой службе, – отозвался на его усмешку помощник. – Ты действительно собираешься записать весь этот бред как заявление?

– Обязан, – пожал плечами Курт, снова обернувшись на дверь. – И завтра вправду намерен справиться, как мне быть; вернее всего, с пометкой «отказано в расследовании» все это завтра же и уйдет в архив.

На его лицо помощник покосился с заметной настороженностью, вдруг перестав улыбаться, и нахмурился с подозрением, отступив даже на шаг назад.

– Что-то мне в твоих глазах не нравится, – заметил Бруно тихо. – Ты же не полагаешь всерьез, что в этом есть хоть намек на истину?

– Разум говорит, что я так думать не должен, однако отчего-то мне его поведение не по душе.

– Что – снова болит голова?

Курт усмехнулся невесело, отмахнувшись:

– Нет, Бруно, голова у меня начинает болеть тогда, когда я неосознанно заметил что-то, но не могу этого уразуметь и осмыслить явно, а сегодня я осознаю, что именно мне кажется подозрительным. Уж больно обстоятельно он все это рассказывал; к тому же – парень и в самом деле боится, боится по-настоящему.

– Уже через полчаса от первого слова дети и сами верят в то, что говорят, – возразил Бруно серьезно. – Или ему попросту снятся кошмары, или в его шкафу поселилась крыса... Господи, не можешь же ты в это верить! Неужто вы в вашей академии не травили подобных баек сами?

– В академии... – повторил Курт Гессе с ностальгической улыбкой. – В академии знали, чем привлечь к учебе оболтусов вроде меня: с первых же уроков нам невзначай, как бы между делом, начали рассказывать легенды и правдивые истории о вервольфах, стригах и прочей

живности – с кровавыми подробностями. Одиннадцати-, двенадцатилетки с уличной закалкой; что еще нас могло заинтересовать?.. Нам было любопытно, мы слушали, после просили нечто схожее в библиотеке, а от этого переходили и к иному чтению... Посему наши страшные повествования были более, так сказать, наукообразными – без всего того, что друг другу пересказывают вот такие детишки.

– А до академии?

– До? Пока родители были живы – у меня не было друзей. Да и шкафа у меня тоже не было, к слову заметить, и под моей кроватью если б и уместилось какое чудовище, то таких размеров, что его можно было б раздавить пальцем. А когда оказался на улице... В среде уличных детских шаяк и без того есть о чем поговорить, и жизнь там временами страшнее любой страшной сказки, отчего обычные байки вроде жутких чудищ в доме как-то прошли мимо меня. А у тебя в детстве жило чудовище под кроватью?

– Мои два чудовища жили в соседней комнате, – засмеялся помощник в ответ, пояснив на его вопросительный взгляд: – Отца вечно не было дома – постоянно в работе; мать умерла, производя меня на свет... так что даже обычных сказок перед сном мне рассказывать было некому. Оба брата тоже работали с утра до вечера, и я оставался наедине со старшими сестрами, которые изводили меня, как могли, посему при такой родне, поверь мне, никаких чудовищ не надо. Ты бы, кстати сказать, их проверил – обе наверняка ведьмы и надеялись меня рано или поздно уморить... Но, – чуть сбавив шутливый тон, продолжил Бруно, – я так полагаю, ты не о том спрашиваешь. Да, что-то такое было – давно, в глубоком детстве, как выразился этот паренек. Сдается мне, любой ребенок опасается чего-то подобного, даже если никогда не слышал ни одного рассказа на эту тему. *Mens semper, quod timet, esse putat*², знаешь ли.

– Или это память души, – откликнулся Курт уже почти серьезно. – Каждый из нас знает, что там, в темноте, существует что-то или кто-то, даже если никогда не видел этого. Дьявол, демоны, чудовища, кто угодно – мы просто знаем, что они там есть, и знание это рождается вместе с нами.

– Или попросту возникает после того, как наслушаешься проповедей от нашего ревностного священства, – хмуро предположил Бруно; Курт нарочито строго погрозил кулаком:

– От помощника инквизитора слышу еретические намеки?

– Арестуй меня, – фыркнул тот и, сочувственно похлопав мастера инквизитора по плечу, развернулся к двери. – Приятно провести время за отчетом, мастер инквизитор.

² Душа всегда верит в существование того, чего боится (лат.).

Глава 1

Представить то, что помощник наименовал громким словом отчет, на суд старшим сослуживцам Курт решился не сразу; пробудившись поутру и явившись вновь в Друденхаус, перечтя написанное минувшим вечером, он скептически покривился над собственными же словами. Теперь, на свежую голову, все записанное казалось еще более бредовым и лишенным смысла, посему Курт был убежден – старшие поднимут его на смех, и это в лучшем случае...

Собственно, называть обоих своих сослуживцев «старшими» он продолжал скорее инерционно, да еще по той причине, что каждый из них годился ему в отцы – поскольку прошлое его дознание, кроме разочарований, ран и мучений, принесло также и повышение в чине, вознеся дознавателя четвертого ранга Курта Гессе сразу до ранга второго, теперь *de jure*³ он пребывал с ними наравне. Однако, вполне отдавая себе отчет в их несомненно большей опытности, он держался по-прежнему уважительно с обоими, помня о том, что учиться ему предстоит еще многому, невзирая на лестные отзывы *сверху* и не раз отмеченные начальством отличную интуицию и дотошность. Сегодня совет сослуживцев был просто необходим; ответ каждого из них Курт знал заранее, однако рассказать о вчерашнем посетителе все же решился.

Как он и ожидал, оба, выслушав его рассказ, разразились смехом и ехидными колкостями, призывая его сознаться в том, что и сам до сей поры заглядывает под кровать, прежде чем лечь в нее ночью.

– Я всего лишь рассматриваю все возможности, – попытался отбиться Курт. – И я хотя бы заглядываю в кровать перед тем, как лечь, в отличие от отдельных знакомых мне личностей, которым все равно, кто в ней лежит. Вы Керну на исповеди рассказываете о своих потехах в пыточной, майстер инквизитор Райзе?

– Я всегда говорил, что иметь в качестве духовника собственного начальника – дурная традиция, – преувеличенно печально вздохнул Густав. – К чему обер-инквизитору такие знания о своих подчиненных; согласен со мной, Дитрих?

– Он застукал тебя в подвале? – довольно неучтиво ткнув пальцем в Курта, с ухмылкой уточнил старший сослуживец; Бруно, сидящий в стороне, приснул.

– Майстер Ланц, а ведь это неплохая статья дохода для Друденхауса, – заметил он, глумливо улыбаясь. – Сдавайте допросную местным шлюхам внаем на час-другой. Майстер Райзе будет посредником...

– Довольно, – оборвал Густав. – Мое времяпровождение обсудили уже вдоль и поперек; это не ваше дело и уж тем более – не твое, Хоффмайер. Ясно?

– Да, виноват, – чуть смущенно отведя взгляд, кивнул помощник.

– Знаешь, как это называется, академист? – не на шутку разозленно добавил Райзе. – Это называется наущничество.

– Я инквизитор, Густав; доносы – часть моей службы... Ну, будет, в самом деле, – все никак не имея сил согнать с лица издевательскую ухмылку, отмахнулся Курт. – Так что мне делать с заявлением того парнишки? Выбросить в очаг? Сдать в архив? Поговорить с родителями?

– Поговорить с родителями? – переспросил Ланц таким тоном, словно его младший сослуживец и приятель внезапно вскочил на стол и принялся танцевать на нем в чем мать родила. – И о чем, абориген? Брось, это детские глупости. О чем ты только думаешь...

– О том, что его рассказ не столь уж глуп, если покопаться в старых делах. Я всю прошлую зиму провел в архиве, перечитывая отчеты...

³ Юридически (*лат.*).

– ...столетней давности? – уточнил сослуживец. – Мне ли рассказывать тебе, как тогда велись расследования и сколько из этих отчетов имеют под собою хоть сколь-нибудь веское основание.

– Я имею в виду, – пояснил Курт нерешительно, – те отчеты, где упоминается нечто похожее. К примеру, *poltergeist*⁴... Знаешь, столы, едущие по дому, стук, шаги в пустых комнатах... дыхание; о нем парень упоминал – громкое дыхание в пустом шкафу...

– *Resolutio*⁵ «отказать в расследовании» – и в архив, – категорично подвел итог Ланц. – Вот когда в их доме начнут ездить столы, и это увидит кто-то кроме мальчишки, который по закону и показаний-то давать не имеет права в отсутствие родителей, вот тогда мы и станем думать, как быть с пустыми или полными шкафами. Дело в архив, и забудь об этой чепухе. Есть дела и серьезнее, а главное – ближе к яви.

Еще минуту назад ухмыляющиеся лица сослуживцев осунулись и посерьезнели так внезапно, что он нахмурился, вопрошающе переглянувшись с помощником; Бруно пожал плечами.

– Что-то произошло? – спросил Курт, невольно понизив голос, и Райзе тяжело вздохнул, сползая со стола, на котором сидел во все время разговора.

– Еще неизвестно, но вскоре, убежден, произойдет. Чуть менее чем за минуту до твоего прихода являлся наш агент в магистрате с весьма скверными новостями: вчера вечером к ним со слезами прибежала женщина – сказала, что пропала ее одиннадцатилетняя дочь; девочки не было весь день. Сперва она пыталась искать ее сама и только к вечеру пришла заявить о пропаже, куда следует.

– Почему нас не оповестили?

– Потому, – пожал плечами Ланц, – что трупа пока нет. А нет трупа, абориген, нет и убийства, нет убийства – нет подозрений на то, что здесь замешана маляфиция, а это означает, что нет причин и к тому, чтобы ставить в известность Друденхаус. Вот когда найдут труп...

– Полагаете, найдут? – тихо уточнил Бруно, и Ланц, не оборачиваясь к нему, вздохнул:

– Хоффмайер, а как ты думаешь? Девчонка одиннадцати лет загуляла в местном трактире и утром явится, хмельная и убаженная?.. Убита. В этом я уверен. Найдут; не сегодня – завтра. И если у светских вновь начнутся проблемы с расследованием, нам опять придется заниматься всем этим и исполнять их работу.

– Как и всегда, – вздохнул Курт кисло.

– Ничего сверхъестественного мы, как обычно это бывает, в деле не отыщем, – кивнув, продолжил Ланц, – однако заниматься им будем; в этот раз я не жду даже того, что светские потащат в петлю первого угодившего под руку. Подобные дела даже они усердствуют расследовать добросовестно – девчонка из благополучной во всех смыслах семьи, и если родители узнают, что их надули с виновником, скандалу не оберешься. Другой вопрос – что это добросовестное дознание у них навряд ли сложится.

– Так... И что мы будем делать? Что говорит Керн?

– Мы – пока ничего, – откликнулся Райзе невесело. – Старик дал указание ждать, и он, согласись, прав; если пособить в расследовании мы еще как-то можем, то уж разыскивать пропавших – не наша работа, пока, опять же, нет каких-либо указаний на то, что в этой пропаже что-то нечисто в самом истинном смысле. Но в чем он точно убежден (и мы с Дитрихом тоже) – так это в том, что следует готовиться к неприятному дознанию.

– А светские что собираются делать? – вновь подал голос Бруно. – Сами они помощи у нас не просили?

⁴ В реальности слово было введено в обиход в Германии Лютером, но широкое распространение получило только в начале двадцатого века.

⁵ Резолюция (*лат.*).

От того, как просто прозвучало «у нас» из этих уст, Курт невольно улыбнулся, невзирая на безрадостную тему идущей беседы. Этот ли человек всего только год с небольшим назад явился и бесновался при одной лишь мысли о том, что вынужден иметь хоть какое-то отношение к Конгрегации?.. Он ли еще так недавно ненавидел само слово «Инквизиция» и все, что с ним связано, включая свое в ней положение? Впрочем поправил он сам себя, согнав с губ улыбку, что касается последнего, то здесь удивляться нечему – положение и впрямь не из приятных.

Во время своего последнего двухмесячного пребывания в академии святого Макария Курт не раз донимал начальство устными просьбами и одним весьма официально составленным письменным запросом, призывая ректорат сменить гнев на милость и, что называется, отпустить его помощника на волю. Ректорат, который по всем бумагам являлся полноправным владельцем человека по имени Бруно Хоффмайер, отвечал отказом на каждую просьбу, со всей строгостью указывая на то, что упомянутая личность виновна, как бы там ни было, в покушении на следователя Конгрегации, а стало быть, уже сам тот факт, что он не был предан жесточайшей казни по ныне действующему закону, уже многое означает. Посему вышеупомянутый Хоффмайер остается под попечением следователя Гессе до полного осознания своего прегрешения, покаяния и исправления. Тот факт, что покушавшийся осознал все, раскаялся уже давно и даже исправился (осмыслив, наконец, что Инквизиция занимается истинными делами, а вовсе не пытается отапливать Германию кем попало), что в последнем расследовании был и его немалый вклад, что, в конце концов, следователь, претерпевший покушение, свои претензии снял и сам же подает запросы об освобождении посягнувшего – все это ректоратом упорно не замечалось. На отношениях Курта с Бруно это сказывалось слабо, и именовали его подопечного в последнее время все чаще помощником, хотя подобного звания официально тот не носил, права на него не имел и, что немаловажно, жалованья за оное не получал.

– Светские... – повторил Райзе таким тоном, что засвербело в зубах, и pokrивился. – Магистрат, надо отдать ему должное, Конгрегацию весьма уважает, однако помощи не попросит до последнего – блюдут самолюбие, сукины дети. Агент сообщил, что сегодня с утра они начнут поиски. А как начнут – можешь себе вообразить: сперва потратят полдня на то, чем вчера занималась мать девчонки, а именно, будут выискивать ее по подругам и знакомым. Потом, может быть, начнут прочесывать неблагополучные кварталы – а не завалился ли где труп.

– Эти кварталы давно надо было вычистить, – заметил Бруно недобро. – Устроить облаву и выгрести оттуда всю шушеру.

– Кстати сказать, – оставив его выпад без ответа, произнес Райзе задумчиво, – академист, а ведь у тебя там есть старые знакомцы, так?

– Один, – неохотно подтвердил Курт. – Сколькие из моих бывших приятелей остались еще в живых, я не знаю – миновало более десяти лет, Густав; большинство наверняка уже встретились с петлей или ножом в руке своих же.

– Уж коли этот «один» сам возобновил знакомство, не стоит упускать случай; хватайся за возможность, пригодится. Если у светских завязнет дело, может, обратишься к нему за небольшой помощью? Не видел ли, не слышал ли...

– Поглядим, – отозвался Курт неопределенно.

– Почему вообще все так переполошились? – Бруно перевел взгляд с одного собеседника на другого, пожав растерянно плечами. – Девочка лишь сутки как исчезла, и ничего еще не случилось, в сущности...

– Потому, – пояснил Ланц хмуро, – что девчонка эта, как я уже сказал, из хорошей семьи. Это первая причина. А вторая – в том, что у нас, Хоффмайер, благополучный мирный город, ремесла-торговля, все чинно и солидно... было, пока кое-кто не спалил нашего герцога с племянницей и архиепископом за компанию...

Курт метнул в сторону сослуживца короткий взгляд, но в ответ лишь промолчал, отвернувшись.

– Истекли всего-то пара месяцев, – продолжил Ланц, – так сказать, дым едва успел развеяться; люди только утомонились, только-только начинают прекращать обсуждать все это, и вдруг пропадает ребенок. История с герцогом еще на слуху, и если вскоре не пойдут сплетни, что девочку украли ведьмы, дабы сварить из нее мазь для полетов, я буду весьма удивлен. И, наконец, последнее: за минувшие лет восемь ни убийств, ни пропаж детей в Кёльне не случилось – исключая, разумеется, несчастные случаи, драки меж мальчишек и прочую шелуху. Вот еще – в позапрошлом только году двое огольцов решили удрать из дому, однако, во-первых, их уже через полдня перехватил отец, после чего они навряд ли могли сесть еще с недельку, а во-вторых, уходя, нормальные люди забирают с собой какие-никакие вещи. Эта же просто вышла из своего дома и исчезла. Стало быть, убийство. Не какой-то нищенки, вскоре после громких казней и – первое за почти десяток лет. Не повод всполошиться, Хоффмайер?

Тот лишь вздохнул, вяло кивнув, и Ланц поднялся с таким же тягостным вздохом, отчего-то задержав тоскливый взгляд на распахнутом окне – быть может, воображая себе толпу сплетников, шныряющих по Кёльну и возмущающих мирных горожан.

– Пока занимаемся своими текущими делами, – подвел он итог всему сказанному. – А именно – плюем в потолок и бездельничаем.

– *Otioso nihil agere est aliquid agere*⁶, – передернул плечами Райзе; Курт покривился:

– *Qualis sententiae gravitas*⁷... Твои сентенции, Густав, когда-нибудь сведут меня в могилу. – Он тоже встал, неловко стянув со стола лист, исписанный столь невнятными и неправдоподобными словами о таящихся во тьме страхах, и медленно поднял взгляд к Ланцу. – Дитрих, я подумал – поскольку уж все равно нечем заняться...

– Нет, – отрезал тот, не дав ему договорить; Бруно тихо хмыкнул:

– Майстер Ланц, когда он в последний раз попросил заняться расследованием «от нечего делать», если припомните, это закончилось разоблачением крупного заговора государственных размахов. Я бы на вашем месте...

– Вот когда будешь на моем месте, Хоффмайер, тогда и станешь поручать ему ловлю чудовищ в шкафах, – уже раздраженно откликнулся сослуживец и, перехватив взгляд Курта из-под насупленных бровей, обреченно отмахнулся. – Господи... В конце концов, абориген, ты теперь одного со мной ранга, и я уже не могу тебе ничего запретить или приказать.

– *De jure*.

– А *de facto*⁸ тебя ни удержать, ни принудить к чему-либо никогда и не было возможно, – возразил Ланц хмуро. – Ты спросил у меня совета? Я дал тебе совет: брось эту чушь в архив и забудь. Если ты что-то увидел в этом рассказе – иди к Керну и получай от него дозволение заняться расследованием, поразвлечешь Кёльн.

Ланц умолк, смотря на него с выжиданием, и Курт отвел взгляд. Несколько мгновений он стоял неподвижно, глядя снова в строчки на листе в своей руке, а потом, вздохнув, выдернул из чернильницы перо и, склонившись к столу, медлительно, нехотя вывел внизу страницы: «Отказано в расследовании».

– Я сейчас отнесу это в архив, – произнес он тихо, – но к Мозеру все равно зайду. Просто побеседую с родителями, и все. Пусть, в самом деле, спалют к едрене матери этот треклятый шкаф и дадут своему ребенку спокойно спать.

⁶ И безделье тоже дело (лат.).

⁷ Какая глубина мысли (лат.).

⁸ Фактически (лат.).

* * *

В архиве Курт задержался несколько дольше, нежели лишь для того, чтобы попросту положить на полку единственный лист так и не начатого дела; поскольку сегодняшний день, по всему судя, предстоял быть ничем не занятым, он потратил еще час на то, чтобы отыскать и перечитать записи о расследованиях, в коих упоминались шумные духи или иные подобные сущности и явления. Сложность состояла в том, что дознания по этим поводам проводились давно, записи были составлены неумело или пристрастно, и в последние времена, когда Конгрегация начала работать как должно, отличая умысел от случайности или откровенной лжи, почти ничего подобного (по крайней мере, в окрестностях Кёльна) не происходило. При желании можно было, конечно, послать запрос в академию святого Макария, чьи библиотека и архивы были куда как полнее, однако же сама необходимость вникания в эту историю все еще оставалась весьма слабой.

Сразу отметая в сторону те дела, в которых упоминались явно вымышленные истории или проделки капризных детей, Курт выложил перед собою три стопки сшитых вместе листов. Первое расследование проводилось еще в тысяча двести каком-то году (последние цифры смазались) – проводилось даже не инквизитором, а просто священником, по мере своих слабых сил и не менее слабой грамотности записавшим исследуемые события. Флердхейм, деревенька под юрисдикцией Кёльнского епископата. Дом одинокой старушки. Шаги по комнатам, падающая утварь. Стуки в стены. На попытку экзорцизма *poltergeist* не отреагировал никак, если не считать реакцией вдруг поехавший по полу стул – с такой силой, что при ударе в стену стул разлетелся в щепки. Единственной пострадавшей от одного изгнания личностью оказалась сама старушка, от всех потрясений отдавшая Богу душу прямо во время обряда изгнания. Поскольку дух продолжал будоражить умы и дом, а хозяев у вышеупомянутого дома не осталось, жители приняли решение спалить его целиком, после чего, как и следовало ожидать, все прекратилось.

Второе упоминание относилось уже к 1300-му году; расследование проводилось заезжим инквизитором непомерной ревностности (его имя Курт встречал уже в других записях и по другим поводам – слишком часто, чтобы все записанное было правдой). В деревне по соседству (названия ревностный сын Конгрегации не упомянул) в доме, где проживала семья из пяти человек (мать, отец, двое детей и дед со стороны матери) исчезала еда – всегда только хлеб. Когда пищу стали прятать под замок, начались шумы в виде топота и стука. По совету деда куски хлеба стали оставлять на столе на ночь, и шумы прекратились. За содержание и вскармливание домашнего духа дед был сожжен как колдун, родители – как пособники, дети – за компанию... О судьбе самого духа записи умалчивали.

И, наконец, сравнительно недавнее дело, связанное с интересующим его явлением, расследовалось в 1361-м году, когда Конгрегация уже начала пытаться *работать*. Отчет был составлен начинающим следователем внятно, четко и без эмоций, с подробными детальными описаниями. Деревушка Райнбах (юрисдикция Кёльнского отделения Конгрегации).

Дом вполне благополучной семьи. Семья – отец, мать, трое детей, родители отца. По отзывам соседей, семья отличалась благочестием и приятным нравом, исключая оглохшую на старости лет бабу, каковая по этой причине говорила всегда криком, отчего беседа с нею превращалась в мучение. Шаги в пустых комнатах. Падающая утварь. Открывающиеся сундуки. Дыхание и шепот ночью у кроватей спящих домочадцев. При проведении изгнания – летающая мебель, тихий смех, вспыхивающие стены. Приглашенный священник от Конгрегации (со славой грозы демонов) не добился ничего – лишь все тот же смех, произвольное возгорание стен и мебели и топот по полу. Когда владельцы дома уже отчаялись и махнули рукой, при выкорчевывании дерева, росшего недалеко от стены дома (яблоня загорелась при очередной попытке экзорцизма), были найдены кости в истлевшей одежде. На расспросы следователя

местные жители с трудом припомнили, что о прежних владельцах дома ходили всевозможные неприятные слухи, включая и рассказы о том, что хозяин убил и где-то захоронил свою смертельно больную жену, с которой промучился около пяти лет. Избавившись от жены, он сочелся браком снова, но отчего-то вскоре спешно продал дом и уехал неведомо куда. Кости захоронили в освященной земле, была отслужена панихида об убиенной, после чего в доме воцарились мир и покой.

Последний рассказ Курта заинтересовал всего более; как знать, если бы прочие были изложены столь же четко и если бы дознания проводились по всем правилам логического расследования событий, а не выбивания признаний у первого встречного, быть может, и в предыдущих двух случаях картина была бы схожей? Кое-что общее, однако, уже наличествовало; и если припомнить все прочтенное на ту же тему раньше, еще в академии, то один признак присутствовал во многих случаях, а именно – полная неудача при попытке изгнать вредоносный дух прочь. Иногда это получалось – и тогда, наверное, речь и в самом деле можно было вести о некоем духе, не имеющем отношения к миру человеческому. Можно ли утверждать, что во всех остальных эпизодах, если покопаться (в буквальном смысле), то обнаружались бы останки того, чья неупокоенная душа попросту пытается привлечь к себе внимание?..

Курт вздохнул, отодвинул от себя стопки пожелтевших листов и подпер кулаками голову. Еще пару месяцев назад он сказал бы – да; однако теперь, когда его допустили в ту часть библиотеки академии, куда обычным курсантам и выпускникам вход был воспрещен, он по-иному смотрел уже на многое. Он не порицал своих наставников за то, что на занятиях не преподавали тех знаний, которые он почерпнул за последние два месяца – знаний, каковые в свои двадцать два уже имел в своем распоряжении он, но которые были неведомы двум его старшим сослуживцам в Друденхаусе, да и всем тем, кто не имел отношения к академии святого Макария; искушение они несли немалое, и Курт без ложной скромности отмечал, что не всякий способен оно искушение выдержать. И теперь он мог сказать, что причиной к подобным явлениям может явиться как душа человека, требующая завершения его дел на земле или должного погребения, или мести, так и пришлый дух, который (что сказали бы многие из прочих выпускников, услышав это?..) не всегда может изгнать даже самый благочестивый носитель сана. Бывали случаи, когда к оному изгнанию приходилось привлекать священнослужителя *со способностями*, за одно владение которыми еще полвека назад жгли заживо и медленно, и никто иной провести экзорсизм был просто не в состоянии, да и сама процедура изгнания сильно отличалась от общепринятой церковной...

Размышления эти были ни к чему – Курт это осознавал; заниматься, как верно выразился Ланц, ловлей чудовищ в шкафах начальство ему не позволит: майстер обер-инквизитор Вальтер Керн верил в способность своего подчиненного находить в деле мелочи, на которые никто не обращает внимания, доверял его интуиции, однако всему есть пределы. Да и сам он понимал, насколько в глупом положении окажется, если явится в дом Мозера с подобными идеями. Все, что у него было, – это испуганные глаза мальчишки, его бледное лицо и жалобный шепот – «помогите мне»...

Быть может, впрямь стоит попытаться надавить на отцовскую любовь и уломать Мозера-старшего спалить этот шкаф от греха, и пусть парень успокоится...

– Так я и думал, что найду тебя здесь, – гулко отражаясь от камня стен, послышался голос помощника за спиной; Курт медленно обернулся, пытаясь по лицу Бруно понять, какие новости его ожидают и для чего понадобилось его разыскивать. Подопечный прикрыл дверь за собою, войдя и остановившись у порога, и кивнул через плечо назад: – Что-то, похоже, нешуточное случилось: из магистрата прибежал солдат – весь в мыле. Сказал, что тебя там ожидают.

– Меня? В магистрате?

Этого Курт не мог и предположить – со светскими властями он никогда не общался, это было и обязанностью, и даже в некотором роде долгом Вальтера Керна; никого лично майстер инквизитор там не знал, лишь был весьма поверхностно, едва ли не просто в лицо, знаком с бюргермайстером, знал его по имени, но это и все...

Бруно в ответ лишь пожал плечами:

– Сказал – тебя. Он, кстати, ждет внизу, в приемной зале, так что все свои вопросы задавай ему.

– Не нравится это мне... – пробормотал Курт, спешно собирая листы со стола, и, рассовав их торопливо по местам, распахнул дверь.

Подопечный шагал за ним молча, ничего не говоря и ни о чем не спрашивая, – его постоянное присутствие рядом в последнее время все чаще подразумевалось, если не было необходимости в особых указаниях; и когда, сойдя вниз, Курт приблизился к курьеру магистратской службы, в ответ на его настороженный взгляд он лишь отмахнулся:

– При нем можно говорить все.

А при них? – спросил несчастный взгляд курьера, когда, словно тени или призраки, неведомо откуда за спиной майстера инквизитора возникли оба его старших сослуживца; вслух, однако, тот ничего не сказал, лишь вздохнув и переступив с ноги на ногу.

– Мне, собственно, добавить нечего, – выговорил посыльный, стараясь изъясняться четко и смешиваясь под взглядами служителей Друденхауса, – только то, что я уже сказал вашему помощнику. Бюргермайстер Бертольд Хальтер просит майстера инквизитора второго ранга Курта Гессе прибыть в здание магистрата и, если это будет возможным, незамедлительно. Все, что мне известно и что позволено сообщить, – это то, что встреча со следователем Конгрегации есть просьба заключенного, арестованного этим утром.

– *Lepide*⁹... – пробормотал Ланц за спиной, и Курт нахмурился.

– Заключенного? По какой причине и что за заключенный?

– Простите, – почти жалобно отозвался курьер, – я лишь гонец, большего я не знаю и не могу сказать. Бюргермайстер ожидает вас в любое удобное для вас время, однако же его просьба, если возможно, поспешить, ибо дело весьма важное. Это все, майстер инквизитор.

– Хорошо, я явлюсь в течение этого часа, – кивнул Курт и, когда курьер, раскланявшись, удалился, обернулся к сослуживцам, глядя в их непонимающие глаза таким же не понимающим ничего взглядом. – Что б это могло означать?

– А за минуту до его прихода, – тихо заметил Бруно, – в рабочую комнату к майстеру Керну вошел агент из магистрата... Я его ненароком увидел, – пояснил он в ответ на строгие взоры окружавших его следователей. – Так вот, я и думаю: не зайти ли тебе к нему? Ведь все равно придется доложить о такой новости, как приглашение инквизитора в магистрат, если я верно помню все ваши запутанные предписания.

– После расскажешь, в чем дело! – крикнул ему вдогонку Райзе, когда Курт, молча развернувшись, через ступеньку побежал по лестнице вверх, на сей раз велев подопечному остаться на месте.

К начальству он вошел попросту, без стука, чем заслужил недовольный и гневный взгляд, однако, как и ожидалось, в присутствии агента отповеди Керн себе не позволил – лишь нахмурил морщинистый лоб, сдвинув седые брови к переносице, и исподволь изобразил кулаком удушение.

– А вот и он, – сообщил обер-инквизитор, как Курту показалось, несколько устало, и стоящий напротив человек обернулся, чуть склонив голову и торопливо поздоровавшись. – По твою душу, – пояснил Керн. – Как раз намеревался послать за тобой, а ты, как тот волк

⁹ Забавно (лат.).

в басне... Ну, – вновь обратясь к своему посетителю, вздохнул он, – повтори теперь все, что сказал мне.

– Хорошо, – с готовностью кивнул агент, снова поклонившись одной головой, и развернулся к Курту – четко и ровно, словно солдат на плацу. – Сегодняшним утром был арестован некто, по не ведомому мне пока обвинению, и препровожден в магистратскую тюрьму. Из слухов известно, что взяли его за убийство, и слухи подтверждаются тем, что в подвал внесли небольшой куль, сквозь полотно на котором проступают кровавые пятна. Солдаты молчат, но выглядят... плохо.

– Что значит – плохо? – уточнил Курт, и агент замялся.

– Плохо – значит... им плохо. Бледные и... и молчат. Мне не удалось узнать, что произошло. Но зато я знаю, что этот заключенный едва ли не с первых минут требует встречи с инквизитором, причем не просто с кем-то из следователей Друденхауса, а именно с вами, майстер Гессе. Его, насколько мне удалось понять, пытались допрашивать, однако вместо ответов он требует вас.

– Знаю, – кивнул Курт, и на него уставились две пары удивленных глаз – начальства и агента; два мгновения висела тишина, а потом Керн тяжело поднялся, кивнув замершему напротив человеку и молча указав узловатым пальцем на дверь.

Агент отступил, переводя взгляд с одного собеседника на другого; во взгляде явственно читалось, кроме оторопи, откровенное разочарование ничемностью его информации, наверняка добытой с большим трудом. За дверь он выскользнул тихо, запамятавав даже попрощаться, и Курт сочувственно усмехнулся:

– Бедолага. Ведь, наверное, усердствовал угодить...

– Первое, Гессе, – оборвал его сердитый голос, и он невольно вытянулся на месте в струнку. – Прекрати врываться ко мне без предупреждения.

– Виноват, Вальтер, простите; я узнал, что у вас агент, и торопился, чтобы...

– Второе, – вновь не дав ему договорить, продолжил Керн. – Сегодня ты что-то слишком много знаешь. Колись, Гессе. Что происходит?

Глава 2

В здании магистрата Курта ожидали – топчущийся у стены человек явно был выставлен в приемную лишь для того, чтобы дожидаться появления майстера инквизитора и сопроводить его к бюргермайстеру лично.

Здесь Курт был впервые и, идя следом за своим провожатым, рассматривал окружающее, стараясь не вертеть головой, отмечая, что зданию лет, наверное, столько же, сколько и первой, старой, башне Друденхауса. Выстроено оно было по старым канонам, отчего внутренность *aedificii administrationis urbis*¹⁰ более напоминала собою родовое гнездо какого-нибудь не особенно богатого наместника в провинции в смеси с некоторыми чертами церковной постройки.

Личная рабочая комната бюргермайстера, судя по ее неправдоподобной аккуратности и вместе с тем пыльности, использовалась для работы нечасто; столь же редко глава магистрата, похоже, вообще переступал порог этой комнаты, и Курт припомнил, что Керна он никогда не видел ни приходящим, ни уходящим, а всегда лишь за своим рабочим столом. Чем майстер обер-инквизитор мог там заниматься при столь редко выпадающих на долю Друденхауса расследованиях, он понятия не имел, однако же был убежден, что именно бюргермайстеру и полагалось бы находиться на своем месте с подобной же регулярностью и исполнительностью.

Бертольд Хальтер ему не понравился с первых же мгновений, лишь только тот шагнул навстречу, приветствуя и хмурясь. Во-первых, для должности управления столь немалым городом он был довольно молод – лет неполных сорока. Невзирая на собственный ранний и в буквальном смысле стремительный *cursus honorum*¹¹, Курт подобным личностям не доверял, вполне отдавая себе отчет, однако, что в этом есть некоторая вина академии, наставники которой пребывали в возрасте почтенном, тем самым приучив его воспринимать авторитетно лишь персон, что называется, в солидных годах. Во-вторых, бюргер-майстер поднялся попросту на волне беспорядков, последовавших за восстанием ткачей Кёльна, и попытаться он пройти выборы должным образом, ни одного голоса в свою копилку он бы не получил.

Хальтер выглядел усталым, однако, если усталость в лице главы кёльнского Друденхауса была какой-то привычной и словно сжившейся с ним, то лицо бюргермайстера выражало утомление, каковое испытывать ему доводилось явно нечасто. Отвечая на приветствие, Курт всеми силами старался соблюсти в лице должную уважительность; дабы изгнать из мыслей и ощущений неприязнь к человеку напротив себя, он припомнил множество весьма полезных дел, совершенных при новом бюргермайстере, включая поддерживаемое до сих пор равновесие между буйствующими студентами, добрыми горожанами, торговцами, остатками уличных шаек и нищими, что, по чести сказать, все же требовало некоторых умственных и физических напряжений. Кроме того, когда Друденхаусу потребовалась дополнительная стража, бюргер-майстер прислал людей, не дожидаясь даже просьб – по личной инициативе...

– Нам с вами не доводилось до сей поры беседовать очно, – заметил Хальтер, – и хочу воспользоваться случаем, дабы выразить свое восхищение по поводу преступления, расследованного вами этим летом.

На мгновение Курт стиснул губы, чтобы не улыбнуться невпопад; ему вообразилось мигом то, как было возможно беседовать с ним *не очно* (перекрикиваться с крыш Друденхауса и ратуши, не видя друг друга?..), и отметились *восхищение преступлением*, по поводу которого он проводил дознание. При желании после таких слов еще лет тридцать – тридцать пять назад бюргермайстера можно было бы прихватить за сочувствие к еретикам...

¹⁰ Здания городского управления (лат.).

¹¹ «Карьерный бег», подъем по карьерной лестнице (лат.).

– Моя работа, – отозвался он просто и, не спросив дозволения, уселся на высокий стул напротив совершенно пустого, если не считать одинокой чернильницы, стола. – Вы просили меня явиться незамедлительно; случилось что-то, что должно заинтересовать Конгрегацию?

Хальтер вздохнул, обойдя стол, и тяжело приземлился напротив, упершись в него локтями.

– Не знаю, – ответил он наконец, и, встретив удивленный взгляд своего гостя, кивнул: – Сейчас я все проясню, майстер Гессе. Вам придется набраться терпения и выслушать некую историю, дабы иметь перед собою полную картину событий.

– Я слушаю, – согласился Курт коротко, и бюргермайстер снова вздохнул; в мысли пришло, что слишком много вздохов он слышал за последние сутки, и это не к добру...

– Ведь в Друденхаусе уже известно, что вчерашним днем пропала девочка, верно? – почти без вопросительных интонаций произнес бюргермайстер, и Курт молча кивнул. – Сегодня утром мы намеревались начать поиски; начать думали с опроса знакомых матери и подруг самой девочки – ведь всякое может быть, вы понимаете...

Прав был Райзе, отметил Курт мысленно, снова кивнув – не то соглашаясь с услышанным, не то попросту показав, что слушает внимательно.

– Девочка из хорошей семьи, – продолжал Хальтер, – но и это вы уже наверняка тоже знаете... Ее родители поставляют лед для всего Кёльна; не думайте, что это не Бог весть какое занятие – занятие это сложное, требующее затрат, и в результате прибыльное, и от него зависят многие, кто уже привык слагивать свое дело с поставками льда. Мясники, знаете ли, молочники... Сейчас родители в беспокойстве, я б сказал, – в панике; если это помешает их работе, каковая, скажу вам откровенно, уже несколько сбилась, то убытки понесут многие, а вместе с ними и городская казна... Но, простите, я увлекся, хотя и сказано все это было для того, чтобы пояснить вам, сколь серьезно произошедшее... – Хальтер исподволь бросил взгляд на Курта и, не увидев на его лице раздражения, вновь разразился тяжелым вздохом. – Итак, нынешним утром мы намеревались начать поиски; и мы их начали. Наши дознаватели уже занялись опросом знакомых, но вдруг произошло непредвиденное – к магистрату явился мусорщик, чтобы дать свидетельские показания.

Кстати, еще и мусорщики, прибавил Курт еще одну заслугу к списку положительных черт бюргермайстера Хальтера; на своем веку городов он повидал всего ничего, однако мог поручиться за то, что в подобной чистоте содержались явно немногие. Разумеется, весной под ногами хлюпала грязь, на улицах чавкали лужи, однако гниющих отбросов, выметаемых жителями из домов и сбрасываемых из окон, не накапливалось: мусорщиков было двое, работали они сравнительно аккуратно, а жители, не желающие блюсти чистоту города, штрафовались с завидной исправностью.

Правда, за пределами Кёльна, недалеко от стен, образовалась массивная свалка, и что делать с ней, магистрат еще не решил. Время от времени под охраной солдат какой-нибудь узник, осужденный на общественные работы, поджигал окраины мусорных островов, дабы не плодились крысы; порой свалка горела сама по себе, и тогда горожане посмеивались – «инквизиторы упражняются, дабы не потерять навык...»

– А рассказал он, что видел девочку, похожую по описанию на ту, что мы разыскиваем – во всем. Была девочка не одна, а с парнем – со взрослым парнем, с мужчиной, понимаете? И видел он их у свалки. Разумеется, я тут же вызвал людей – немного, дабы не поднимать паники и не будоражить горожан – и послал прочесать всю эту помойку... – Хальтер умолк, глядя чуть в сторону, мимо глаз собеседника, и лишь через полминуты тишины вновь поднял взгляд к его лицу. – Мы нашли их – обоих. Он был пьян настолько, что ничего не соображал, а она...

– Убита? – подсказал Курт; собеседник болезненно поморщился, и щеки его над аккуратной бородкой побелели.

– Не просто убита, – понизив голос, словно мог кто-то услышать их в этой комнате, возразил бюргермайстер. – Жестоко убита – и даже это сказано слабо. Это... Это было страшно. Я такого никогда еще не видел. Располосована. Вскрыта, как дичь. Он распотрошил ее, понимаете?

В висок толкнулась тупая боль, сместившись к переносице и став острой, точно в мозг вонзалось зубило, погружаясь все глубже и глубже, и ладони под тонкой кожей перчаток покрылись липким мерзким потом.

– Еще что-то?

От того, что старался держать голос под контролем, это прозвучало холодно, сухо, так что Хальтер бросил на него взгляд жесткий и неприязненный.

– Да, – отозвался он почти с вызовом. – Еще кое-что. Он связал девочку ее одеждой и... Я понимаю, что наши лекари не столь сведущи в тонкостях, как майстер Райзе, однако даже они смогли определить, что... *это* с ней сделали не раз.

– До или после смерти? – уточнил Курт, осторожно переведя дыхание, и бюргермайстер вскочил, стукнув по столу кулаком:

– Да откуда я знаю?! Лекарь, который осматривал ее, до сих пор сидит в подсобной комнате и пьет – кружками! Хотите, я покажу вам тело? И вы сами определите, что сделали до смерти, а что – после!

– Позже непременно, – ответил Курт спокойно, и Хальтер опустил на стул, потирая ладонями лицо и опасливо переводя дыхание.

– Прошу прощения, – глухо проронил он, снова опираясь локтями о стол и не глядя на сидящего напротив. – Просто я – тело видел. Понимаете, майстер Гессе, у меня самого сын в том же возрасте и дочь годом старше, и я...

– Понимаю. Продолжайте, прошу вас.

– Обоих мы перевезли тихо, – через силу снова заговорил Хальтер. – Если бы горожане узнали... Мне ни к чему беспорядке в моем... в нашем городе, а я убежден, что парня попросту выхватили бы у стражи из рук и порвали б в клочья на месте. Даже родителям девочки я пока ничего не сообщал... честно вам сказать – просто не могу вообразить, как *такое* можно сказать и... показать.

– Итак, мы добрались до парня, – напомнил Курт. – Это и есть тот арестованный, который требовал встречи с инквизитором?

– Не просто с инквизитором, майстер Гессе, – возразил Хальтер со вздохом, – а именно с вами. Знаете, когда я сказал, что мы взяли его ничего не соображающим, я немного... ошибся в подборе слова. Он просто не оказал сопротивления, хотя нож, которым он ее убил, все еще был в руке. Парень вообще был словно в полусне, а когда его повязали – лишь тогда стал вырываться и кричать, что «этого не делал». Только это он и говорит с той минуты; но это его рук дело, без сомнений: кроме того, что мы нашли его над телом убитой, с нею его видели накануне вечером – стража на воротах, и тогда девочка была еще жива. Я так думаю, когда увидел, что натворил – очнулся и протрезвел...

– Он был допрошен? Предполагаете причину его действий?

– Пытались узнать, – улыбка Хальтера была похожа на волчий оскал. – Настоячиво. Но это все, что мы от него слышим; сперва твердил, что ничего не сделал, а после стал требовать вас. Как вы понимаете, если некто требует встречи с инквизитором, отказать ему я не имею права, посему я и послал за вами с просьбой явиться.

– Итак, вы хотите, чтобы я побеседовал с ним? – переспросил Курт, и тот кивнул. – Хорошо, я это сделаю. Что это за человек, кто он в городе, вы знаете о нем хоть что-то?

– Мы о нем знаем почти все, – зло вытолкнул сквозь зубы Хальтер. – Он – преступник, вот что я о нем знаю. Он с детства копошится в этих кварталах – знаете, которые опустели после чумы десять лет назад.

– Знаю, – тихо откликнулся Курт, начиная предчувствовать, что события вот-вот обернутся вовсе неприятным образом.

– Ну, а поскольку он умудрился выжить... ведь не только мы отлавливаем этих подонков, они и сами режут друг друга направо и налево, вы ж понимаете... Так вот, поскольку он умудрился выжить, можете вполне логичным образом предположить, что среди своих сообщников он ходит, я бы так выразился, не в простых чинах – у него под рукой с пяток головорезов, которые исполняют его поручения.

– Если вам так много о нем известно, отчего же он до сих пор не повешен? – усмехнулся Курт невесело. – Отчего бы вообще не устроить облаву и не выловить оттуда всех?

– Не все так просто, – вздохнул Хальтер, и он невольно покривился. – Облава в старых кварталах – дело сложное и почти бессмысленное. Ко всему прочему, майстер Гессе, застать этого человека на месте преступления ранее не удавалось – лишь слухи, даже без свидетелей, вот и все, что у меня на него было. Я знаю, в Друденхаусе принято полагать, что магистрат целыми днями смотрит в окно и ничем не занимается, а казням и наказаниям предаёт лишь тех, кто подвернулся под руку, однако же, смею заверить, ваши сослуживцы ошибаются. Разумеется, случаются... недоразумения, однако я стараюсь, чтобы в городе был порядок. Если же я начну уделять излишне много своего внимания подобным личностям, пострадают, так скажем, те, кто должен быть мною защищен, а именно – простые горожане...

– Иными словами, с местными преступниками у магистрата соглашение о минимальном вмешательстве? Или у вас лично? – подвел итог Курт и, увидев, как глаза бюргермайстера скользнули в сторону, качнул головой. – Бог с ним... Это не мое дело. Итак, стало быть – этот человек уже был замечен, хотя и бездоказательно, в...

– ...грабежах. Кражи – это уже мелочь. Убийства – об этом лишь слухи, не могу сказать с уверенностью, но могу предположить, что, скорее всего, так. На таких местах в шайке, какое занимает он, люди, ни разу не смочившие нож в крови, не держатся.

– Возраст, имя; хоть это вам известно?

– Может, лет двадцать пять – двадцать шесть... Точные года его я вам не назову – представления не имею, это меня как-то не интересовало, – несколько едко заметил Хальтер. – Если это интересует вас – можете заглянуть в метрические записи. Его имя Вернер Хаупт.

– Ясно, – проронил Курт сухо, рывком поднявшись, и мгновение стоял недвижно, глядя в окно за плечом бюргермайстера и не произнося ни единого звука. – Если это все, что вы хотите и можете мне сказать, то, наверное, нам стоит перейти к тому, ради чего, собственно, я здесь?

– Да, конечно, – торопливо согласился Хальтер, почти вскочив со своего места и направившись к двери. – Понимаете ли, майстер Гессе, ведь нельзя же более тянуть – надо сообщить семье, надо, в конце концов, примерно наказать этого мерзавца, а поскольку в дело... пока еще не могу понять, как... вмешался вдруг Друденхаус, то мы не можем ничего предпринять. Если до людей дойдет... а наши солдаты – они ведь не глухонемые, и терпение у них далеко не ангельское, проболтаются сегодня же... Так вот, если до людей дойдет, от нас вполне справедливо станут требовать незамедлительной казни, а я не могу действовать, пока вы...

– Я понимаю, – оборвал его Курт настойчиво, и тот спохватился:

– Да, прошу прощения, я вас задерживаю. Я позову стража, он вас проводит.

– Не сто́ит, – возразил он с невольной усмешкой. – Я знаю, где магистратская тюрьма.

Взгляд на него Хальтер бросил подозревающий и настороженный, однако возразить то ли не посмел, то ли попросту поленился и лишь указал широким жестом в коридор, приглашая выйти из комнаты.

* * *

Здание тюрьмы, принадлежащей магистрату, Курт и впрямь нашел без труда – даже спустя десять с лишним лет путь через двор до приземистого старого корпуса он помнил четко до боли; однажды его остановил страж, но отступил в сторону, когда из-под куртки был извлечен Знак и довольно неучтиво ткнут ему почти в самое лицо. Во избежание недоразумений Курт просто оставил его висеть на виду, и больше его не задерживали – не то под натиском всемогущего Сигнума, не то потому, что далее попадалась стража, уже предупрежденная о его появлении.

Вероятно, именно последнее предположение и было верным, ибо уже внутри здания, когда он затворил за собою старую тяжелую дверь, к нему метнулся солдат – собранный и бледный, не задав ни единого вопроса, но зато на ходу приветствуя и выражая готовность провести к нужной камере. Нужная камера оказалась в самом дальнем конце темного, мерзко пахнущего коридора – зарешеченная ниша в стене, в которой невозможно было стоять, выпрямившись, в ширину и длину не превышающая трех шагов. На мгновение Курт подумал о том, что либо Судьба издевается над ним, либо же это ее своеобразный юмор, не понятный простому смертному...

Заключенный полулежал на полу, прислонившись к стене и закрыв глаза, и на звук шагов дернулся, вскочив и подбежав к решетке; ему удавалось распрямиться в полный рост из-за того лишь, что его собственный был довольно низок, да и весь он был какой-то словно сжатый, стиснутый со всех сторон, похожий на воробья под дождевыми каплями. На Курта он воззрился с ожиданием; бросив взгляд на стража рядом с ним, шевельнул губами, но проглотил слова, не произнес ни единого.

– Оставь нас теперь, – бросил Курт, не оборачиваясь, и солдат, шумно засопев, с неохотой развернулся, медленно зашагав вдоль рядов камер прочь.

Дождавшись, пока шаги стихнут за поворотом низкого тесного коридора, Курт медленно приблизился к решетке, остановясь напротив заключенного за ней человека вплотную, опершись о прутья, и, тяжело вздохнув, произнес – невесело и тихо:

– Ну, здравствуй, Финк¹².

Тот выдохнул, словно до сего мгновения пребывал под водой, затаив воздух в легких, – с отчаянным облегчением; опустил голову, проведя по лбу подрагивающей рукой, и, наконец, снова посмотрел на пришедшего.

– Бекер¹³, вытащи меня отсюда, – проронил он чуть слышно.

– Знаешь, – неторопливо проговорил Курт, не ответив, – именно в эту камеру меня и посадили одиннадцать лет назад. Именно отсюда меня и забрали в академию; к чему бы такие совпадения...

– Мне-то такая участь не грозит! – повысил голос бывший приятель, ударив кулаком в решетку, и схватил его за локоть. – Бекер, ты обещал мне помощь, ты обещал прикрыть меня, если я попадусь! Вытащи меня из этой дыры, черт тебя возьми!

Курт рывком высвободил руку, чуть отступив назад, и Финк с неожиданной для его комплекции силой долбанул в решетку снова – так, что та жалобно задребезжала.

– Черт!.. Бекер, я ведь тебе помог, верно? Я ведь помог тебе тогда, в твоём... расследовании, я дал тебе информацию, ведь так?

– Да, – отозвался Курт, наконец. – За сведения и... по причине старой дружбы я не сдал тебя магистратским; за убийство троих студентов, если ты помнишь.

¹² Fink – заябик (нем.).

¹³ Bäcker – булочник (нем.).

– Ты сказал, что прикроешь меня! – шепотом крикнул Финк. – Ты ведь сказал, что прикроешь меня, если я попадусь, ты обещал, так держи слово!

– Я, – возразил Курт тихо, – обещал прикрыть, если ты попадешься за кражу. За грабеж. Ты помнишь, я сказал тебе: если тебя возьмут над трупом, помощи не проси; ты это помнишь, Финк?

– Я не делал этого! – с обреченной ясностью проговорил тот. – Я этого не делал, Бекер, я тут ни при чем!

– Тебя взяли над трупом.

– Но я понятия не имею, как там оказался!

– Тебя видели, Финк. С этой девочкой. Видели, как вы вдвоем шли туда, где после вас обоих и нашли.

– Не было этого! – яростно прошипел тот, вновь шарахнув по решетке, и уронил голову на упиравшиеся в нее руки. – Господи... Черт, Бекер, я не делал ничего, о чем они говорят, я не мог этого сделать, просто не мог! Пьяным или трезвым, или каким угодно – но я не мог! Это не я, могилой матери, Господом Богом клянусь – это не я!

– Тише, – осадил Курт сухо, – или сюда прибежит стража; к чему это...

– Ты... – Финк приподнял голову, всматриваясь в его лицо, – ты... что – мне не веришь?! Черт, ну, ты же меня знаешь! Ты же знаешь меня, ну, подумай, неужели я мог... такое!

– Да, я тебя знаю, – согласился Курт, снова подойдя и опершись о решетку рядом с бывшим приятелем. – Точнее – я *знал* тебя, Финк. Давно. Я изменился с тех пор, почему бы не измениться и тебе?

– Да, и я изменился – я повзрослел, Бекер. Я не убиваю детей, и бабы меня притягивают нормального возраста, с сиськами, и, черт возьми, живые! Я даже разглядеть толком не успел то, что рядом со мной лежало, понимаешь ты это? Я все узнал потом, уже здесь, в тюрьме, когда на меня орали и колошматили, приговаривая, за что! Когда допрашивали, когда требовали рассказать, зачем я сделал то, о чем я вообще не имел понятия! Бекер, если и ты мне не поверишь, – я в дерьме!

– Когда я услышал имя, – все так же негромко произнес Курт, глядя ему в глаза, – я в первое же мгновение подумал: это не он.

– И это не я!

– Однако, – продолжал майстер инквизитор, кивнув, – против тебя всё. С такими уликами, Финк, казнь назначается на следующее же утро безо всякого суда. Тебя видели с ней. Тебя нашли над ее телом. У тебя в руке был нож. В крови.

– Меня подставили!

– Кто? Кому ты насолил настолько, чтобы утруждать себя столь сложной подставой? Твоя жизнь такова, что гораздо проще тебя заколоть, нежели возиться с подставным убийством.

– Это не я! – уже в полный голос крикнул бывший приятель. – Не я, не я! Я этого не делал, ну, поверь хоть ты мне! Да, ты знал меня давно, но... ты же инквизитор, Бекер, ты должен видеть людей насквозь, так скажи – неужели я похож на человека, который может отыметь и зарезать десятилетнюю девчонку?!

– Одиннадцатилетнюю.

– Да похеру! Господи, у меня шлюх наготове штуки три – только свистни! Мне такого – ни к черту не надо! Чем поклясться, чтобы ты мне поверил, что сделать?!

– Для начала – прекрати буйствовать и вееди себя тише, – отозвался Курт как можно спокойнее. – Иначе разговора у нас не получится. Угомонись, и тогда я попытаюсь тебя выслушать.

– Ты pomoжешь? – с надеждой уточнил Финк, и он вздохнул:

– Я ведь здесь, так? Услышав твое имя, я мог попросту сказать бюргермайстеру «меня это не интересует» и уйти, однако – я здесь. Помощи пока не обещаю, но выслушать твою версию событий я готов, ибо – да, ты прав, нет смысла это скрывать – я не желаю верить в то, что ты

мог поступить подобным образом. Посему я – здесь, ты – унимаешься, и мы – разговариваем, тихо и спокойно.

– Спокойно... – повторил Финк и, отступив, без сил сполз на пол, опустив голову на колени и нервно притопывая по полу носком башмака. – Какое, к черту, спокойствие... Бекер, мне ведь даже не виселица грозит! Если б взяли за старые грешки – я б тебя не звал, – он тяжело приподнял голову, глядя на Курта с вымученной ухмылкой. – Не скажу, что совсем бы не расстроился, но тебя бы о помощи не просил. Договорились ведь... Но меня собираются порвать за то, в чем я не виноват. И... даже вообразить не могу, что полагается за такие убийства; четвертование по меньшей мере. А кроме того – все, совершенно все будут уверены, что это я! Братва будет думать, что я чертов извращенец. Я много чего натворил, но не хочу, чтобы на меня вешали *такое*, понимаешь?

Курт тяжело вздохнул, опустившись на корточки и привалился к решетке плечом, и окинул взглядом щуплую фигуру Финка.

– Переломов нет? – спросил он участливо, и тот усмехнулся, вяло махнув рукой:

– Грамотно лупили... Ничего. Это у вас все тонко и изящно – иголки, там, под ногти, шильца-мыльца всякие, а эти попросту – сперва в зубы, после ногами под дых. Впервой, что ли; дело привычное... Не это самое страшное.

– Ладно, Финк, – кивнул Курт приглашающе. – Рассказывай, что можешь.

– Я... – немного растерянно проронил бывший приятель, – честно тебе сказать, не знаю, что и рассказывать. Я просто не могу понять, как оказался там, с ножом этим и девчонкой, вот это я тебе могу сказать с уверенностью.

– Хорошо. Расскажи то, о чем с уверенностью сказать не можешь.

– Что? – переспросил тот устало; Курт вздохнул:

– Ты сказал, что не можешь вспомнить, как оказался на свалке за городом. Начинай рассказывать, что ты делал в тот день – до момента, который помнишь.

– Черт, извини, Бекер, мозги кру́гом, ни хрена не соображаю... – пробормотал Финк обреченно, потер кулаками глаза, встряхнув головой, и решительно выдохнул. – Так. В тот день... Вчерашний вечер – вот что я помню последнее. Сидел в трактире – знаешь, в который добрые горожане не ходят; помнишь?

– Помню. С кем ты был?

– Сначала с моими парнями; накануне обчистили... – он запнулся, закусив губу, и Курт вздохнул снова.

– Финк, – произнес он наставительно, – давай-ка условимся: рассказывай все честно, иначе я тебе помочь не сумею. Все твои прегрешения сейчас меня не интересуют, разве что в смысле фактов и событий очень важного для тебя дня, и мне глубоко плевать, кто из горожан вчерашним вечером расстался со своим добром. В твоем положении, кстати сказать, не самой дурной отмазкой будет «в это время я в другом конце города резал другого»; согласишься.

– Черт... – тоскливо простонал приятель, стиснув ладонями виски, – ни в жизнь не мог и помыслить даже, что меня когда-нибудь будет допрашивать инквизитор...

– Финк! – повысил голос Курт, и тот медленно поднял взгляд к нему. – Не отвлекайся. Итак, вчера вечером вы обчистили припозднившегося прохожего либо чью-то лавку и отмечали удачное дело. Я верно понял?

– Все верно, – неохотно подтвердил Финк. – Потом кое-кто из парней отвалился – поздно уже было, или лучше скажу – рано, под утро; все вымотались... Я пересел к Эльзе – надеялся, что сил у меня еще хватит, чтоб приятно закончить вечер.

– Эльза – это твоя подруга? Часто бывает там?

– Подруга... – криво усмехнулся Финк. – Одна из них. Бывает там часто – работает, если ты меня понимаешь. Тогда уже начало немного плыть в голове – денег было прилично, погуляли на славу – но заказал еще, себе и ей, жратвы какой-то до кучи... Сейчас не вспомню

уже. Только это было нормальное опьянение, понимаешь, когда все проплывает мимо тебя, но ты соображаешь, где находишься и что делаешь. Я помню – мы собирались в эту засранную комнатуху наверху, чтоб, значит, как положено. Но решили еще по одной. А когда я принес эту «еще одну» – вдруг почему-то оказалось так, что Эльза смылась.

– Почему?

– Ну, мы, вроде, ссорились с ней – но это частенько бывает, она вообще девка вздорная, но к тому времени все уладилось, так что – не знаю я, Бекер, почему. Теперь я думаю, ее увели, чтоб ко мне подсадить другую.

Курт приподнялся, переменив опорную ногу и снова прислонившись плечом к решетке; Финк придвинулся чуть ближе, морщась и держась за живот ладонью – на пыльной и покрытой кровью рубашке явственно виднелись многочисленные следы сапог.

– Итак, значит, была другая, – подвел начальный итог Курт, и бывший приятель кивнул – но как-то нерешительно и пряча глаза в сторону; он нахмурился. – Финк? Была или не была?

Бывший приятель кашлянул, неловко передернув плечами, и тихо отозвался:

– Понимаешь, Бекер, тут-то все и начинается – то, что я плохо помню... Была девка. Точно – была, но незнакомая, я ее никогда не видел раньше.

– Имя? Как выглядела?

– Имя... – Финк грустно хмыкнул, снова понурившись. – Да до имени ли мне было, а?... А как выглядела – помню, но тоже так... в общем. Не в моем вкусе она была – плоская шмакодявка, блондиночка такая щупленькая, даже мне по плечо. Но раз уж я уже настроился, то что ж отказываться-то? Мозги еще работали настолько, чтоб понять, что я в моем состоянии сейчас никого уже не подклею, а тут девка сама рвется...

– Поневоле призадумался над тем, что проповеди о воздержании имеют в себе некоторый смысл.

Финк на его усмешку не ответил, только бросил мрачный взгляд исподлобья, пробормотав чуть слышно:

– Уж кто б говорил, Бекер, а? Герцогскую племяшку не я ж подцепил? Анекдот: инквизитор два месяца окучивал ведьму...

– Мы обсуждаем сейчас не мою печальную биографию, Финк, – отозвался Курт жестко, и тот спохватился, привстав:

– Да я ж не всерьез, Бекер...

– Забудь. И успокойся: я не оскорблюсь и не уйду, выслушаю до конца. Я сейчас на службе, да к тому же начал первым... Итак, вернемся к нашему разговору. Была другая, невысокая щуплая блондинка без имени. Что произошло дальше?

Финк неопределенно шевельнул плечом, поморщившись, и снова сник:

– Не могу сказать точно. Кажется, что-то было – но я не уверен. Может, это уже был пьяный бред... Только я никогда так не напивался. Бывало, что поутру слабо помнил, но все же помнил, понимаешь, на что я намекаю? А тут вовсе, как во сне, – знаешь, бывает, когда просыпаешься, точно знаешь, что что-то снилось, но что именно – никак не припомнить. Обрывки какие-то...

– Хочешь сказать – тебя опоили? И притащили к телу убитой? Финк, видели, как ты своими ногами шел с ней – вместе. Не вяжется.

– Я не знаю, как это могло быть! – снова чуть повысил голос приятель. – Может, и шел. Куда – понятия не имею. С кем – не знаю. Не помню я ничего такого...

– Ты сказал, что много выпил в тот вечер, – заметил Курт и, осторожно подбирая слова, предположил: – В таком состоянии, Финк, люди творят многое, о чем грезят втайне и что обыкновенно не делают.

Тот подскочил, выпрямившись, почти упав снова на пол, и тихо выдавил:

– Ты что же, хочешь сказать, что это я все-таки ее вот так?! Какие, нахер, тайные грезы, Бекер, ты что – спятил?! Да не трогал я ее!

– Откуда ты это можешь знать, если сам же говоришь, что ничего не помнишь со вчерашнего вечера и до того момента, как тебя взяли магистратские солдаты?

Финк замер на месте, сидя на коленях на каменном полу и царапая ногтем окровавленную штанину; Курт вздохнул:

– Финк, послушай...

– Я просто не мог, – решительным шепотом отрезал тот. – Не мог – и все.

– Финк...

– Это не я. Не я.

– Вернер! – жестко оборвал Курт, и тот умолк, сидя неподвижно в двух шагах напротив и глядя ему в лицо выжидательно. – Сейчас, – продолжил он с расстановкой, – все смотрится следующим образом. По твоему же собственному признанию, ты не имеешь ни малейшего соображения, где ты был и что делал всю предшествующую ночь до самого утра. Я могу рассказать тебе, к примеру, такую историю: ты поссорился со своей подружкой (в очередной раз, опять же – по твоему же признанию), после чего нацелился на другую девицу, которая под села к тебе сама. Девица, обнаружив, что ты слишком пьян, чтобы удовлетворить ее запросы, тоже ушла. И вот ты, пьяный, злой, встретил девочку, затащил ее на пустырь у свалки и там выместил на ней зло на всех своих женщин...

– Неужели ты всерьез... – чуть слышно выдавил тот, – Бекер, ты все это – серьезно?!

– Нет, – вздохнул Курт, с усилием проведя по ноющему лбу ладонью, и Финк нервно сглотнул, ожидая его дальнейших слов. – Нет, я это не всерьез, хотя магистратские, кажется, могут вообразить себе именно такое развитие событий.

– Так ты мне веришь? Веришь, что я не делал этого?

– Я на службе, Финк, – повторил Курт тяжело. – Я говорю с тобой как приятель, пусть и бывший, однако – я все равно на службе, и сейчас речь не о доверии. Речь о фактах. А вот факты хромают. Даже если предположить, что ты вот так вышел под утро на улицы Кёльна в поисках жертвы, в историю все равно не укладывается одна деталь... Где ты был вчерашний день – с утра?

– Сначала тупо дрых – предыдущей ночью шатался по городу почти до утра, так ничего и не подвернулось, устал, как собака, – уже не запинаясь, тут же ответил тот. – Потом шнырял по рынку – не подвернется ли что... А вечер до выхода на следующую ночь, после которой отмечали, провел все в том же трактире, все с той же Эльзой. Это что-то означает?

– Свидетели этому есть? – не ответив, продолжил Курт. – Кто-то сможет подтвердить, что ты был именно в тех местах в то время?

– Свидетели?.. Бекер, ты же знаешь, какие у меня свидетели – их можно удавить уже за то, что со мной знакомы, никто и слова не скажет, да и слушать их не будут. К чему ты все это? От этого что-то зависит?

Курт вздохнул снова. От этого зависело многое. Если девочка исчезла еще вчера, если, как утверждает ее мать, ее не видели с самого утра вчерашнего дня, стало быть, пребывание Вернера Хаупта в людных местах, на глазах у свидетелей, всецело снимает с него обвинение в ее похищении... либо же пробуждает подозрения о сообщнике. Но внезапное желание кого-нибудь зарезать, случайная встреча на улице и убийство в пьяном угаре в эту картину не втискиваются; где же гуляла одиннадцатилетняя девочка целые сутки, чтобы под утро подвернуться под руку взбешенному душегубу?.. А ежели он при помощи сообщника выкрал девочку или же сделал это сам (ведь найти свидетелей его перемещений по городу и впрямь будет почти невозможно), то зачем было удерживать ее где-то целые сутки, а после тащить на свалку? Убить можно было и в месте ее заточения, после чего на ту же свалку и вышвырнуть – по частям или в мешке. К чему привлекать к себе внимание, идти с ней, рискуя попасться на глаза свидетелям?

Для человека, сумевшего выжить на улице в течение четырнадцати лет, собрать подле себя людей и удержаться на месте главного среди тех, кто наилучшим аргументом почитает нож или прямой в челюсть, для того, кто все это время умудрялся избегать петли – для человека с уличным опытом непростительное легкомыслие при совершении убийства...

Срыв? Прогорел, иссяк, кончился?.. Не Финк.

– Пока я на твой вопрос не отвечу, – отозвался Курт, наконец. – Не имею права. Сейчас на вопросы отвечаешь ты. И вопрос у меня такой: нож, с которым тебя взяли, – твой?

– Нет, – буркнул приятель, передернувшись. – Я уже это говорил. Мне, само собой, не поверили; а ты поверишь?

– А твой нож, с которым ты ходишь обычно, – он при тебе был?

– Тоже нет. Сняли.

Ножны. Вот что обязательно надо выяснить у тех, кто арестовывал Финка – были ли при нем ножны или хоть что-то, похожее на чехол. Если ничего, во что можно было бы спрятать клинок, при арестованном не нашли, это лишний камень, который можно сбросить с чаши весов: не шел же он через весь город с обнаженным оружием в руке. Сапог Финк не носит, на нем короткие, довольно стоптанные башмаки – стало быть, за голенище не спрячешь...

– Ты сказал – «как во сне», – заметил Курт тихо, – и сказал, что остались какие-то обрывки. Стало быть, ты все же что-то помнишь? Что?

– Я не уверен, Бекер, это, может, и вправду был сон, я ведь говорил, что...

– Ты рассказывай, – с настойчивой мягкостью оборвал Курт. – А уж я разберусь, на что мне обращать внимание, а на что – нет. Рассказывай.

– Вот ведь черт... – тоскливо простонал Финк, снова опустив голову на руки и вцепившись в волосы пальцами. – Господи, да не знаю я, что рассказать еще... Ну, девку эту помню. Вроде, было у нас что-то. Кажется. Не уверен.

– Где? В том трактире, в переулке, на крыше, в подвале – хоть что-нибудь?

– Не помню, Бекер, хоть убей. Сиськи помню. Малюсенькие. Если не приснились. Как по улицам шел – не вспоминается, клянусь, вообще ничего на эту тему. А потом – наверное, действительно вырубился и уже сны видел...

– Какие? – уточнил Курт нетерпеливо, и Финк пожал плечами:

– Ну, вообще, я не совсем видел... а еще точнее – совсем не видел. Я слышал. Что-то вроде музыки.

Курт приподнял бровь в неподдельном удивлении; музыка? Даже если согласиться с поведенниками, говорящими, что глубоко в душе у каждого живет другой, прекрасный и добрый человек, его одолевали сильные сомнения в том, что живущий внутри Вернера Хаупта ночами грезит музыкой...

– Музыка? – переспросил Курт, и приятель смешался:

– Ну, знаешь, типа пастушьей дудки – такая... Только не смейся...

– Финк.

– Неземная, – сообщил грабитель и убийца Финк, смутившись собственных слов, и отвернулся, косясь на него исподволь. – Понимаешь, не сама музыка, а звуки; музыки-то вообще как будто не было, как бывает, когда играешь на свистульке в глубоком детстве – муть какую-то выдуваешь, и все, без мелодии, без склада... А все равно уводит.

– В каком смысле – уводит?

– В прямом! – вдруг обозлился тот. – Куда-нибудь! Слушай, Бекер, я все понимаю, ты уже с опытом в расследованиях, но к чему вот это все? Сны мои тебе к чему? Говорю же – вырубился я уже тогда!

– Значит, музыка и сиськи, – попытокнул Курт, и Финк запнулся, вновь поникнув головой. Он вздохнул: – Финк, Финк... Как же тебя угораздило так вляпаться...

– Помоги мне, Бекер, – тихо попросил тот, не поднимая головы, и закрыл ладонями лицо, обессиленно сторбив узкие плечи. – Не думал, что придется просить помощи у тебя, но я прошу. Я, конечно, не безгрешен вовсе, но я же не чудовище, и я просто-напросто не мог такого сотворить, поверь мне хотя бы ты. Когда я пришел в себя, понимаешь, когда увидел то, что рядом лежало... – Финк тяжело приподнял голову, но смотрел мимо. – Я много чего видел, Бекер, но от этого просто окоченел. Понимаешь, я даже не понял сначала, что это вообще такое... а когда понял... Я завыл, как мальчишка. Даже не знаю, отчего. Мне сперва подумалось, что я все еще сплю, и даже когда магистратские появились, когда вязали – я все еще думал, что сплю. Только уже связанный понял, что во сне от сапога по почке так больно не бывает...

– Ты понимаешь, что я не могу ничего обещать, Финк? – так же едва слышно произнес Курт. – Понимаешь, что я не всесилен?

– Просто попробуй. Хотя бы попытайся найти хоть что-то, что могло бы оправдать меня, хотя бы постарайся. Курт Гессе, гордость Друденхауса... ты не можешь ничего не найти, я уверен.

– Положим – я переведу тебя в камеру при Друденхаусе, перехвачу расследование у магистрата, начну дознание сам, с нуля... Но если я не смогу ничего найти, мне останется только вернуть тебя обратно. И здесь я уже ничего не смогу поделать.

– А если... – Финк, наконец, сместил взгляд, встретившись с Куртом глазами, и понизил голос почти до шепота: – Если ты найдешь что-то, что тебя убедит... если ты сам поймешь, что я ни при чем, что не делал этого... хотя бы только ты сам, пусть и не сможешь ничего доказать другим... Могу я ждать от тебя того, чтобы... вернуться сюда ты мне не дал?

– Я *уже* тебе верю, – тотчас же ответил Курт, четко выговаривая каждое слово; Финк побледнел, сжав в замок пальцы, лежащие на коленях, и оттого напомнив вчерашнего мальчишку, явившегося в Друденхаус.

– Спасибо, – отозвался он чуть дрогнувшим голосом и через силу улыбнулся: – Только уж лучше б ты что-нибудь нарыл, Бекер. Дó смерти не хочется помирать.

Глава 3

– Сейчас вечер, – произнес Керн таким тоном, словно сообщал Курту нечто, о чем он не знал и даже не догадывался; взгляд из-под встопорщенных седых бровей прожигал подчиненного жестко, неотступно и вдумчиво. – Полдня у меня в камере сидит человек, и я не знаю, по какой причине, по какому обвинению и по обвинению ли вообще. Я боюсь подойти и заговорить с ним, ибо человека в камеру посадил следователь, который не почел необходимым сообщить мне деталей, и я могу запороть дело, о котором, опять же, я, обер-инквизитор Кёльна, ни сном ни духом. Следователя нет на месте, и его невозможно найти нигде. Может быть, я ошибаюсь, Гессе, ты тогда поправь меня, но мне сдается, что это не по уставу и... – он умолк, сквозь прищур глядя на изо всех сил сдерживаемую улыбку, наползающую на губы Курта, и хмуро уточнил: – Хотелось бы знать, что забавного ты видишь в происходящем или слышишь в моих словах?

Курт выпрямился, приподняв опущенную голову, пытаясь хотя бы своим видом компенсировать и впрямь неуместное свое поведение, и тихо пояснил:

– Когда я умру, Вальтер, меня похоронят прямо здесь, перед вашим столом. А на могильном камне будет высечено: «*In culpa sum*¹⁴»...

– Я сдохну первым, – отозвался Керн ледяным голосом. – И на могиле моей напишут «*Qua tu vadis, Gaesse?*¹⁵». А теперь, если ты закончил упражняться в остроумии, я бы желал, как это ни удивительно, вернуться к происходящим событиям. Ты не станешь возражать?

– *In culpa sum*, – вздохнул Курт уже серьезно и, встретив взгляд начальства, поправился: – Виноват.

– Итак, я жду объяснений. Что за человек сидит в камере Друденхауса?

– Подозреваемый в убийстве Кристины Шток.

– Просто замечательно, – оценил Керн тоном, вовсе не согласующимся с произнесенными словами. – Я в восторге, Гессе. И что же делает в нашей камере убийца?

– Это *подозреваемый*, – с нажимом поправил Курт, и обер-инквизитор нахмурился:

– Ты мне уставом в морду не тычь. Лучшим ответом в твоем положении был бы написанный отчет. Надеюсь, это его ты прячешь за спиной?

Курт молча шагнул вперед, к столу, аккуратно положив перед Керном несколько листов, исписанных аккуратным ровным почерком, и тот хмыкнул, придвигая верхний лист ближе:

– Подозрительно. Я еще не начал лишаться рассудка, а у Гессе уже готов отчет. К чему бы это?

Курт не ответил и стоял молча, выпрямившись и заложив за спину руки, еще несколько минут, пока майстер обер-инквизитор, все более супясь, изучал его сочинение; наконец, когда тот поднял к нему железный взгляд, вздохнул:

– Вальтер, я все объясню...

– Кто еще об этом знает? – оборвал Керн негромко, но так четко, что где-то под ребрами свело нехорошим холодом. – Ты понимаешь, что именно я имею в виду, Гессе.

– Только наши, – так же тихо ответил Курт. – В магистрате ничего не подозревают, они уверены, что заключенный, наслышанный обо мне в связи с последним расследованием, просто...

– Понятно, – вновь не дав ему договорить, кивнул Керн, и он умолк.

¹⁴ Виноват (*лат.*).

¹⁵ Где ты ходишь (где тебя носит), Гессе? (*лат.*).

Обер-инквизитор снова посмотрел на страницу, лежащую перед ним, тяжело выдохнул, упершись локтями в стол, и опустил голову, яростно потирая глаза морщинистыми сухими ладонями.

– О, Господи... – со стоном произнес Керн все так же тихо и медленно поднял лицо к подчиненному, глядя на него с усталой строгостью. – Гессе, ты хоть понимаешь, под какой удар подставляешь Друденхаус и Конгрегацию вообще?

– Я просто исполняю свою работу, – твердо возразил Курт, не отводя взгляда. – В этом происшествии ясно далеко не все, этот подозреваемый виновен не явно, и я готов даже утверждать, что – явно *не* виновен. За смертью Кристины Шток стоит нечто большее, нежели простое убийство, вызванное извращенной похотью. Убийство не было спонтанным, оно планировалось – девочку похитили за сутки до ее смерти. И подставить под него другого – тоже спланированная идея.

– Все, что ты сейчас сказал, может иметь смысл, Гессе; точнее, могло бы оный смысл иметь, если бы не одна существенная деталь: не то даже, что подозреваемый – преступник, а то, что...

– Да, я понимаю, – перебил теперь Курт. – Но я не норовлю всего лишь избавить от суда бывшего сообщника.

– Разве? – мягко уточнил Керн, и он выпрямился еще больше, стиснув за спиной сцепленные в замок пальцы.

– Я пытаюсь избавить от казни человека, чья вина не доказана, – четко проговаривая каждое слово, произнес Курт, глядя начальнику в глаза. – Его знакомство со мной связано с делом лишь тем фактом, что это знакомство навело его на мысль просить справедливости у Конгрегации, не более. Если я выясню, что ошибся, что Вернер Хаупт виновен... После прошлого дела мне все еще нужно доказывать, что мои личные симпатии никогда не стоят выше моего долга?

Керн поморщился, словно человек, разом откусивший половину кислешего незрелого яблока, и качнул головой.

– Вмазал, признаю, – тяжело отозвался он. – Сомневаться в тебе теперь было бы грешно; однако, признай и ты, помимо фактов и нестыковок, которые ты обнаружил в этом деле, есть ведь и еще один пункт, который не может не влиять на твои выводы. Пункт звучит так: «Я знаю, что он не мог этого сделать». А это уже пристрастность.

– Нет, – возразил Курт тут же, – это не влияет на мои выводы. Наше с ним знакомство сказывается только на одном: все то, что мы обыкновенно пытаемся вывести в продолжение допроса – характер подозреваемого, склонности, слабости, манеру поведения – я уже знаю. С поправками – ведь прошло немало времени – но все же знаю.

– Предполагаешь с некоторой долей уверенности, – поправил Керн, и он кивнул.

– На этот раз с вами соглашусь.

– Хорошо, пусть так; мое доверие к тебе мы обсуждать не станем, я беру свои слова назад. Обсудить мы можем вот что: могут ли посторонние узнать о твоём знакомстве с арестованным?

– О Дитрихе с Густавом, полагаю, можно не беспокоиться, верно? – с невеселой улыбкой ответил Курт; начальство вяло махнуло рукой в сторону двери:

– За Хоффмайера ручаешься? Веришь ему?

– Как себе, – не думая, кивнул Курт. – Этот будет молчать или рассказывать о том, о чем я скажу. Более всего меня тревожат магистратские солдаты. Шестеро из них знают, что произошло, и знают Финка в лицо – они арестовывали его; трое знают, кто он такой. Кроме тех шестерых, еще двое из охраны тюрьмы видели его мельком и знают, за что он был арестован. Также трое на городских воротах – кроме мусорщика, и они видели его с убитой. Бюргермайстер не ручается за надежность ни одного из них.

– Предлагаешь их ликвидировать? – без улыбки спросил Керн, и Курт со столь же серьезным лицом пожал плечами:

– Недурно бы, да боюсь, Хальтер расстроится... Я побеседовал с ним, и – он убежден, что солдаты проболтаются, хотя приказ никому и ни о чем не говорить он дать обещал.

– Дисциплинка...

Курт не ответил; сказать здесь было нечего. Он и сам уже не раз подумал сегодня (хотя и не упомянул в разговоре с бюргермайстером), о том, что в Друденхаусе подобной проблемы не было и быть не могло: всякий, от обер-инквизитора до стража, попросту стоящего у входа, знает не десять заповедей, как прочие добрые христиане, а одиннадцать, и первая из них гласит: «О происходящем на службе – не болтай». Для этого не требовалось никаких нарочных указаний – это все просто *знали*. Сам Курт, преступивший сию заповедь всего единожды (пусть и не совсем по своей воле), знал на собственном опыте, как скверно может обернуться подобная словоохотливость...

– Если до горожан дойдут сведения о происходящем, – продолжил Керн задумчиво, – все равно первые несколько дней их не будет смущать тот факт, что преступника перехватила Конгрегация: убийство жестокое, само по себе не привычное и не обыкновенное, посему наше вмешательство может быть воспринято как нечто логичное. Однако же, если кто-то из не в меру осведомленных и памятливых личностей проведет, так сказать, параллель между некогда арестованным племянником пекаря Фиклера и тобою, а после – между тобою и Вернером Хауптом... Вот тогда нам станет плохо. Распутаешь дело за пару дней?

– Я вполне понимаю, что компрометирую Друденхаус уже самым фактом своего в нем существования, – отозвался Курт спокойно. – Однако же прошу вас: *primo*¹⁶ – одобрить начало расследования, а *secundo*¹⁷ – не передавать его другому. В этом деле придется общаться с теми, кто просто так с посторонними разговаривать не станет, а я этих людей знаю; даже если кроме Финка никого более из моих прежних знакомых в живых не осталось, то – я попросту знаю таких людей вообще.

– Это было больше десяти лет назад, – напомнил Керн. – И они переменились с тех пор, и ты сам, и весь твой опыт уже наполовину выветрился из памяти.

– Кое-что не выветривается, Вальтер, – возразил Курт уверенно. – К прочему – ни у Дитриха, ни у Густава подобного опыта не было вовсе. И там, в той среде, в отличие от сообщества добрых горожан, мое знакомство с арестованным и стремление ему помочь «по старой дружбе» будут восприняты куда как более благосклонно; а это еще одна гирия на мою чашу весов при беседе с ними. У меня будет хоть что-то. Ланц и Райзе же – просто чужие. Никто.

– И по какому основанию ты предлагаешь мне открывать дело?

– Был *praecedens*¹⁸, – с готовностью доложил Курт. – Два года назад, весной тысяча триста восемьдесят восьмого, наутро после выпускной пирушки некая девица обвинила студента Кёльнского университета в насилии. Студент, задержанный светскими властями, подал заявление в Друденхаус, утверждая, что был опоен либо же очарован, ибо никаких своих действий в связи с этим припомнить не может. Дело было одобрено к расследованию, дознание проводил следователь второго ранга Дитрих Ланц. Невинность была доказана. Особенности дел схожи.

– Казуист, – с утомленным одобрением пробормотал Керн, вновь бросив взгляд в отчет. – Ну, что же, пусть так. Но тебе придется поспешить, ты ведь понимаешь это? Произошло не насилие, произошло убийство, причем такое, какового в Кёльне... не знаю; я – не припомню. Если дело затянется, Друденхаус начнет осаждать взбешенная семья, и... Сейчас тебя несколько поддержит в глазах горожан, буде они начнут возмущаться, именно упомянутое

¹⁶ Первое, во-первых (*лат.*).

¹⁷ Второе, во-вторых (*лат.*).

¹⁸ Прецедент (*лат.*).

тобою прошлое твое расследование – времени прошло мало, его еще хорошо помнят, и мы, случись что, сможем попросту ткнуть их в него носом. Припомнить им случай, когда твои действия казались столь же ошибочными и подозрительными, но в результате... – Керн встряхнул головой, отмахнувшись. – Бог с ним, это уже не твоя забота, с агентами, если это будет необходимым, я побеседую сам. Но от души надеюсь, что до всегородских волнений не дойдет. А теперь по делу, коли уж так. Первые выводы есть? – поинтересовался обер-инквизитор, демонстративно приподняв последний лист и заглянув на оборот; Курт передернул плечами:

– Пока не успел...

Керн улыбнулся:

– Нет, все-таки, небо на землю еще не повалилось – на вопрос «где отчет?» Гессе отвечает «нету»... Рассказывай.

– *Primo*, – кивнув, начал Курт, – это ножны. Это было первостепенное, о чем я спросил у тех, кто арестовывал Финка. Нож, с которым его взяли, – острый, я бы сказал, что – бритвенно острый, однако ничего, во что его можно было бы упрятать, при нем не было. Ни ножен, ни хоть какого-то самодельного чехла. Отсюда возникает вопрос – как же он шел вот так, с открытым оружием, через городские ворота на глазах у стражи, да и через весь город?

– Первое возражение, – перебил его Керн. – Не шел ли он, прижав этот нож к боку девочки, с которой (от этой, самой главной улики, все равно не отвертеться) его и видели – в обнимку?

– Я об этом подумал, посему побеседовал со стражей. Они говорят, что одной рукой Финк обнимал ее за плечи, а второй – придерживал за талию. Обе ладони были на виду, и обе – пусты. *Secundo* – это, кстати сказать, не нож Финка. У тех парней ножи либо самодельные, либо дешевые, но переточенные самостоятельно, и на рукоятях уж точно никто не разорется – крепят деревяшку. Орудие же преступления имеет рукоять из меди с проволочным рисунком. Даже если предположить, что нож Финк мог и украсть, позвольте отметить: человек его рода занятий рукоять бы заменил; хотя бы по той причине, что таковая несподручна для ладони. *Для работы*, так сказать. Я осмотрел и место убийства. Свалка, в общем, не самый лучший лист для сохранения следов – открытой земли там почти нет, да и магистратские сильно натоптали; к тому же, когда Финка вязали, его хорошенько извивали ногами – словом, если что и было, то все затерлось. Однако же я решил чуть расширить сектор осмотра и шагах в десяти от места преступления нашел вот это.

Курт вынул из-за отворота куртки короткий нож в чехле из старой, уже размягчившейся кожи, с рукоятью из дерева, перетянутой веревочной обмоткой, и выложил перед начальством на стол. Керн осторожно вытянул лезвие наполовину, медленно вдвинув его обратно, и поднял взгляд к нему:

– Это?..

– Нож Финка, – кивнул Курт. – Это не только его показания, я их подтверждаю: четыре месяца назад я видел его с этим ножом, когда встречался для получения сведений.

– За один лишь факт ношения оружия ему уже можно руки обрубить, – заметил Керн, и он поморщился:

– Бросьте, это к делу отношения не имеет... Так вот – сомневаюсь, что до бесчувствия пьяный, обуянный похотью и жадой убийства исступленный безумец пойдет Бог знает куда выбрасывать свой нож, дабы после извлечь невесту откуда другой, а уж после резать жертву. Вернее вот какая версия: нож этот с него снял тот, кто является истинным виновником происшествия, а, уходя после всего совершенного, его выбросил, разумно рассудив, что светские с их манерой вести дознание и не додумаются прочесать свалку вокруг места убийства.

– Есть свидетели того, что этот нож ты нашел именно на свалке? – уточнил Керн, и Курт усмехнулся:

– Разумеется. Все два с половиной часа, что я шатался среди отбросов, я таскал с собою несчастного мусорщика – того самого, который видел Финка с девочкой. И теперь – *tertio*¹⁹; главное, что меня настораживает в этом деле. Стража на воротах говорит, что девочка шла с распущенными волосами, накрытая каким-то драным плащом – поэтому они решили, что попросту какой-то подонок в компании шлюхи... прошу прощения, это их слова... решил прогуляться за пределами стен. Это (по их словам), случается довольно часто; бюргермайстер жаловался, что на свалке нарождается своя жизнь, какие-то конуры из старых досок, тряпья и прочего мусора – там обосновались те, для кого излишне опасно в самом Кёльне, из-за чего он уже давно планирует вычистить это место... Но это к делу сейчас не относится. Так вот, частенько преступники и просто нищие из города выходят пообщаться с приятелями снаружи, посему стража и не удивилась. Главное здесь вот что: из-за распущенных волос лица было почти не разглядеть (да и кто разглядывал?), вокруг – предутренние сумерки, стража полусонная; все, что они видели – это (четко) Финка, который обнимал (это уже без деталей) невысокую шуплую девицу, блондинку.

– К чему ты ведешь, Гессе? – нахмурился обер-инквизитор, и Курт кивнул:

– Я к этому подхожу. По словам арестованного, вечером накануне ареста он пьянствовал в «Кревинкеле»²⁰... Это даже не название, – пояснил Курт в ответ на вопросительный взгляд, – так, прилепившееся со временем словечко; нечто вроде трактирчика в полуподвале, где собирается местное отребье. Прежде там можно было спокойно находиться, не боясь, что нагрянут магистратские, и, судя по всему, за одиннадцать лет ничто не изменилось... Так вот, там Финк изрядно охмелел, и внезапно обнаружилось, что девица, обещавшая ему ночь, исчезла, а вместо нее к нему подседа другая. Незнакомая. Маленькая (ему по плечо), шуплая, плоская – это его описание. Блондинка.

Курт умолк, ожидая реакции на свои слова, ничего более не объясняя; если начальству самому не станут очевидны уже сделанные им выводы, то объяснения будут бессмысленными...

– То есть, похожая на одиннадцатилетнюю Кристину Шток, если смотреть на нее в сумерках, мельком, – хмуро бросив короткий взгляд снизу вверх, окончил его мысль Керн. – Это ты подразумеваешь, Гессе?

– Я осматривал тело убитой вместе с Густавом, – отозвался он. – И скажу вам, что, пусть ей и одиннадцать, однако – при жизни было за что ухватиться, *ignoscet mihi genius tuus*²¹. Да, я подразумеваю некоторую схожесть между одиннадцатилетней девочкой, которой можно дать все четырнадцать, и некоей взрослой девицей, выглядящей примерно на столько же. Девицей, которую подсунули какому-то парню с кёльнского дна, дабы она прошла с ним на глазах у свидетелей. После чего Кристину Шток находят мертвой – и кто скажет, что это не с ней видели парня? Никто.

– Кроме тебя.

– Да, кроме меня, – подтвердил Курт убежденно. – Кроме человека, который нашел выброшенный нож, узнал о двух похожих девчонках... И запишет в своем отчете, что волосы Кристины Шток были заплетены в косу; она растрепалась, половина прядей выбилась, но...

– А волосы идущей по улицам с Вернером Хауптом – распущены...

– Да; полагаю – чтобы закрыть лицо. Итак – пьяный и мало соображающий изувер, который перед тем, как убить (либо после убийства, не суть), заплетает волосы жертвы в косичку? Потом бежит выбрасывать свой нож, из воздуха достает другой, режет ее, а после усаживается у труп и начинает поддывать, заливаясь слезами.

¹⁹ Третье, в-третьих (лат.).

²⁰ «Krähwinkel» – «Дыра» (нем.).

²¹ Извиняюсь за выражение (лат.).

– Я вижу, в невинности своего приятеля ты вовсе не сомневаешься, – заметил Керн осторожно; Курт усмехнулся:

– Вальтер, я уже сказал вам, *что* я думаю. Однако же, согласитесь, в этом деле чрезмерно много нестыковок. Я намерен посетить «Кревинкель» нынче вечером и побеседовать с теми, кто присутствовал там вечером вчерашним; если наличие этой таинственной неизвестной блондинки подтвердится – это яснее ясного будет говорить о том, что Финка попросту подставили.

– Зачем?

– Не знаю, – ответил Курт тут же и, не дожидаясь дальнейших вопросов, продолжил: – Не знаю, кто. Не знаю, зачем было убивать Кристину Шток. Но тот, кто сделал это, – не безумец, подобные личности *такого* не устраивают. Они убивают просто, не заботясь о своем прикрытии в виде ложного подозреваемого – им либо наплевать на ведущиеся розыски, либо нужна слава. Они начинают подставлять кого-либо лишь в том случае, когда устают и намереваются «завязать», однако – это не наш случай: жертва первая. Надеюсь, последняя – быть может, девочка просто увидела что-то, что не должна была видеть; это самое логичное, что можно допустить.

– Ты сказал, что намерен идти в старые кварталы? – уточнил Керн тихо, и он вздохнул:

– Ведь я говорил вам – в этом деле придется общаться с такими свидетелями, которые не живут в двух улицах от Друденхауса... Вальтер, придется. Мне придется туда идти, и – я прошу вас – без какого-либо прикрытия с вашей стороны; никаких агентов, никакой слежки, никаких попыток держать меня под контролем: любого чужого там увидят и расколют в буквальном смысле сразу же.

– Да? – за внезапным озлоблением начальника Курт видел смятение, тревогу, которую тот пытался скрыть своей излишней суровостью. – Что же твою блондинку никто не расколол, если она там и впрямь была и если, как ты говоришь, ее там никто и никогда не видел?

– Потому что она женщина, – пожал плечами он, не обращая внимания на ожесточение Керна. – Если в таком месте появляется женщина и ведет себя должным образом (а именно так она себя и вела – *id est*²², занималась тем, для чего там женщины и нужны) – никто не тронет ее. А личности вроде наших агентов, у которых на лице написано «добропорядочный горожанин», рискуют нарваться на такой вот нож. Ведь нет же у нас агентуры среди обитателей неблагополучных кварталов, верно?

– Увы, – развел руками обер-инквизитор, и Курт подытожил:

– Будут.

Керн поднял к нему взгляд медленно, непонимающе нахмурясь, и в голосе его прозвучала настороженность:

– Не понял.

– Если я докажу, что Финк невиновен, – пояснил Курт все так же тихо и неспешно, – он будет мне благодарен. *Очень* благодарен. Я буду человеком, который спас ему жизнь – без преувеличения. И не воспользоваться подобной благодарностью, Вальтер, будет попросту грешно...

– Мыслишь ты в верной линии, – одобрил тот сумрачно, – однако для начала неплохо было бы вернуться в Друденхаус живым из твоего похода, в чем одном я испытываю глубочайшие сомнения.

– Бросьте, Вальтер; на инквизитора руку не поднимают. Как и все, они знают, что за последние тридцать с лишним лет...

²² То есть (лат.).

– ...ни одного покушения на следователя Конгрегации не осталось не раскрытым и не наказанным, – почти грубо оборвал его Керн. – Уж мне ты, будь любезен, не рассказывай то, что наши агенты распространяют в народе.

– Но ведь это правда.

– Хочешь, чтобы стало ложью?

– Или мы расследуем дело, или нет, – отрезал Курт решительно, и на сей раз Керн не возмутился нарушением субординации, лишь вздохнув. – А если да – мы делаем это так, как я сказал, Вальтер, и другого пути нет. Сегодня вечером я иду в «Кревинкель». Финк назовет мне тех, кто был с ним тогда, и я побеседую с ними... по крайней мере, я попытаюсь.

– А если не захочет «сдавать своих»?

– Перед угрозой четвертования? – скептически уточнил Курт. – Куда он денется.

– Перед угрозой мести своих? – возразил обер-инквизитор столь же недоверчиво. – Ты ведь знаешь, что он может сказать.

* * *

– Меня же на ножи подымут.

К сопротивлению Финка он был готов; Курт и не надеялся, что по первой же просьбе услышит с десятков имен – бывший приятель свято блюл законы своего мира, не понять которые, если уж говорить честно, было нельзя.

– А что с тобой сделают магистратские, парень, как ты полагаешь? – возразил ему Ланц – возразил тихо, спокойно, без угрозы в голосе, с улыбкой, от которой, однако же, становилось почти ощутимо холодно в их с Райзе рабочей комнате, где проходила беседа.

Финк понурился, неловко заерзав на табурете напротив тяжелого высокого стола, где восседал, вцепившись в колени пальцами, и отвел взгляд. Курт вздохнул, усевшись на край столешницы напротив.

– Вернер, послушай-ка меня, – произнес он наставительно, и бывший приятель приподнял голову, глядя на своего заступника с тоской. – Я хочу помочь тебе. Я почти убедил свое начальство в твоей невиновности; но для подтверждения ее нужны не просто мои к тебе добрые чувства по старой памяти и не лишь твои слова, а слова других – тех, кто видел все то, о чем ты мне говорил. Иначе все сказанное останется пустым звуком, я ничего не смогу доказать, а итог – ты возвращаешься в магистратскую тюрьму, после чего тебя торжественно четвертуют пред всем честным народом.

Финк вскинул голову, глядя на него жестко и вместе с тем просяще. «Ты обещал», – напомнил болезненный взгляд; Курт чуть заметно кивнул, понизив голос до вкрадчивости:

– Тебе *этого* очень хочется?

Ланц скосился на него с подозрением, однако, смолчал; Финк нервно передернул плечами.

– Это все равно случится, если я назову хоть одно имя, – возразил он уже не столь уверенно.

– Я ведь так или иначе пойду туда, – терпеливо пояснил Курт. – Все равно буду говорить с ними; и я, разумеется, попытаюсь выяснить самостоятельно, кто был с тобой в тот вечер. Но пойми – это потеря времени, которого, Финк, у тебя и без того мало.

Тот не ответил, продолжая сидеть, стиснув пальцами колени и снова глядя в пол; стоящий у окна Ланц подошел ближе.

– Сейчас, парень, – добавил он четко, – это все, что тебе нужно, сейчас только это и существенно в твоей жизни. Лишняя минута сложится к часу, а лишний час – это риск того, что под напором буйствующих родственников Вальтер Керн сдастся и выбросит тебя из Друденхауса в толпу. Ты это понимаешь, нет?

– Я не могу, – уже вовсе без какой-либо убежденности пробормотал Финк; Курт поднял руку, призывая всех к тишине.

– Финк, я знаю, что случилось, – сострадающе произнес он. – Когда ты был у магистратских, ты испугался – по-настоящему испугался, потому что ты точно знал, чем тебе это грозило. Тогда ты, уверен, был готов на все, и, задай я тот же вопрос там, у той камеры – ты ответил бы, могу поспорить с тобой на что угодно. Сейчас, здесь, ты расслабился и уверился в том, что, коли уж твоей судьбой занялся я, – тебе уже ничто не грозит; но это не так. Ты это понимаешь, хотя и не хочешь об этом думать. Ничего не изменилось; он, – Курт кивнул на сослуживца, – прав: ты тянешь время, отнимая его из своей жизни. И ты по-прежнему на волосок от смерти, просто волос этот чуть толще. Несмотря на то, что я говорю с тобой, Финк, это – допрос, понимаешь это? Любой отказ от ответа при подозрении, что ты скрываешь нечто важное для дела, будет поводом... К тому же, Финк, если мое начальство поймет, что мое присутствие плохо сказывается на расследовании, меня отстранят. Знаешь, что это значит? Что говорить с тобой будут другие и по-другому.

– Получается – я сам себя в угол загнал? – удрученно пробормотал тот. – Бекер, я... то есть, Курт... – он скосил взгляд на Ланца у окна, сдавленно поправившись: – В смысле – майстер инквизитор...

– Финк, погоди, – теперь уже мягче возразил Курт, – погоди. Не нервничай. Обращаться ко мне можешь как угодно, как тебе удобнее, это не главное, и на это всем здесь плевать. Здесь тебе не городская тюрьма, и мы не магистратские дознаватели, видимое соблюдение подобных правил в этом месте не имеет значения. Это первое. Второе, что ты должен понять, – тебе здесь зла не желают. Ты же не думаешь, что все эти вопросы я задаю ради собственного удовольствия или чтобы найти, на кого бы все свалить? Я пытаюсь тебе помочь – ты сам попросил помощи, помнишь?

– Черт меня потянул за язык...

– Ну, – с дружественной улыбкой возразил Курт, – я бы сказал, что тебе эта мысль пришла из совсем другого источника; если б тебе Бог не дал мозгов обратиться ко мне, сейчас на площади Кёльна уже всю стучали бы молотки на постройке помоста. Для казни невинного человека. Из-за того, что ты меня позвал, явилась возможность найти и покарать ублюдка, который сотворил всю эту мерзость. Понимаю, что тебе на это наплевать, но именно это же дает и возможность попросту спасти тебе жизнь.

– Мне – наплевать?! – вскинул голову Финк. – Чтоб этого гада поймали, хочу не меньше твоего – он, сука, меня подставил, и, знаешь, Бекер, может быть, я и не пример благочестия, но вот такое дерьмо мне тоже не по душе!

– Так помоги мне! – тем же тоном отозвался Курт, опершись о колено локтем и чуть подавшись вперед, наклонясь к приятелю. – Помоги, а не впаривай мне законы воровского братства – сейчас в этом смысла с гульки хрен! Тебе надо, чтобы я всю ночь шатался по «Кревинкелю» с криками «а кто тут вчера зашибал с Финком»? поцапался б там с кем-нибудь? замел бы его за неуважение к инквизитору? в камеру упек – рядышком с тобой? Чтоб в вашем тихом местечке началась буза – тебе это надо? Нет, не надо, так что прекращай воду мутить и колись. Хоть одно имя, Финк, чтобы я не тыкался вслепую!

– Шерц! – рявкнул тот в полный голос и, отвернувшись, повторил – уже тихо и сдавленно: – Шерц был там со мной.

– Шерц? Он еще жив?

Ланц скосился на сослуживца, нахмурясь, и уточнил негромко:

– Еще кто-то, кого ты знаешь?

– Н-да, – криво усмехнулся Курт, потирая затылок, – еще как знаю. В день моего ареста это Шерц отпихнул меня от двери, убегая, из-за чего я замешкался и оказался последним. И

проснувшийся хозяин лавки хватил меня горшком по голове. Еще один, кого стоит благодарить за то, что я оказался, в конце концов, в академии...

– Почему «Шерц»?

– Потому что болван, – неприязненно поморщился Курт. – Недотепа и тупица, но при этом невозможно удачлив в своем деле. Словом, Божья шутка²³... Финк, неужто он с тобой?

– Он стоящий резчик, – пожал плечами тот, и Ланц снова непонимающе нахмурился.

– Кошельки, – пояснил Курт. – Умелец сможет срезать и вынуть даже тот, что завернут под ремень. У меня это всегда выходило скверно.

– Скверно – не то слово, – хмыкнул Финк и осекся, уткнувшись взглядом в Ланца.

– Еще кто-то из наших в живых остался? – отозвавшись на комплимент бывшего приятеля усмешкой, спросил Курт; тот качнул головой:

– Нет. Я, Шерц... ну, и ты...

– «Из наших», – передразнил его Ланц, когда понурого Финка стража увела обратно в камеру. – Полагаешь, тебе это поможет? Абориген, *longi temporis usura*²⁴ в случае твоего знакомства с этими людьми делает это знакомство, почитай, не бывшим вовсе. Знаешь, как говорят в таких случаях? «*Perdudum et falsum*²⁵».

– Придется выжимать что можно, из того, что есть, – пожал плечами Курт. – Выбора у меня нет, ведь так?

– А тебя все это забавляет, да? – усмехнулся Ланц, кивнув на закрытую дверь, за которой скрылся Финк; Курт отозвался столь же невеселой усмешкой.

– Начало всего этого меня не слишком веселит – я бы предпочел, чтоб этого дела не бывало вовсе, однако – да, признаюсь, при всем том, что завершение каждого моего расследования ставит меня на край могилы... Несколько месяцев спокойной жизни для меня вполне довольно, дабы соскучиться, и от этой тихой жизни я начинаю уставать. Начинает казаться, что *extremum*²⁶ моих дознаний – самое интересное, что бывало в жизни.

– Экстремальщик хренов... – почти с непритворной злостью заключил Ланц – «*Requiescit in extremo*»²⁷ – я напишу это на твоей могиле через три дня. Если найду тело.

²³ Scherz – шутка (нем.).

²⁴ Срок давности (лат.).

²⁵ «Нос *perdudum et falsum venit*» – Это было давно и неправда (лат.).

²⁶ Высшая точка, предел, пик (лат.).

²⁷ Дословно – «Отдыхает на пределе»; игра слов от «*Requiescit extremum*» («Покоится, наконец») (лат.).

Глава 4

В отличие от сослуживцев и мастера обер-инквизитора, Курт опасался не собственной гибели в кварталах, принадлежащих местным преступникам: как было сказано начальнику, он был убежден, что на инквизитора никто из них поднять руку не отважится – в подобных местах обитали сорвиголовы, однако же не самоубийцы и не глупцы. Если же следователь Конгрегации, направившийся в их владения, внезапно бесследно сгинет либо обнаружится где-либо бездыханным, столь удобному соглашению с любыми властями настанет конец, и чтобы понять это, не следовало быть гением; в этом случае столь гипотетически существующая в упоминаниях облава станет реальностью, причем жестокой, ибо проводиться будет не магистратскими солдатами, а Инквизицией лично. Что же приключится с теми, кто в результате ее окажется под арестом по обвинению в убийстве следователя, знали все, знали с деталями и красочными подробностями – здесь Керн говорил правду, агенты Конгрегации на пересуды на эту тему не скупились.

Главная неприятность заключалась в том, что у жителей этих подвалов и домов оставалась полная свобода в возможности отослать своего гостя по адресу весьма конкретному и неприличному, и если Курт чем и рисковал, так это потерей репутации и опасностью убраться из вышеупомянутых кварталов несолоно хлебавши, поджав хвост и – без каких-либо сведений или хоть намек на них, ибо Керн был прав в одном: его опыт общения с подобными личностями имел место давным-давно и почти не имел особенной значимости. Если доброго отношения приятелей Финка не снищет его готовность использовать служебное положение во благо былой дружбы, то более предъявить ему будет нечего.

Скрываться, пытаясь не выделиться из массы тех, с кем намеревался общаться этим вечером, Курт не стал – *persona*²⁸ его после событий этого лета и впрямь была известна многим, если не всем в городе, и пробраться по старым кварталам до полуподвала «Кревинкеля» непримеченным нечего было и надеяться. Переодеваться, дабы не вызывать неприязни внешним видом, отличным от обитателей тех мест, он тоже не стал – как и все не слишком обеспеченные средствами люди, он исповедовал в одежде принцип универсальности, и его куртка, в коей он пребывал круглый год, и без того не отличалась вычурностью, будучи приличной ровно настолько, чтобы в ней не совестно было появляться на улицах Кёльна, и практичной настолько, чтобы в ней же можно было в любой момент сорваться в сколь угодно долгую дорогу с ночевками под открытым небом и прыжками по оврагам и кустам; и повышение в ранге два месяца назад на его финансовые привычки повлияло слабо. Единственное изменение, которое Курт произвел в своей наружности уже непосредственно перед тем, как вступить в старую часть города – это снял и сунул за отворот куртки перчатки, которые носил едва ли не круглые сутки, снимая их лишь в своем жилище, где некому было коситься на покрытые плотными шрамами ожогов запястья и кисти: там, куда он направлялся сейчас, именно на стягивающую руки черную скрипучую кожу и стали бы смотреть искоса, воспринимая как нечто обыденное собственно рубцы, шрамы, порезы, раны на любых частях тела, а то и отсутствие оных частей как таковых вовсе.

Дождаться темноты, как то предполагали его сослуживцы, Курт тоже не стал: вопреки принятому мнению, жизнь в тех кварталах не начинала кипеть именно с приходом ночи – с приходом ночи время наступало рабочее, и большинство обитателей обретались либо на улицах Кёльна, либо в лавках и домах спящих горожан. Их утро наступало ближе к сумеркам, трудовой день приходился на поздний вечер, и именно несколько часов перед закатом и были тем отрезком времени, когда их можно было застать за относительной праздностью, что он и намеревался попытаться сделать.

²⁸ И «лицо», и «личность» (лат.).

Его решимость и *inflammatio animorum*²⁹ в начальственном присутствии были, по чести сказать, несколько напускными, и теперь, вступая в лабиринты полупустых кварталов, Курт ощущал неуверенность и даже некоторую потерянность, тщательно скрываемую за маской безразличия, удержать каковую на лице требовало немалых усилий. Во избежание недоразумений Знак висел на груди открыто, демонстрируя миру легко и всяким узнаваемое изображение, однако он так до сих пор и не смог решить, не было ли это сделано напрасно. С одной стороны, попытка упрятать его поглубже под рубашку выглядела бы стремлением безуспешно и не слишком ловко скрыть свою должность, но с другой – не смотрелось ли столь открытое его ношение откровенным вызовом?..

Тот факт, что в этих местах мастера инквизитора не ждали, обнаружился тотчас и, строго говоря, нимало его не удивил; первый же увиденный им в одном из переулков смурый тип не шарахнулся в сторону лишь, кажется, оттого, что слишком ошалел от неожиданности и необычности подобной встречи, и Курт, уходя, ощущал на затылке неприятный, острый взгляд. Сам он на типа даже не взглянул, пройдя мимо, не замедлив и не ускорив шага и предчувствуя, что уже через минуту ему на глаза попадется не один и даже не двое местных – непостижимым образом весть о его появлении здесь разнесется быстрее ветра. В том, что сей *dedecum domicilium*³⁰ вышлет ему навстречу своих делегатов с указанием справиться о цели его визита, Курт также не сомневался и, как выяснилось до вольно скоро, не ошибся: предполагаемая делегация возникла на его пути внезапно, просочившись, казалось, сквозь многочисленные щели в домах и улицах и собравшись вокруг него на почтительном, впрочем, расстоянии. Делегацию возглавлял человек, столь напоминавший всем собою и своими повадками томящегося в Друденхаусе Финка, а также и каждого из собравшихся подле него, что невольно подумалось – не предрасположены ли люди подобного физического склада и черт лица вообще к правонарушениям?..

– День добрый, – поприветствовал его Финк-второй, окидывая гостя взглядом, ничего хорошего не сулящим и вовсе не приветливым.

Вынужденно остановившись, дабы не лезть прямиком на стоящих впереди, Курт мысленно дал отмашку себе самому, отмечая начало своей кампании, и отозвался – негромко и не глядя на тех, что, не скрываясь, маячили у него за спиной:

– И тебе того же.

– Настоящий? – в том же наигранном, карикатурно дружелюбном тоне поинтересовался обитатель, кивнув на висящий поверх куртки медальон на стальной цепочке, и Курт позволил себе улыбнуться.

– До сих пор не видел самоубийцы, который посмел бы нацепить фальшивый Знак, – ответил он, не кривя душой. – Знаешь ведь, что за это бывает?

– Бывает... – повторил тот, пожав плечами. – Бывает всякое. Чем докажешь, что ты – настоящий?

– С чего бы это я стал? – в тон ему откликнулся Курт, так же неопределенно передернув плечами. – На магистратский патруль вы не особо-то похожи.

– Вот потому и докажи, – наставительно пояснил кто-то слева. – Всякому тут ходить не с руки – места-то опасные, слышал? Если ты тот, кем вырядился, тогда, что ж, придется отпускать поздорову, а нет – не взыщи, тут самозванцев и соглядатаев не слишком жалуют.

– Иными словами, – усмехнулся Курт, – хотите знать, есть ли у вас право ткнуть мне штырь в печеньку? Не советую. О Печати слышать доводилось? – уточнил он, расстегнув куртку и сдвинув ворот в сторону, демонстрируя окружающим выжженную на плече эмблему академии святого Макария с его номером тысяча двадцать один. – Так вот, если найдут труп с такой

²⁹ Воодушевление, энтузиазм (лат.).

³⁰ Обитель порока (лат.).

вот приметой, здесь будет ходить очень много соглядатаев. В компании магистратских солдат и стражей Друденхауса. А если трупа не найдут, соглядатаев будет еще больше, ибо весь Друденхаус знает, куда я нацелился нынешним вечером.

– Я е...усь, – подвел итог Финк-второй, заглянув ему за спину с неподдельным интересом. – Так в наши края, стал быть, затесался самый натуральный инквизитор... Знаменитый Гессе, так? И что же вы у нас позабыли, господин дознаватель?

– Да вот подумалось мне сегодня с утра – а не заскочить ли вечером в «Кревинкель».

Смех, встретивший его слова, прозвучал несколько растерянно и нерешительно и обвалился, не успев начаться; предводитель делегации, переглянувшись с приятелями, как-то даже неловко хмыкнул, отступив:

– Что-то какое-то чересчур не ваше это место, майстер инквизитор, а? Станный выбор, если задумали пропустить кружечку. Чего вам там-то нужно?

– А не многовато ли вопросов? – чуть посерьезнев, возразил Курт. – На первый, вполне понятный, я тебе ответил – я представился. Прочее к делу не относится. Давайте-ка теперь не будем усложнять, ладно?

Ответа он ждать не стал – попросту двинулся снова вперед, в крохотное пространство между любопытствующим обитателем и его сотоварищем. Как такового силового варианта исхода событий Курт не опасался – окруживших его людей было всего пятеро, а короткий, но совершенно сверхубойный арбалет на поясе и два кинжала ситуацию уравнивали окончательно; в случае подобных осложнений осталось бы лишь сожалеть о том, что после такого начала продолжение его расследования здесь стало бы, скорее всего, невозможным. Сейчас он надеялся на то, что у обитателей кельнского дна хватит ума не подписывать себе смертного приговора.

Любопытствующего Курт отодвинул в сторону плечом – несильно, однако настойчиво; краем глаза увиделось, как тот шевельнул рукой, словно желая перехватить незваного гостя за локоть, однако благоразумно остался недвижимым, лишь повернулся, проследив его взглядом.

– Дайте-ка проводим, – высказал он вслед настоятельно. – Не ровен час – заплутаете тут.

– Не трудись, – откликнулся Курт, не обернувшись и не придержав шага. – Я дорогу знаю.

– Вон как? – не скрывая удивления, переспросил обитатель, и за спиной зашуршали мелкие камешки и старый уличный мусор – любопытствующий двинулся следом. – Ну, так *вы* нас проводите, ладно, майстер инквизитор?

– Прямо, влево, после снова налево и направо в дверь, не заблудишься, – на одном дыхании обронил Курт, услышав позади себя неразборчивые слова, произнесенные растерянно-ошеломленным шепотом. Ничего, с нездоровым весельем подумал он, идя вперед все так же ровно и не оборачиваясь. Пускай поскрипят мозгом – им не вредно. – Если напрямик через старый дом на углу – можно попасть скорее; наверняка там и побежит твой приятель, который сейчас, я слышу, сорвался, как ошпаренный, и теперь торопится сообщить в «Кревинкеле» о моем появлении.

– Бывали тут? – уже с искренним почти уважением поинтересовался назойливый обитатель; он пожал плечами:

– Доводилось.

Больше ни звука произнесено не было – лишь все так же шуршали, скрипели и трескались под ногами следующих за ним делегатов щепки, черепки, камешки. Даже между собою те если и общались, то лишь взглядами, ибо ни одного слова, пусть даже и едва различимым шепотом, он не услышал.

Смотря по сторонам одними глазами, стараясь не крутить головой, оглядывая глухие двери, заколоченные и вновь разнесенные в щепки или занавешенные заново дерюгами окна, Курт подумал о том, что и в самом деле на удивление четко помнит каждый поворот, каждый дом и каждый проулок здесь; в последний раз он прошелся по этим улицам поздним вечером

одиннадцать лет назад – что могло остаться в памяти на столь долгий срок? Однако же – осталось, хотя многое другое, связанное с этим городом, выветрилось напрочь. Причуды человеческой памяти или неосознанное, где-то позади разума существующее сожаление о тех днях, каковое и не позволяет позабыть все это? Ланцу он сегодня сказал правду – невзирая на раны и временами смертельную без преувеличения опасность, эта часть работы притягивала не менее (или, быть может, более?..), чем *impetus mentium*³¹ загадок и тайн самих дознаний. Духовник на подобные предположения, высказываемые уже ранее, вначале улыбался, а после грозил кулаком, веля быть осмотрительнее и не путать службу действующего следователя Конгрегации с работой солдата, патрулирующего улицы. Курт в ответ на это кивал, однако же следовало признать, сам он по доброй воле никогда и не провоцировал случавшихся с ним несчастий либо же просто опасных ситуаций лишь из простой тяги к приключениям: всегда это было либо ненамеренно, либо по стечению обстоятельств, либо же, как это происходило теперь, по причине безвыходности.

Собственно, напомнил он себе снова, слыша неотступные шаги за спиной, физической угрозы как таковой сейчас нет: как уже показал этот короткий разговор в переулке, здешние жители свято блюдут кодекс самосохранения, а посему никто из них не рискнет причинить ему вреда. Главное, чтобы об этом не забывали они сами, добавил Курт с мысленной невеселой усмешкой, делая последние два шага до грязной покосившейся двери в помещение, некогда бывшее недорогим трактиром, а в последние более чем десять лет ставшее дешевой ночлежкой.

Перед дверью он не задержался – затылок ощущал направленные в его сторону взгляды, точно они были чем-то материальным, вещественным; створку без ручки Курт толкнул ладонью уверенно, словно вхождение в эту тесную, провонявшую невесть чем комнатку было для него делом привычным и обыденным, и переступил низкий сбитый порог одним шагом, молясь о том, чтоб хотя бы один из вечно заляпанных и исчерканных ножами столов оказался незапятнанным.

Подобное тому, что повстречало его внутри, видеть и слышать уже доводилось – при иных, правда, обстоятельствах, однако картина была схожей и повторяющейся, судя по всему, в любом трактире, без различия их законности и пристойности: видел он направленные на него настороженные взгляды, а слышал тишину. Один из тех, кто встретил его за две улицы отсюда, стоял у самой дальней стены, где размещалось нечто, претендующее на именование «стойка», опираясь о грязную доску локтем и низко склонившись к уху держателя сего небогоугодного заведения – очевидно, досказывая последние слова новости этого вечера.

Стараясь не топтаться на пороге, дабы не выглядеть растерянно, новость неспешно, но почти уверенно прошагала дальше, уловив краем глаза темную поверхность пустой столешницы в углу справа от стойки и направляясь к ней, не глядя по сторонам и ничего не говоря. То, как вошли его неотвязные сопровождающие, было слышно на весь маленький зальчик – в тишине их шаги и стук закрывшейся двери прозвучали, как грохот упавшей бочки, и по собравшимся вокруг прокатился шепоток, похожий на холодный, колющий ветер с побережья.

Сохранять молчание и дальше было не просто глупо, а и опасно, посему, повернув голову к стойке, но не глядя на хозяина, Курт выговорил – четко, но следя за тем, дабы невзначай не повысить голоса:

– Тут все еще наливают?

– И навешивают, – отозвался тот неприветливо, не двинувшись с места, и майстер инквизитор поднял взгляд к лицу, возвышающемуся над покороленной ободранной доской, разгля-

³¹ Игра слов, основанная на зародившейся в XIV веке т. н. «теории импетуса», согласно которой причиной движения брошенных тел является некоторая сила (импетус), вложенная в них внешним источником. Таким образом, здесь подразумевается и прямое значение – мозговой штурм («натиск умов» (*лат.*)) – и некоторая насмешка, подразумевающая в переносном смысле толчок, «пинок» собственному мозгу.

дывая лысый череп с одной-единственной седой щепотью волос надо лбом, делающей крепкого округлого старика похожим на годовалого морщинистого младенца.

Итак, разговора по-тихому с одним-единственным свидетелем не выйдет; собственно говоря, особенно большой надежды на это и не было...

– Бюшель³², – усмехнулся Курт подчеркнуто дружелюбно, стараясь не замечать подозрительных взглядов вокруг, – ты так и остался редкостным грубияном; ничто в мире не меняется... Как тебя до сих пор никто не прирезал? Я думал, хозяин в «Кревинкеле» уже сменился.

– Я тебя знаю? – поинтересовался обладатель лысины невозмутимо, лишь на миг задержав взгляд на Знаке и сохраняя прежнюю каменную неподвижность. – Или просто-напросто кому-то пора язык укоротить?

– Ты меня знаешь, – подтвердил Курт беззаботно. – Хотя, может, и не помнишь.

– Отличная попытка, майстер инквизитор, но память у меня хорошая, и ваша морда в ней не значится, посему, если вы не мое внебрачное исчадие – валите-ка отсюда по-хорошему, что бы вам ни было нужно. Конгрегатского трупa на нашей территории не будет, однако же – для всех лучше, если вы потихоньку исчезнете. Налить я вам, если так уж желаете, налью, но после чтоб духу вашего тут не было.

– Ух, – передернулся Курт, – какая речь; аж мурашки по затылку... Только память твоя тебя подводит, Бюшель, ибо моя морда в ней быть должна, и если Шерц где-нибудь поблизости, он скажет тебе, кто я такой.

Шерц поблизости был – это лицо в памяти осталось тоже и было узнано сразу, по брошенному мельком взгляду при входе в «Кревинкель»: за десять лет бывший его сообщник ничуть не изменился, лишь раздался ввысь и вширь, сохранив невероятную округлость щек по обе стороны от грушевидного носа и внушительную утробу.

– Шерц! – повысил голос Курт, не дождавшись реакции на свои слова, и обернулся к столу, где в окружении двух насупленных парней и довольно затасканного вида девицы восседала упитанная шутка Создателя. – Раскрой хлебало, наконец, и изреки что-нибудь умное.

– Ну? – поторопил его хозяин, когда тот так и остался сидеть молча, глядя в сторону гостя своим вечно мутным взглядом. – Какого молчишь? Знаешь ты его или нет?

– Знаю, – наконец, выдавил Шерц нехотя, и маленькие сальные глазки забегали, прячась от собеседников. – Знал, – поправился он тут же. – Раньше.

Взгляд бывшего соратника по несправедным занятиям Курту удалось перехватить лишь на мгновение, и во взгляде этом был откровенный страх. Все верно. Информация, которую этим летом предоставил Друденхаусу Финк, была сообщена без ведома всех прочих членов этого сообщества – лишь люди из его шайки и знали, кем был нынешний следователь Гессе и по какой причине их предводитель беседовал с ним столь доверительно. И сейчас толстяк Шерц ожидал справедливого воздаяния за словоохотливость своего жоака...

– Я так вижу, – заговорил Курт снова, обратясь к хозяину, – от него толку сейчас никакого... Когда-то я был с Финком. Бекер; но, как я говорил, ты наверняка не помнишь меня.

– Бекер... – повторил Бюшель, глядя на него пристально и теперь уже серьезно. – Припоминаю, пекарский племянник, верно? Однако ж, это было... сколько же? Лет десять тому, а?

– Вот это память, – искренне восхитился Курт. – Честно сказать, был уверен, что ты забыл напрочь.

– Так, эй, а ну, стойте-ка там! – Голос главного делегата от двери прозвучал зло и растерянно вместе; тот прошагал на середину крохотного зальчика, озираясь вокруг и не зная, к кому обратить взгляд – к незваному гостю, к хозяину заведения или молчаливому толстяку за столом. – Бюшель, какого черта? Тут, кстати, люди сидят, и люди хотят знать, что за херь здесь творится. Ты этого... знаешь? И что значит «был с Финком»? Он кто – инквизитор или нет?

³² *Büschel* – клок, пучок (нем.).

– Гóлоса на меня не поднимай, сопляк, – почти нежно посоветовал старик за стойкой, и делегат отступил чуть назад, неловко хмыкнув. – А что тут и к чему – пусть тебе наш гость сам растолкует. Давайте-ка... – он усмехнулся, приглашающе кивнув, – майстер инквизитор. Говори уж, зачем пришел и чего ради кинулся былые дни припоминать. В городе ты, насколько я знаю, уж год; чего ж теперь приперло?

«Линия поведения», над которой Курт ломал голову по пути в «Кревинкель», избралась, похоже, сама собою; наилучшим выходом было сейчас говорить прямо, и вместо одного лишь бывшего сообщника призывать в свидетели каждого здесь. Собственно, все та же работа, что и прежде, всего лишь несколько иное окружение и чуть другие способы разговорить и заинтересовать...

– О том, что Финка взяли магистратские, знаете? – спросил Курт негромко, но слышно всем, и лица вокруг, и без того не сияющие приветливостью, осунулись и словно бы посерели, сравнившись по цвету со стенами тесной комнаты.

– Так ты потому тут?

– Да, – кивнул он серьезно, – потому. Хочу в этом деле разобраться.

– И с каких это пор Друденхаус у Хальтера на побегушках? – с нескрываемым презрением уточнил кто-то; Курт pokrивился.

– Слушать надо ухом, а не брюхом, – отозвался он, не глядя в сторону говорившего. – Я сказал, что хочу разобраться в деле, а не завалить Финка – ему и без того завтра же была бы хана. А благодаря мне он сейчас не в светской каталажке, а в Друденхаусе; не Бог весть что, однако там его хотя бы не мутузят от нечего делать, как только охрана заскучает. Там вообще без моего приказа в его сторону даже не обернутся. И следствие теперь веду я. Если здесь кто-то чего-то все еще не понял, поясняю для особо умных: хочу помочь Финку не отправиться на тот свет.

– Это просто зашибись, – одобрил предводитель делегации, – только вот в чем штука: чего ради ты ринулся ему помогать, если те слухи, что нам птички на хвостах принесли, правда?

– Как звать? – уточнил Курт, осознав, что именно эта личность на данный момент и станет направителем беседы и настроений окружающих его людей; тот издевательски поклонился:

– Кранц.

– Ясно, – кивнул он, не интересуясь тем, прозвище ли это или же редкий случай именования здешнего обитателя по фамилии³³. – Так вот, Кранц, дело всего лишь в том, что я не верю в виновность Финка. Довольно такой причины?

– Нам-то, может, и довольно, только странно что-то, когда вот так, через десяток лет, начинают поминать старую дружбу; не к добру это. С какого перепугу ты вдруг в это дело полез? Мало ли невиновных магистратские переловили...

Итак, мысленно подвел первый итог Курт, «майстер инквизитор», пускай и в тоне нахально-издевательском, остался в стороне; следует ли столь простое, на «ты», обращение к нему воспринимать как знак недобрый либо же как обозначение того, что его давнее пребывание в их мире осознано и в некотором роде официально принято? Если его хоть однажды поименуют старым прозвищем – значит, справедливо второе...

– И всякий раз Друденхаус вмешивался, когда успевал, – напомнил он. – Про студента пару лет назад слышали?.. Вот то-то, Кранц. А что до старой дружбы, которую я припомнил – у меня на то причины есть. Именно Финк много лет назад привел меня сюда, и если б не он – так и оставался бы я у своих милых родственников, которые, в конце концов, или голодом меня уморили б, или б заколотили до смерти в один прекрасный день. Не ахти какая, конечно, жизнь тут была, а все же была. И только один Финк прикрывал новичка от тех, кто желал

³³ *Kranz* – венец, оно же – определенный круг лиц, группа (нем.).

поразвлекся, подсчитывая мои выбитые зубы. Если бы не он когда-то – я бы окочился на улице, под теткиной скалкой или – уже вот тут, под кулаком какого-нибудь жирного борова, которому повезло, что он старше, выше и сильнее.

Несколько взглядов сместились в сторону Шерца, и тот выпрямился, отчего внушительное брюшко его уперлось в стол, едва его не отодвинув.

– Так что, – закончил Курт, вновь обернувшись к Кранцу, – вот тебе причина: когда-то он не дал мне сдохнуть. Такое обыкновенно не забывают. Или за десять лет законы здесь изменились?

– Не гоношись, Бекер, – снисходительно и почти миролюбиво откликнулся Бюшель из-за стойки. – По нашим законам мы и говорить-то с тобой не должны бы.

Однако же, старая кличка все-таки произнесена, отметил Курт, усаживаясь поудобнее и несколько расслабляясь. Дальнейшую беседу можно предвидеть с небольшими вариациями, однако почти стопроцентной вероятностью. Для начала присутствующие захотят выговориться, осознавая вслух и в самом деле неслыханную мысль о том, что местный инквизитор в то же время является одним из них; и время этого факта не меняет, ибо не нарушено главное правило – попавшись, Курт не сдал никого, ни одного даже из самых страшных своих обидчиков, и при случае хозяин «Кревинкеля» и толстяк Шерц, сколь бы ни был он неприязненно настроен, это подтвердят.

– А вот это верно, – подхватил Бюшеля неугомонный предводитель делегатов. – Это просто-напросто небывало – мне в морду нашими правилами будет тыкать тот, кто вообще до нас не касается!

– Потому что на дело с тобой не хожу каждый вечер? – уточнил Курт, и тот кивнул на Знак на его груди:

– Вот поэтому.

– Ах вот оно что, – улыбнулся майстер инквизитор с подчеркнутым дружелюбием, и Кранц поморщился. – А скажи-ка мне, хранитель законов, если б тебе посчастливилось накрыть повозку, груженую золотом, – ты что б делал? Тысяч, скажем, на пятьдесят. Здесь бы все спустил? Я думаю – домик бы себе прикупил в хорошем квартале и в дорогом трактире лежей во кляре жрал бы.

– Ты это к чему? – насупился тот.

– К тому, что вот это, – Курт чуть приподнял медальон за цепочку, – мне привалило не по моему желанию. Сложилось так. Я не выбирал, куда мне идти и чем заниматься, ясно?

– Однако жопу рвешь на своей службе.

– Рву, – кивнул он невозмутимо, покачивая Знак на пальце, и заметил, как сидящая рядом с Шерцем потрепанная девица соблазнительно закусил губу, отчего внутри что-то похолодело и обозначилось нечто вроде тошноты – зубки у девицы были далеки как от пристойного качества, так и от положенного количества. – Вылавливаю всякую дрянь.

– И чем ты тогда от магистратских отличаешься? Та же псина.

– Тем отличаюсь, Кранц, что мои враги – и твои тоже, как и любого в этом городе, во всей Германии и на всем белом свете, потому как что ты, что я – все мы для них так, мясо. Хочешь кое-что по секрету? Если б не такие, как я, ты сейчас, может, на какой-нибудь шахте втыкал, на добыче камней для скучающего малефика, и это в лучшем случае. Я свою нынешнюю жизнь не выбирал, однако же оправдываться за нее не намерен. Перед законом, на который ты так напираешь, я чист: магистратские от меня десять лет назад ни одного имени не слышали. И до сих пор я рта не раскрыл, хотя кое о чем кое-что знаю.

– И решил, что тебя тут за это обнимать кинутся?

– Угомонись, Кранц, – тихо попросил хозяин подвальчика, и парень умолк тотчас же, захлопнув рот послушно, словно ребенок. – Потрендел – и будет. Ты что-то больно много воли сегодня взял... Ну, пускай оно так, – обратясь уже к гостю, кивнул Бюшель со вздохом. – Но

тут-то ты чего забыл, Бекер? Если тебе и впрямь приперло отмазать Финка, здесь тебе ничем не помогут. Знаем не больше твоего, а то и, я так мыслю, меньше. За что замели – и то так, слухами да толками. Девуцу он какую-то, говорят, прирезал, молоденькую, и оприходовал ее на полную. Так с чего ты взял, что он тут не при делах? Все может быть, он вчера нажрался до синих чертей...

– Девочку, – поправил Курт, отвернувшись от насупленного Кранца. – Одиннадцати лет. Изнасилована раза четыре, после чего изрезана вдоль и поперек и почти выпотрошена. Неужто только я уверен, что Финк такого бы не сделал?

– Мапочки! – шепотом пискнула какая-то девица за столиком у двери, приподнявшись и тут же усевшись обратно; Бюшель нахмурился:

– Да, это уж что-то для Финка слишком. По морде залепить мог бы, да и попользоваться, разрешения не спросив, но вот так вот... А все же – что ты здесь найти думаешь? Говорю же – никто тут ничего не знает, сам видишь.

– Да ты даже не дослушал, – укоризненно возразил Курт. – Вся штука в том, что если и могу я где-то найти для него оправдание – то только здесь. И свидетелей у меня, кроме вас, никаких нет.

– Вот это слово мне что-то не нравится, – вновь вмешался Кранц, однако уже более миролюбиво, хотя и по-прежнему настороженно. – «Свидетель» – это когда надо идти к вам, там отвечать на ваши вопросы, а потом меня же в соседнюю камеру?

– Если бы дело вел магистрат, вас бы и слушать не стали, не то что звать куда-то, чтоб пообщаться, – отозвался Курт, кивком пригласив все еще стоящего посреди комнаты собеседника присесть напротив. Поколебавшись, тот медленно приблизился и примостился подальше от него, на самом краешке трехногого тухлявого табурета. – У Друденхауса свои правила, весьма удобные. Никому и никуда идти не надо, хватит того, что я услышу здесь, а в отчете потом напишу «из заслуживающих доверия источников стало известно, что...»; и все.

– Здорово, – хмыкнул кто-то от дальней стены. – А откуда твое начальство узнает, что ты им мозги не крутишь?

Итак, разговор постепенно переходит во вторую фазу, отметил Курт про себя, улыбаясь любопытствующему посетителю «Кревинкеля» почти přátельски:

– Мое начальство – инквизиторы, помнишь? Узнают.

Чуть слышимый, все еще неуверенный смешок, прокатившийся по маленькому темному зальчику, был хорошим знаком, и он продолжил в том же тоне, стараясь не упустить на миг возникшее полудоверие:

– Главное в том, что магистрату я потом ничего объяснять не обязан: тайна следствия Конгрегации, и – выкуси. Как доказал и что нашел – мое дело.

– Хорошо пристроился, – разомкнул, наконец, губы Шерц. – Прямо весь в малине.

– Завидно? Давай к нам. Сделаем из тебя пыточный инструмент, будем подсаживать в камеры к малефикам; через час любой запросится на признание. Шерц, мать твою, я вонь твоих портков отсюда чую!

От немудрености и тупости произнесенной шутки стало тошнотворно самому, и, слушая уже откровенный смех, Курт едва не перекинулся, припоминая, как когда-то сам покатывался над подобными же безыскусными плодами местного юмора. «*Cor dolet, quum scio ut nunc sum atque ut fui*»³⁴... Но как же до омерзения легко вспоминается все это...

– Если б не твоя побрякушка, Бекер... – с невнятной угрозой отозвался тот, не договорив, однако, и уставясь в сторону.

– Да хорош заливать, – с добродушной насмешкой осадил его кто-то, – ты, разве, пузом можешь задавить, а этих, я слышал, учат от десятка вояк враз отбиваться. Правда это?

³⁴ Сердце болит, когда вижу, кто я теперь и кем был (лат.).

– Правда, – не дрогнув лицом, соврал Курт, покрывив душой лишь самую малость – «отбиваться» учили от пятерых, много – шестерых, ибо, вопреки распространенному мнению, большего количества бойцов в круг подле одного человека попросту не вместится. Кроме того, учили не *отбиваться*, а *бить*, однако на этом он тоже внимания заострять не стал.

– Вот где настоящие мужчины, – проворковала дева с недостатчей зубов, и одарить ее ответной улыбкой стоило таких усилий, что от напряжения едва не свело челюсть.

– Руки прочь, – настойчиво порекомендовала девица от двери, выглядящая, к удивлению, несколько свежее и имеющая в наличии все прелести, включая полный набор зубов, поразительно чистых. – У тебя вечер забит по самые уши. Майстер инквизитор, допросите меня наедине?

– Ты поосторожней с ним, – заметил Кранц с кривой ухмылкой. – Его бабы кончают на костре.

– Ой, правда? – без особенного испуга уточнила та, и Курт кивнул:

– Правда. Пылкая была штучка... Хотя, я сильно сомневаюсь, что она кончила.

Благодатная тема, подумал он, растягивая в усмешке губы под хохот вокруг. Веселить местных обитателей подобными шуточками несложно, кроме того – нужно, исподволь приучая их к мысли о том, что вот тут, среди них, сидит такой же, свой, с которым можно запросто; вот только какая-то висюлька болтается на шее, но во всем прочем он ничем от них не отличается...

– Недавно тут, – кивнув через плечо на девицу, уже без враждебности истолковал Кранц ее неведение относительно недавних событий, что объяснило также и ее сравнительную опрятность в облике по сопоставлению с прочими.

– Новенькая... – прежним приветливым голосом произнес Курт, пытаясь определить, подошло ли время задать интересующий его вопрос, столь логично укладывающийся в продолжение темы, и осторожно уточнил: – И частенько залетают свежие пташки в эти места?

– Интересуешься девицами?

– Да. Одной из них.

Зародившийся было в тесном зальчике беззаботный гомон утих, и Бюшель, со скрипом опершись на свою стойку, тяжело, шумно вздохнул:

– Стало быть, к делу; так, Бекер?

– Я ж сказал, зачем пришел, – ответил Курт с таким же вздохом, всем своим видом говоря о том, как он доволен просто побыть здесь, среди валяющихся на полу отбросов и кислой вони, однако же – долг зовет... – Ты спрашивал, что я надеюсь тут выловить? Так вот, я надеялся разыскать одну милашку – блондинка, низкорослая, шуплая, вчерашний вечер провела с Финком. Тоже – новенькая. Помнит ее кто-нибудь?

– Я эту сучку помню! – с готовностью отозвалась чистоплотная девица, в мгновение ока пересев к его столу – Курт едва успел заметить, как она оказалась напротив; оценив столь явную готовность к сотрудничеству очередной благосклонной улыбкой, он кивнул:

– Ясно. И чем эта дочь Евина заслужила такое порицание из уст... Тебя как зовут?

– Мария, – томно отозвалась та, и Курт улыбнулся еще шире:

– М-м, какое непорочное имя...

– Только сама я – страшная грешница, – без каких-либо признаков смущения потупила глаза та, тут же снова подняв взгляд к гостю. – А эта проб...дь – сучка, потому что дрянь редкая.

Логика неколебимая, мысленно усмехнулся Курт, а вслух уточнил:

– Стало быть, ты ее видела. Так?

– Да все ее видели, – вмешался Кранц, потихоньку придвигая свой табурет поближе к грешнице. – Мария с ней поцапалась, вот теперь и бесится... Хотя, конечно, девка была та еще – с норовом. Только вчера тут было, я тебе скажу, весело, и чтоб ее обламывать, ни у кого

настроения не было; мы так подумали – если останется, сама поймет, что тут к чему, а если нет...

– Да вы перед ней плясали все, – с непритворной злостью возразила Мария, окинув собравшихся коротким взглядом. – Смотреть не на что, сопля соплей, а еще ходила тут, как на базаре, выбирала себе по вкусу. А эти, – сообщила она доверительно, обратясь снова к Курту, – как кони на продаже – ушами хлопают, копытом бьют, ждут, пока их оприходуют.

– Врешь, сука, – лениво подал голос от столика у двери оставленный Марией ухажер. – На нее и внимания-то не обращали. Ходила – и ходила себе, хрен с ней.

– И никому не стало любопытно, – встрял Курт снова, – что какая-то незнакомая девка ходит тут, высматривает что-то?

– А чего – в магистратских казармах и бабы водятся? – гоготнул грешницын поклонник. – Вот бы глянуть...

– О том, что такое «агент», знаешь? – ласково поинтересовался Курт, и возникший вокруг смех разом утих. – Платишь ей пару талеров, она является в такие вот места, ходит, смотрит... А после одного из вас приходится отмазывать.

– Вот ведь бл...ство... – проронил Кранц тихо. – Так ты всерьез думаешь, что Финка подставили? И баба эта с ним вчера была не просто так? Это она *его*, типа, высматривала?

– Я ж сразу сказала, что она мне не нравится, – удовлетворенно сообщила Мария, и Курт кивнул:

– Вот об этом и расскажи. Ты с ней, значит, вчерашним вечером повздорила?

– «Повздорила»! – фыркнула та раздраженно. – Я б этой стерве zenки б выпарапала, если б кое-кто меня не утащил.

– Не слишком-то ты сопротивлялась, – заметил ухажер, и та бросила на него уничижающий взгляд:

– С тобой посопровишься, кобель похотливый.

– Так в чем было дело? – напомнил Курт; она передернула плечами:

– Да, в общем, ни в чем особенно, просто она меня взбесила. Я к ней знакомиться – она отсела. Спрашиваю, как звать – «не твое собачье дело», говорит. Ну, это еще ничего, бывает же у девушки дерьмовое настроение, верно? Может, она в эту дыру с горя какого приперлась... Я к ней и так, и этак – по-доброму, а она сперва огрызалась просто, а потом так меня послала, как из них вот не каждый сможет. Я ж, мать ее, знаю, каково тут новенькой, да еще и девчонка совсем, малолетка; хотела чисто помочь – ну, там, рассказать, что к чему. А эта с таким видом тут сидела, как будто торговка какая с цветочками – заскочила по делу, и тут же ей обратно бежать надо...

– Женская проницательность, – вновь одарив улыбкой свою неожиданную свидетельницу, отметил Курт, и та горделиво распрямилась, ответив на хмурый взгляд своего ухаживателя очередным пренебрежительным фырканием. – Так значит, сидела она тут, выбирала... А потом подсела к Финку?

– Вроде того, – покривился в улыбке Кранц. – Он, знаешь ли, к тому времени был накачан под самые ушики...

– Как и все здесь, – заметил Бюшель с усмешкой. – Вчера тут и впрямь веселье было, это верно.

– И еще, к тому же, – снова вмешалась Мария, – эта сучка увела Финка от Эльзы; он в последнее время всегда с Эльзой, а она – только с ним. А эта дрянь – я слышала – подошла к Эльзе и говорит: хочу тебе сказать что-то... или спросить, этого я уже не расслышала... И вывела ее наружу, на улицу. Что там она ей наговорила, не знаю, а только Эльза вчера тут больше не появилась. А она – к Финку.

– Так, а сегодня? Эльза здесь?

– И сегодня ее тоже не было. Гадость ей какую-нибудь та шмакодявка наплела, это точно. Я хотела зайти к ней, спросить – как, вообще... Времени не было.

– И не будет, – хохотнул кто-то; Курт кивнул:

– Ясно. Скажешь, где найти ее?

– Я покажу, – с готовностью откликнулась та.

Глава 5

– История просто душещипательная, – произнес Курт трагически, глядя в покрасневшие, сонные глаза мастера обер-инквизитора – за окном рассеивались предутренние сумерки, и к тому же Керн, похоже, не спал сегодня вовсе, дожидаясь возвращения своего подчиненного с новостями. – Такое в тех кругах происходит редко, однако же – случается: эти двое стали подумывать... ну, не о браке, конечно, но хоть о том, чтобы ограничить свое общение с противоположным полом исключительно друг другом. И вдруг является безызвестная девица, какая, отведя эту Эльзу в сторонку, едва ли не со слезами на глазах высказывает ей, что у них с Финком намечено размножение, в свете чего ей, Эльзе, делать при нем нечего совершенно. Причем такими словами, что та, вместо чтоб закатить ему скандал и затребовать объяснений, попросту ушла домой, и до вчерашнего вечера ею безраздельно обладало *status depressus*³⁵ в крайней степени.

– Но ты, разумеется, бедняжку утешил? – устало усмехнулся Керн; Курт развел руками:

– Чин мой велит...

– Не святотатствуй, – нахмурился тот. – Нахватался у своих приятелей...

– Всего лишь рассказал ей правду, – уже серьезно продолжил Курт. – Сведения эти секретными не назовешь, посему...

– Понятно, понятно. Дальше.

– Далее, – кивнул Курт. – Главное в том, что множество свидетелей подтверждают рассказ Финка: девчонка была, и вечер она провела с ним, после чего в один прекрасный момент увела его из «Кревинкеля». Когда и как – никто точно не помнит, ибо всем было не до того. Но те, кто обратил внимание – так, вскользь – на Финка, говорят, что выглядел он не совсем адекватно: взгляд рассеянный, отсутствующий, движения нескоординированные; полагаю, если б кто-то любопытный заглянул ему в глаза, он увидел бы не вполне нормальные зрачки.

– Итак, полагаешь, его таки опоили?

– Полагаю – да. Стало быть, Вальтер, мои предположения подтвердились: убийство Кристины Шток спланировано, спланировано заранее, и если бы не вмешался Друденхаус...

– Не скромничай, – покривился Керн; он кивнул:

– Если бы не вмешался я... дело так и осталось бы таким, каким его увидел магистрат: пьяный подонок зарезал случайно попавшуюся ему девочку. Остается один вопрос, который не дает мне покоя и ответа на который я не знаю, – был ли Финк также избран для роли подставного подозреваемого заранее, либо же выбор пал на него случайно. По свидетельству всех, присутствующих в «Кревинкеле» в тот вечер, девица долгое время пересаживалась с места на место, бродила по залу, присматривалась; я не могу сказать, искала ли она именно его, выкраивала момент, чтобы сблизиться именно с ним, либо же попросту выбирала среди присутствующих наиболее годящуюся кандидатуру. В любом случае все произошедшее означает, что у совершивших это преступление есть информация о кёльнском дне – хотя бы настолько, чтобы знать о существовании «Кревинкеля», его местоположении и сборищах в нем. Если же Финк был предпочтен также заранее, именно он, то...

– Значит, информация у них очень подробная и достоверная, – кисло договорил Керн; Курт вздохнул:

– Значит, да. И еще один вопрос, который так и остался неразъясненным, – мотив. Кроме предположения, что девочка стала свидетельницей другого преступления, у меня нет иных версий; однако же мне самому она не слишком по душе. Обыкновенно свидетелей убирают тут же, либо же в ближайшие часы, но ее держали неведомо где целые сутки прежде, чем

³⁵ Состояние депрессии (лат.).

убить, проведя столь сложную... скажем так – операцию прикрытия. Это означает: либо что преступление, увиденное ею, *чрезвычайно* серьезно, либо – что моя версия неверна.

– *Ergo*³⁶, – со вздохом подытожил Керн, – кроме этой таинственной девицы, у нас нет ничего. Никаких более связей, верно?

– Выходит, так. *In optimo*³⁷, найти бы ее и побеседовать как следует, однако я убежден, что в Кёльне ее уже нет. После посещения жилища Эльзы я вернулся в «Кревинкель» – дабы закрепить начатое; ближе к утру общение устоялось...

– Это я ощутил, как только ты вошел, – заметил Керн недовольно. – Что за дрянь ты там пил?

– Понятия не имею; предпочел не спрашивать... Словом, оскорбленные тем, что их попросту употребили, а также ратуя за обеление доброго имени своего сотоварища, обитатели старых кварталов поклялись мне могилами всех родичей до седьмого колена, что прочешут Кёльн везде, где только им доступно, и поговорят со всеми, с кем могут, об этой самой девице. Очистки совести ради можно послать такой же запрос в магистрат, однако... Я уверен, что ее уже нет в городе. Все так же во исполнение предписаний можно побеседовать и со стражами на воротах – со всеми, кто был на этом посту за последние сутки – но уверен также, что и там ее не видели. Октябрь, распродажа излишков урожая, торговцы, в ноябре фестиваль... Через ворота проходят сотни людей, туда и обратно; до девицы ли им какой-то? Кроме того, такой, как она, переодеться в мальчишку труда не составит.

– И что полагаешь делать?

– Во-первых, – вздохнул Курт обреченно, – предоставим магистрату кое-что из добытых сведений – ровно настолько, чтобы перед ними были доказательства невиновности Финка. После чего... ведь бюргермайстер всегда относился к Друденхаусу с пиететом, на это его мозгов хватает... вежливо попросим его применить все силы, дабы прочесать все деревни и мелкие поселения, находящиеся под его юрисдикцией; мы, в свою очередь, сделаем то же. Объявим в розыск эту таинственную соблазнительницу, а также мальчишек, подпадающих под ее описание в мужской одежде.

– Допустим, – кивнул Керн, покривившись – очевидно, при мысли о просторах Кёльнской епархии. – Но нельзя надеяться только на это.

– Я осознаю это, Вальтер. – Курт усмехнулся. – Придется мне взяться за то, чем хотели заниматься светские при начале розыска пропавшей Кристины Шток, а именно – опросом знакомых, друзей и просто тех, кто видел ее в день исчезновения. Кое-кого они уже опросить успели; протоколов никто, разумеется, не составлял, посему пробежусь по тем, кто этими опросами занимался, и запишу все. После чего пойду по цепочке дальше... Быть может, хоть кто-то, хоть случайный прохожий, видел, кто увел ее с кёльнских улиц – ведь не сама же она пришла к своему похитителю.

– Действуй, – одобрил Керн, сдавив глаза пальцами так, что Курт поморщился. – Привлекай к этому старших... Дитриха с Густавом; все равно в этом деле большего от них ждать не приходится. Когда твои приятели отчитаются перед тобой о том, что узнали?

– Они обещали землю рыть, – отозвался он, и начальство искривило губы в невеселой ухмылке, услышав этот негласный девиз дознавателей Конгрегации, примененный к столь странным агентам. – Посему этим вечером меня снова ждут в «Кревинкеле». Могу вам сказать следующее: если за весь сегодняшний день они не сумеют ничего разузнать – значит, не узнают и после; на них у меня, кстати сказать, надежды более, нежели на привратную стражу или городские патрули.

– В том смысле, что, если они ничего не узнают, то кёльнская стража – и подавно?

³⁶ Итак, следовательно (*лат.*).

³⁷ В идеале (*лат.*).

Курт не ответил – лишь развел удрученно руками, и начальник откинулся на высокую спинку стула, закрыв глаза и массируя ладонью затылок.

– Господи... – выдохнул майстер обер-инквизитор подавленно, вновь распрямляясь и устремляя на подчиненного усталый взор. – Изложено верно, Гессе, и я, к своему позору, ничего более тебе присоветовать не смогу. Работай. Только хотелось бы, чтобы ты все сказанное...

– Отчет будет позже, – не дослушав, отрезал Курт и поправился, смягчая излишне резкий в начальственном присутствии тон: – Я с ног валюсь, Вальтер, и страстно мечтаю о купании; у меня такое чувство, точно я по сю пору в этом подвале. А еще хотя бы о трех часах сна – иначе я вам такого напишу...

* * *

Проспать выдалось всего часа полтора: мысли о деле не оставляли даже во сне, мозг не желал отдыхать как должно, и сквозь туманную дрему Курт все так же силился просчитать возможные ходы возможных преступников, связать между собою события прошедших суток, стремясь выстроить логическую цепочку из наличествующих у него данных и фактов. Наконец, глаза открылись сами собою, и, поворочавшись с минуту, он осознал, что сон более не вернется.

Поданный завтрак Курт проглотил на ходу, не особенно заботясь о порядке блюд и, собственно, об их содержании, после чего направился в Друденхаус, прихватив с собою подопечного. Оный, судя по цвету его глаз и мешкам под ними, также почти не спал, ожидая его возвращения либо наступления утра, когда Друденхаус объявит охоту на местное отребье за убийство следователя Конгрегации.

Старшие сослуживцы, очевидно, уже поставленные в известность о последних событиях и его выводах Керном, встретили его с издевательски-смирненным видом, вытянувшись в струнку и осведомившись, «что пожелает от них майстер инквизитор второго ранга». «Напишите за меня отчет», – покривился он, плечом отодвинув обоих с дороги и войдя в рабочую комнату с видом арестованного, вступающего в дальнюю комнату подвала Друденхауса.

На то, чтобы *relatio synopsis*³⁸, составленный из полученных фактов, приобрел относительно приемлемый вид, ушло около часа, после чего, свалив написание копий отчета на Бруно, Курт наскоро изобразил запрос в магистрат о розыске щуплой оболстительницы, приложив к нему сколь возможно подробное разъяснение того, почему арестованного по обвинению Вернера Хаупта нельзя более считать безусловно виновным. С запросом в магистрат был отправлен курьер, с отчетами к Керну – Бруно, с вопросами к страже на городских воротах – Райзе.

– А к Штокам иду я, – прервал Ланц исходящие от майстера инквизитора второго ранга указания, и Курт насупился.

– Я, разумеется, не рвусь к разговору с убитыми горем родителями, – возразил он твердо, – однако – в чем дело, Дитрих? Не доверяешь или оберегаешь мои нервы?

– Берегу нервы Штоков, – отозвался Дитрих. – И твои в том числе... Как полагаешь, абориген, не являлись ли они вчера в магистрат и не осведомлялись ли о том, на какой день и час определена казнь арестованного за убийство их дочери? И не рассказал ли им Хальтер о том, что никакой казни нет, а арестованный у нас?.. Оба были здесь вчера вечером. Отец свирепствовал, а мать отпаивали от истерики.

– Они знают, что вина арестованного...

– Ничего они не знают и знать не хотят, – тяжело отрезал Ланц. – Разумеется, мы разъяснили им, как могли, но... За несколько часов до этого они смотрели на труп своей дочери; можешь вообразить себе, что из всего сказанного они могли воспринять, да и вообще услы-

³⁸ Обзорный доклад, отчет (лат.).

шать. Керн не мог избавиться от них целую вечность. Когда их немного успокоили, старик добил последним аргументом – он обыкновенно действует на людей образом попросту магическим. «Следствие ведется с привлечением всех возможных сил и поручено лучшему следователю Друденхауса»; собственно, он сказал правду. Силы положены все, какие есть, и следователь работает, следует признать, действительно наилучший на данный момент и в существующих обстоятельствах.

На последнее утверждение Курт не возразил, не стал скромно потуплять взор со словами «да брось ты» – лишь кивнул, поднимаясь со своего стула:

– Пусть так. К Штокам идешь ты.

В этот день он снова, уж в который раз, припомнил и оценил справедливость брошенной когда-то Густавом Райзе шуточки о том, что неспроста следователей Конгрегации называют псами Господними, ибо в розыске сведений и свидетелей носятся оные следователи подчас, высунув язык.

Разыскать каждого из так называемых дознавателей магистрата оказалось делом весьма непростым: один из них обнаружился в своем доме, мирно сопящим в подушку, недовольно поморщившимся на послеполуденное солнце, когда майстер инквизитор растолкал его образом довольно бесцеремонным; другой был «на службе» по словам его жены, «где-то в Кёльне» по словам магистратских стражей и – в одном из трактиров определенной репутации по личному наблюдению самого Курта. К моменту, когда с каждого из сих оберегателей закона и порядка крохи информации были, наконец, собраны, он уже пребывал в готовности придушить любого из них на месте, буде он рискнет посясть на глаза снова.

Райзе, как и предвиделось, от беседы со стоящими вчера на воротах стражами возвратился ни с чем – никто, само собою, описанной им девицы не видел, а если видел, то не обратил внимания, и порицать их за это было грешно; отсюда, как со вздохом заметил сослуживец, «что-то могло привалить только по большому везению». Указание впредь наблюдать за всеми выходящими из Кёльна подозрительными личностями, разумеется, было дано, однако надежды на результаты подобной бдительности были крайне незначительны и, говоря по чести, напрасны.

Остаток дня был проведен в расспросах, и хотя горожане от разговора не бежали, отвечая на вопросы, насколько возможно было судить по лицам и взглядам, правдиво и охотно, Курт остался при мнении, что и здесь силы и время были затрачены впустую. Кристина Шток, выйдя из дому поутру, направилась к своей подруге, живущей в трех улицах к востоку, неподалеку от Кёльнского собора, и, как уже было известно, до ее дома не дошла. Девочку видели на соседней с ее жилищем улице, видели проходящей мимо рынка, видели многие – но всюду в одиночестве. Никто не подходил к ней, ни с кем беседующей ее не примечали; кроме того, родители божились, что с незнакомцами, будь то мужчина либо женщина, их дочь говорить не стала бы никогда – блюдя как приличия, так и безопасность: от одного из своих родственников, проездом побывавшего в Кёльне, единственные и оттого небедные поставщики льда слышали рассказ о похищенном ради выкупа ребенке, коего по уплате требуемой mzды все равно нашли мертвым.

В свой второй набег на «Кревинкель» Курт отправился в расположении духа угнетенном и подавленном; просвета впереди он не видел никакого, и тот факт, что его давние приятели, их приятели и приятели их приятелей не сумели узнать о таинственной девице ровным счетом ничего, настроения не поднял. Возвратился он поздней ночью с трещащей, как старый мост, головой, едва волоча ноги и ненавидя неведомого убийцу, себя и вообще весь белый свет.

Утро в Друденхаусе прошло уныло, и не в последнюю очередь оттого, что, как и ожидалось, майстер обер-инквизитор призвал всех троих подчиненных собраться в его рабочей

комнате для предоставления ему отчета о проделанной работе. В академии те беседы, на коих выслушивались выводы будущих выпускников, составленные на основе данных им материалов гипотетических «дел», курсанты наименовали «разбором полетов» или, коротко выражаясь, «летучкой», причиной чего являлся наставник в следовательских науках, любящий частенько повторять, что «подобно как любой простой смертный может сказать о близящемся дожде по низко летящим птицам («ведьмам» – как правило, глумливым шепотком поправляли курсанты), дознаватель должен уметь сказать о деле по малейшему факту либо намеку на оный». Сегодняшняя летучка предвещала пусть не грозу, но долгий, затяжной туман – ибо намеков было множество, а вот фактов наблюдался вполне очевидный недобор.

Керн не бушевал, укоряя следователей в бездействии либо недобросовестности, лишь по временам раздраженно дергалась щека, по чему каждый из присутствующих понимал: более всего начальство ярится на себя, ибо не в силах дать подчиненным ни единого дельного совета. Друденхаус пребывал в тупике – опрошены были все, кого только было возможно опросить, весь Кёльн был прочесан вдоль и поперек, причем участие в этой деятельности мобилизованных Куртом сил давало убежденность в том, что не исследованным не остался ни один уголок.

– Кроме домов самих горожан, – заметил Бруно, когда понурые и молчаливые служители Конгрегации разбрелись от начальственного присутствия прочь. – А там может сидеть с полсотни девок, как плоских и мелких, так и кобыл с охрененной грудью; кто знает, *что* там, за стенами?..

– Даже у Друденхауса нет сейчас власти на то, чтобы обыскивать дома всех кёльнцев подряд, – вздохнул Курт в ответ, привалившись к стене коридора и глядя под ноги удрученно. – *De jure* к тому нет веских причин.

– Вот как? А что нужно, чтобы такие причины возникли?

– Еще одно убийство, – приподняв голову, усмехнулся Курт болезненно, тут же сбросив с губ это вялое подобие улыбки. – И – показания кого-либо, кто видел нашу Далилу, идущей в обнимку с кем-то из горожан. Или входящей в чье-то жилище.

– Как сказал бы майстер Ланц, лет тридцать назад никого и спрашивать бы не стали, перетряхнули бы каждый дом. Начинаю менять свое мнение о ваших методах; без них, кажется, и работать-то невозможно вовсе...

– Осталась еще свалка, – словно не слыша его, задумчиво произнес Курт, отстраненно глядя в одну точку. – Там ведь тоже есть люди...

– Не думай даже, – угрожающе осадил его Бруно, ощутительно нападая кулаком в плечо. – Если уж твоих дружков из старых кварталов тут величают отбросами, то уж тех-то не знаю, как и назвать; они даже не посмотрят, что это за железяка у тебя на шее болтается – оторвут вместе с этой самой шеей, и потом ищи, кто это сделал...

– Бюргермайстер говорил, что у кое-кого из «моих дружков» есть знакомые и даже приятели из тех, со свалки. Они когда-то тоже обретались в самом Кёльне, но попались на чем-либо и находятся в розыске по различным обвинениям; я попытался завести о них разговор с держателем «Кревинкеля», но...

– Он тебя послал, – договорил за него Бруно. – Подальше свалки. Так?

Курт pokrивился, потирая ноющий лоб ладонью, и переменил позу, прислонясь к стене другим плечом.

– Не совсем. «Да, поговорю с ними» он, безусловно, не ответил, однако и «нет» я от него также не услышал; когда я уходил, он бросил нечто вроде «всегда рады, заглядывай еще» – быть может, что-то наклонится хоть здесь...

– Голова? – оборвал помощник, кивнув на его ладонь, притиснувшуюся ко лбу; Курт вздохнул:

– Да. Голова. То самое, что к делу не подошьешь и о чем на докладе у старика не скажешь. Что-то есть, чего никто не видит. Какую-то деталь мы упустили, и я никак не могу понять, какую именно...

– Не по себе мне становится, когда ты начинаешь вот такие вот речи, – покривился Бруно опасливо. – Если голова начинает болеть у тебя – это, как правило, оборачивается головной болью для всех окружающих.

– Я пытаюсь пересмотреть все события заново, – продолжал он тихо, морщась от того, как каждый звук произносимых им слов отдается в мозгу, словно крик в недрах каменного колодца. – Пытаюсь понять, что могло ускользнуть от нашего внимания... И все равно ничего не вижу. Похищение; ясно, что девочку держали где-то в городе, но мы не знаем, где. Не знаем, кто. Далее – подготовка подставы; ясно, что была некая женщина, но мы не знаем, куда она сгинула и с кем была связана. Убийство; ясно, что некто постарался представить все так, будто виновен Финк, но мы не знаем, за что была убита Кристина Шток на самом деле – даже не подозреваем.

– Или почему, – добавил Бруно, и Курт вскинул к помощнику вопросительный взгляд из-под сдвинутых бровей.

– Не вполне понимаю, что ты хочешь сказать, – произнес он растерянно; подопечный передернул плечами, нерешительно пояснив:

– Ну, я, конечно, не следователь, но... Если принять твою версию о том, что она – ненужный свидетель, то к чему все эти сложности? Тащить ее на свалку, изображать насилие, да и твоего приятеля, который едва шевелил ногами – его ведь тоже надо было довести до того места. Чтобы стража на воротах увидела его вместе с будущей жертвой? Это, конечно, может быть, но свидетеля вполне можно убрать и проще, и труп вывезти из города можно легко, и – в Райн его. Пропала девочка – и пропала; магистрат побушует и угомонится, ничего не найдя.

– Все это я понимаю и сам, – нетерпеливо кивнул Курт, – минуту назад то же самое при тебе было высказано в комнате Керна. К чему все это ты?

– Я в вашей академии, конечно, не учился, хотя в архив Друденхауса по совету Ланца заглянул; если я сейчас скажу глупость...

– Бруно, короче.

– Словом, я вот о чем, – решительно выдохнул Бруно, отведя взгляд и несколько даже, кажется, смутившись. – Не похоже ли это на... как там у вас это называется... *шабаш* или что-то такое? Все по писаному: и девственница, и непотребства плотского плана, и убийство – с особой жестокостью.

Мгновение Курт смотрел на своего подопечного безвыразительно, словно увидя его внезапно, явившегося прямо из воздуха, а потом прыснул, покривившись от молнией прострелившей голову боли.

– Чего ржешь-то? – с озлоблением повысил голос Бруно. – Для этого, насколько я знаю, кроме желания, нужны только нож поострей и место побезлюдней; и то, и другое в наличии. Почему нет-то?

– Шабаш... – повторил Курт сквозь болезненный смех. – Господи...

– Ну, пусть обряд, ритуал, *caerimonia, ritus*³⁹ – не один ли черт? Или для этого непременно необходимо летать на отдаленную гору с козлом на вершине?

– Извини, – наконец, славив с собою, примирительно произнес Курт, поджимая расплывающиеся в улыбке губы; Бруно насупился:

– Ну, не силен в ваших словесах, *termini speciales*⁴⁰ не постигал. Просто скажи – чем моя мысль не заслужила твоего высочайшего внимания?

³⁹ Церемония, ритуал (лат.).

⁴⁰ Специальные термины (лат.).

– Тем, что... – начал он бойко и осекся, умолкнув; помощник перехватил его взгляд, вопросительно заглянув в глаза, и уточнил:

– Да, ваше инквизиторство?

– Хм... – уже без улыбки пробормотал Курт тихо, уставясь в стену напротив, и пожал плечами. – Тоже версия, конечно...

– Я не понимаю, магистрат переселился, что ли? – чуть ободрившись его задумчивостью, продолжил Бруно. – Здесь ведь Друденхаус; так? Вы ж ересь должны выискивать в каждом чихе и ведьминские происки видеть в каждой невовремя упавшей градине, а вместо этого...

– Но-но, – одернул Курт, – не зарывайся. Это, как я сказал, тоже версия, однако же, позволь заметить, на... как ты там сказал... *шабаших*?..

– Отвали, – огрызнулся тот недобро.

– На ритуалах, – кивнул Курт, снова позволив себе издевательскую ухмылку, – обычно все устраивается чинно и красиво. Вскрытое горло либо же вены, аккуратные разрезы; сердце, на худой конец, вырезанное или что-то еще – но все солидно и серьезно, без вульгарного мяса. Здесь же – поверь, я тело видел – попросту исполосованный труп.

– Так может, *труп* и полосовали. Вскрыли, как ты говоришь, аккуратно, призвали, кого им там надо было, – и порезали дальше. Чтоб соответствовало; они ведь убийцу-изувера нам подставили. Я в мастерстве майстера Райзе нисколько не сомневаюсь, однако даже его навыков, полагаю, не хватит на то, чтобы отличить удар, нанесенный при жизни, от того удара, что жертва получила через полминуты после момента смерти. Но, как я уже говорил, я не следователь.

– Тоже версия, – повторил Курт с расстановкой. – Ничем не хуже других... если учесть, что у нас их вовсе нет, ибо моя, как не ты один уже заметил, несколько грешит нестыковками.

– Но это все равно ничего не дает, – закончил за него подопечный. – Это ты хотел сказать?

– *Eheu*⁴¹, – вздохнул он, тяжело оттолкнувшись от стены, и встряхнул головой, точно надеясь, что боль слетит, будто неплотно сидящий стальной обруч. – Картина прежняя в любом случае: тело, убийство и полное отсутствие хоть какой-то ниточки. Тупик.

– А интересовался ты у своего приятеля, не насолил ли он кому из горожан в особенности? Быть может, девочка тут и вовсе ни при чем, и все это – единственно для того, чтобы напакостить этому Финку?

– Самый умный, да? – с невеселой усмешкой отозвался Курт. – Разумеется, я осведомлялся об этом. Нет, за последние полгода он ни одного относительно влиятельного кельнца не тронул; ни на улицах, ни в лавках, ни в домах, да и ранее тоже: люди такого размаха, способные на столь запутанные и сложные действия – это не полета Финка птицы. Кроме того, уж больно накручено все это для заурадной мести за грабеж или кражу.

– Но этот человек ведь не только в «грабежах или кражах» замешан, – осторожно заметил Бруно, и он кивнул:

– Это верно. Однако последнее совершенное им убийство имело место давным-давно. Я, разумеется, отдаю себе отчет в том, что с мезтью за подобные дела можно тянуть и годы, но все же – не думаю, что его грешки имеют к делу хоть какое-то касательство, ибо, опять же, ни один более или менее занимающий *положение* горожанин на его ноже духа не испустил.

– А почему вы так ухватились за мысль, что все это учинили люди «с положением»? – пожал плечами помощник. – Девушка нанятая? Кто сказал, что ее наняли? Быть может, она дочь, сестра или тетя жертвы твоего Финка, и работала она не за деньги, а по собственному произволению. Чтобы сутки продержат у себя похищенную девчонку, опять же, никаких особенных средств не нужно – нужна только комната на замке или просто веревка покрепче да кляп; ее даже кормить не обязательно – за сутки, чай, не помрет. А тот факт, что этим таинственным

⁴¹ Увы (*лат.*).

«кому-то» известно, где находится... как его... «Кревинкель»?.. и кто там собирается, вообще может говорить не о том, что это богачи с большими связями, а вовсе даже о том, что (и это более логично) люди эти из кругов ниже некуда.

– Закидаю святомакарьевский ректорат запросами, – с чувством проговорил Курт. – Пускай определяют тебя на обучение.

– Это снова глум, или в моих словах есть логика?

– И немалая, – кивнул он уверенно. – Дитрих этим вечером приглашает нас с Густавом «на ужин»; полагаю, чтобы как следует накачаться от безысходности в нашей компании. Идем со мной, изложишь ему свои идеи.

– Благодарю, – покривился подопечный, отгородившись от него обеими ладонями. – Уволь. До поздней ночи смотреть на ваши смурые физиономии? Идею – дарю; излагай сам.

– Не нравится мне это... – пробормотал Курт так удрученно, что помощник нахмурился:

– Не по душе подарок?

Он не ответил – лишь указал за спину Бруно кивком головы, и помощник, проследив его взгляд, тоже недовольно сдвинул брови: по коридору от лестницы шагал страж Друденхауса, стоящий обыкновенно внизу, в приемной зале – шагал быстро, уверенно приближаясь, отчего становилось ясно, что направляется он именно сюда, к майстеру инквизитору второго ранга, для коего имеется некое сообщение – в свете происходящего в последние дни, навряд ли приятного свойства.

– Что случилось? – бросил Курт еще издали, приближаясь навстречу ему и не дожидаясь должного приветствия и обращения; страж остановился.

– Вас спрашивают, – пояснил он голосом недовольным и несколько, как показалось, смятенным, и пояснил в ответ на вопросительный взгляд майстера инквизитора: – Мальчик. Говорит – вы знаете, в чем дело.

– О, Господи, – простонал Курт, прижав пальцы к виску. – Его мне еще не хватало сегодня...

– Выставить? – с готовностью подхватился страж, и он вздохнул:

– Ни в коем случае. Сопроводи в часовню – я спущусь к нему.

* * *

Штефан сидел на последнем ряду скамей, в самом дальнем углу часовни, сжавшийся, поникший, и смотрел в пол, обернувшись на шаги резким рывком и порывисто поднявшись навстречу вошедшим. От брошенного на него взгляда Курт едва не поморщился и, пересиливая острое желание развернуться на месте и уйти, приблизился, пытаясь выглядеть уверенно и невозмутимо.

– Здравствуй снова, Штефан, – отозвался он на приветствие, произнесенное тихо и, как показалось, укоризненно; тот вздохнул.

– Вы не пришли к моим родителям, – тихо заметил мальчик, не глядя на своих собеседников, изучая плитку пола подле себя и теребя рукав. – Значит, майстер обер-инквизитор мне не поверил, да?

– Ты пришел, потому что *это* все еще продолжается? – оставив его слова без ответа, спросил Курт, не садясь, дабы ненужный и докучливый посетитель не последовал его примеру и разговор этот не вздумал затянуться; мальчишка кивнул.

– Да, майстер инквизитор. Только теперь все еще хуже – намного хуже.

Обреченный, безысходный вздох он удержал в себе с невероятным напряжением, обессиленно опустившись на скамью, и спохватился лишь тогда, когда Штефан уселся тоже, сложив на коленях руки и все так же не глядя ему в лицо.

– Я, в общем, зря пришел, – произнес парнишка тихо, – я понимаю; раз мне не верят – то чего понапрасну ходить-то, да?.. Только мне совсем плохо. Я, наверное, для того пришел, чтобы просто рассказать. Мне никто не верит, понимаете?

Курт промолчал.

Что он сейчас мог сказать в ответ? Что он и сам не особенно склонен почитать подобные рассказы за правду? Мог он сказать и то, что мальчик прав: сейчас он сидит здесь, в часовне Друденхауса, лишь потому, что над ним смеется духовник, от его жалоб морщится усталая от возни с младенцем мать и злится состоявшийся, уверенный в себе отец, а майстера инквизитора Гессе от прочих собеседников Штефана Мозера отличает тот факт, что он попросту обязан выслушать – и это, и все, что бы ни взбрело в голову рассказать хоть сыну одного из самых преуспевающих людей города, хоть нищему, что побирается на улицах Кёльна. Даже когда голова забита другим, бесспорно важным, и посетитель в этот день нужен, как рыбе ноги...

– Знаете, у меня есть друг, – продолжил Штефан, так и не дождавшись на свои слова никакого отклика. – Франц. Я рассказал ему, что творится в моей комнате по ночам... Это мой лучший друг, но я все равно думал, что он будет надо мной смеяться. А он не смеялся. Он на меня так посмотрел... Он ничего не сказал, только я думаю, у него происходит то же самое, просто он не хочет об этом говорить, и он, может быть, подумал, что я его... как это... провоцирую. Я на него давить не стал, я думаю, что он скоро сам расскажет. И если он расскажет – может быть, тогда майстер обер-инквизитор поверит? – с надеждой спросил мальчишка, подняв, наконец, взгляд к своим собеседникам. – У двоих сразу ведь одинаковые кошмары быть не могут, да?

– Все дело в том... – вздохнул Курт, тщательно подбирая слова, – дело в том, Штефан, что – могут. Такие – могут. Понимаешь, это как боязнь темных углов или подвалов, такие страхи одинаковы у всех людей.

– Потому что все знают, что там *может* что-то быть, – чуть слышно, но уверенно, с непреклонной убежденностью пояснил мальчик, и Курт едва не покривился болезненно, услышав собственные слова из уст этого ребенка. – Потому что мы все знаем, что там *должно* что-то быть, в темноте, только мы не всегда это видим, или оно *пока* спит.

Взгляд подопечного, перехваченный мимоходом, был напряженным и острым; чуть придвинувшись ближе, Бруно попытался изобразить на лице нечто похожее на доброжелательность, от каковой не слишком удачной попытки стало мерзко даже майстеру инквизитору.

– В чем-то ты, быть может, и прав, – согласился помощник мягко, – однако ведь, Штефан, не забывай и еще кое-что: чем старше мы становимся, тем больше у нас развивается воображение. Тем больше всяких страшных рассказов мы слышим вокруг...

– Или просто понимать начинаем больше.

От того, как снова по-взрослому заговорил сегодня Мозер-младший, от этого выражения полной серьезности и неподдельного страха в его лице Курт снова ощутил неприятное, раздражающее желание наплевать на мнение начальства и старших сослуживцев, достать так и не начатое дело из архива и все-таки поставить на том единственном листе пометку «утверждено к расследованию»...

– Понимаешь, – вновь попытался возразить Бруно, – никто здесь не полагает, что ты говоришь неправду. Во лжи тебя не обвиняют. Но...

– Но вы думаете, что мне все это чудится, – довершил за него Штефан с кривой, тоже совершенно не детской усмешкой. – Что я наслушался... всяческих историй, и оттого боюсь темного шкафа. Но теперь дело не лишь в темном шкафу, все еще хуже, я ведь и пришел потому.

– О, Боже ты мой... – все-таки не сдержал тяжелого вздыхания Курт, прикрыв на мгновение глаза и ощутив вдруг сейчас, в середине не особенно заполненного делами дня, невозможную, сонную усталость. – Рассказывай, Штефан. Что еще стряслось?

– Я слышу оттуда голос, – тихо отозвался мальчик, вновь уведя взгляд в сторону, и, снова не дождавшись на свои слова никакого ответа, продолжил: – Я слышу Кристину.

– Постой, – перебил его Курт совершенно уже неучтиво, резко. – Какую еще Кристину?

– Кристину Шток, – раздраженно пояснил тот, – которую нашли мертвой шестого, в среду! Я ее слышу оттуда, она говорит со мной, ясно?

– Спокойно, – осадил Бруно – ладонь его стиснула локоть мальчика, но смотрел он при этом на своего попечителя, смотрел укоризненно и почти строго. – Спокойно, – повторил он настойчиво. – Спокойно и по порядку.

– Как тут можно спокойно?! – возразил Штефан сорванно, растеряв остатки своего не детского самообладания. – Какой порядок, если со мной из моего шкафа говорит мертвая девочка! Это *не* порядок!

– Ты с ней знаком? – оборвал его Курт, поправившись: – Был знаком?

– Ну, был. Не водился – сами понимаете, девочка, – сумев, наконец, чуть унять голос, ответил тот понуро. – Родители между собою общались, а я знал ее просто в лицо да как звать... Если вы это к тому, что я в нее втрескался, и теперь она с горя повсюду мне мерещится – это вы зря, ясно? В гробу я ее видел!

– Успокойся, – повторил Бруно, и парнишка осекся, отвернув взгляд еще больше в сторону, в самый дальний угол часовни. – Этого никто и не думал. Ты сказал, что... гм... слышал голос – ее голос, поэтому надо было узнать, насколько ты с нею знаком. То есть, достаточно ли для того, чтобы не спутать ее голос с любым другим.

– А какая разница, если вы все равно в это не верите?

– Ты рассказывал об этом кому-нибудь? – вновь оставив без ответа его вопрос, осведомился Курт; мальчишка передернул плечами:

– Да, Францу...

– Из взрослых.

– Нет, – твердо отозвался Штефан, на миг вскинув взгляд и снова отведя глаза. – Больше я им не рассказываю ничего – никому, ни родителям, ни духовнику. Если они смеялись или злились, когда я говорил о том, что бывало раньше, то теперь-то что будет? А кроме того, есть еще одна вещь... Я кое-что узнал, и от этого у меня просто мурашки по спине.

– Какая вещь? – невольно скосившись в узкий витраж, на солнце, без особенного интереса спросил Курт, и мальчик неловко кашлянул, явно осознавая, как дико для сторонних слушателей звучит все, что он рассказывает сейчас.

– Еще я узнал, что родители всего этого не слышат, – сообщил он, наконец. – Когда начинается вот это, голос из шкафа. В первый раз это случилось ночью, и я тогда опять не спал до утра, даже не ложился – всю ночь просидел на постели. Когда я жаловался, что дверца шкафа открывается, отец сказал, что просто криво сколочено или рассохлось, и прибил туда крючок; так вот теперь я все время запираю шкаф на этот крючок, а потом еще придвигаю к дверце стул. Без этого не ложусь... Вот в ту ночь я так и сидел – шкаф заперт, стул у дверцы, и я не спал. И это было – голос оттуда, понимаете?

– И что она говорила?

– «Не глупи, Штефан, открой дверь и иди к нам».

– «К нам», – повторил Курт, сам не сумев понять, чего в его голосе было больше – скепсиса или растерянности. – К кому?

– Да почему я знаю?! – снова повысил голос парнишка и притих, встретив хмурый взгляд мастера инквизитора. – Так я слышал. Так вот, второй раз это случилось даже не ночью, а вечером, когда только начало темнеть. Мама зашла ко мне вчера – пожелать доброй ночи и

прочее; ну, знаете... И она стояла у самого шкафа, когда я это опять услышал. *Она* сказала – «Да, Штефан, доброй ночи» с таким... хихиканьем... – узкие плечи мальчишки передернулись, словно ему вдруг стало холодно. – И я тогда подумал – вот сейчас-то мне и поверят!.. Только ничего мама не услышала, понимаете? Я слышал, а она нет. Поэтому сегодня я опять пришел в Друденхаус, потому что больше просто не знаю, что делать.

Я тоже, едва не ответил Курт, ощущая, как усталость переходит в невыносимую, унылую тоску; невольно взгляд скопился на дверь часовни в безнадежном уповании, что одному из его не особенно благочестивых сослуживцев зачем-либо взбредет в голову показаться здесь в будний день, и тогда, быть может, удастся свалить мальчишку на того, у кого достанет равнодушия и выдержки попросту послать его подальше...

– Что мне делать? – спросил Штефан уже прямо, глядя теперь в лицо собеседнику – открыто, требовательно; Курт вздохнул.

– Идти домой, – ответил он, сам теперь отводя глаза в угол и чувствуя на себе грустный, утомленный взгляд. – Успокоиться. Я... – от того, что фальшь и банальность произносимого были очевидны, несомненны, на душе стало мерзостно. – Я посмотрю, что тут можно сделать.

– Понятно... – шепотом протянул Штефан Мозер и, помедлив, рывком поднялся. – Я, в общем, ни на что такое не надеялся. Спасибо, что вы меня опять слушали, майстер инквизитор, и доброго вам дня.

На прощание мальчика никто не ответил и не сказал ему, уходящему, вслед ни слова.

Глава 6

На сей раз Ланц выслушал его унылый рассказ о неотвязном посетителе с большим тщанием и внимательностью, подытожив решительно и убежденно: «У парня явная беда с головой, и посему идея поговорить с его родителями не столь уж плоха. Нынче же вечером зайду к ним. Пускай присмотрятся к своему отпрыску».

Курт не возразил – ни утверждению старшего сослуживца, ни его решению; аргументов против подобных подозрений у него не было, да и, говоря по чести, его самого подозрения эти посетили не раз. Что же до беседы с Мозером-старшим, то и здесь он вполне отдавал себе отчет, что говорить лучше именно Ланцу, живущему в этом городе давно и вот уж более двадцати лет пребывающему на своей должности. Однако же спалось ему этой ночью скверно, и душу не покидало ощущение совершённого похода предательства.

Утро наступило внезапно, явившись в комнату вместе с все тем же Ланцем – бледным, как никогда собранным и похожим на родича у гроба покойного.

– Подъем, – пояснил он, когда Курт, проснувшись от несильного, но настойчивого пинка коленом, дернулся в сторону, уставясь на сослуживца непонимающе. – Одевайся, жду тебя внизу.

– В чем дело? – пытаясь собрать вялые мысли воедино, пробормотал он хрипло со сна, усевшись. – Нашли девчонку?

– Нет, – коротко и хмуро откликнулся тот. – Мальчишку. Подымайся.

Зарождающиеся утренние заморозки подернули тонкой, еще не ледяной, но уже стылой коркой загустевшую кровь вокруг, укрыв такой же мерзлой пеленой широко распахнутые глаза мальчика лет десяти с некогда светлыми, а теперь темно-бурыми короткими волосами. Тело лежало у городской стены на пустыре среди бугров окаменевшей октябрьской грязи, неестественно белое на фоне смерзшейся земли. Оцепление из стражей Друденхауса было готово в любой момент отшить всякого, кому взбредет в голову полюбопытствовать происходящим, однако в этот ранний час вокруг не было ни души.

– Вот ведь черт... – выронил Бруно едва слышно, когда до убитого осталось три-четыре шага, и застопорился, явно подавляя желание попятиться; Ланц подтолкнул его в спину:

– Иди, Хоффмайер, иди. Привыкай. Не на хорах служишь.

– Под ноги только смотри, – не оборачиваясь к вновь прибывшим, подал голос Райзе, сидящий у тела на корточках; голос у следователя и эскулапа Друденхауса был надтреснутый, как старый кувшин. – Не затопчите тут все.

– Брось, по такому заморозку в земле все равно ни единого следа не осталось... – возразил Курт тихо, приблизясь, однако, опасливо и неспешно. – То же самое, Густав? – уточнил он, понизив голос еще более, и тот вздохнул:

– Да, за исключением насилия. Раны те же; в этот раз изрезано меньше, как видишь, однако кое-что общее прослеживается. Даю заключение сразу: та же рука.

– Вот теперь точно вляпались, – так же тихо произнес Ланц, остановившись рядом. – Хальтер ума лишится.

– Опять отпрыск знатного горожанина?

– Хуже, абориген, – ответил тот тяжело и как-то сквозь губы, неведомо к чему оглядевшись по сторонам. – Много хуже. Это Йоганн Хальтер.

– *Id est...*

– Да, – угрюмо подтвердил Ланц, глядя на тело так, словно надеялся, что оно сейчас исчезнет, и все происходящее окажется попросту мороком, наведенным шутки ради неведомым волшебником. – Сын нашего бюргермайстера.

– Вот зараза... – пробормотал Курт тоскливо и едва не покривился от неуместно громкого голоса помощника на фоне их почти шепота:

– А будь это бездомный мальчишка – вы бы так не заботились, а?

– Дурак ты, Хоффмайер, и не лечишься. – Ланц говорил все так же едва слышно, без злости в голосе, устало складывая слова одно к другому. – Дело не в том, что видим в этом убийстве мы, а в том, что увидит в нем город. Хальтер будет биться головой об стену и свирепствовать, наплевав на все свои сделки с местными шайками, Кёльн впадет в панику, и сколько может быть самовольных «судов»... Приятелям нашего аборигена не позавидуешь, как и любому мало-мальски нелюбимому нашими добрыми прихожанами жителю города. Что-то искать, что-то расследовать в такой обстановке станет и вовсе невозможно... Чтобы сохранить хоть какое-то подобие порядка, Друденхаусу придется вывернуться через уши наизнанку.

– Как это могло случиться? – стараясь не видеть пристыженного лица своего подопечного, спросил Курт растерянно. – Тело, сколь хватает моих познаний, нашли утром, стало быть – убили его ночью, а это значит, что он пропал еще вчера. Как после случившегося с Кристиной Шток бюргермайстер не поднял всех на ноги? Почему вчерашним вечером была тишина, не понимаю.

– Вот и спросим у него – старик отослал к нему курьера с просьбой явиться в Друденхаус. – Райзе поднялся с корточек, продолжая глядеть на тело неотрывно, и вздохнул. – Ты прав, нашли утром – не так давно. Знаешь, кто и зачем использует этот пустырь?

– Да, местные студенты – когда хотят устроить мордобой без свидетелей.

– Вот один из таких... поединщиков и явился к нам сегодня. Причем – умные ребятки, надо им отдать должное – один кинулся к нам, а другой остался сторожить тело. Чтоб никто не обобрал, чтоб место не затоптали; как выяснилось – с юридического факультета оба...

– Где они сейчас?

– У нас, где ж еще, – пожал плечами сослуживец. – Дабы не разболтали лишнего прежде времени, да и чтоб, одумавшись, не упрятались куда от глаз наших подале. Пока город не проснулся совершенно, тело перевезем в Друденхаус, а отсутствия пары студентов на лекциях никто не заметит – впервой, что ли... Ни к чему раньше должного подымать волнение, которое все одно наступит...

– Повозка скоро будет, – отозвался Ланц все так же хмуро, косясь на Бруно – тот стоял в стороне, прижав ладонь к губам, и на маленькое бледное тельце старался не смотреть. – Что сейчас сказать можешь, кроме того, что убийца тот же?

Райзе вздохнул, вновь присев на корточки, и повел рукой над кровавыми пятнами, очерчивая их контур в воздухе:

– Вот это видите? Больно крови мало для таких ран; понимаете, к чему я это?

– Его убили в другом месте? – предположил Курт, подступив ближе. – И вынесли сюда уже после?

– Голову ставлю, – подтвердил тот. – Выбросили ночью – у него изморозь на ресницах, да и мышцы закаменели более, чем обыкновенно это бывает. Заморозки сейчас еще хилые, посему вот так он пролежать должен был не менее часов трех, а то и того больше... Не вороти взгляд, Хоффмайер, смотри. Учись.

– Это не моя работа, – глухо отозвался тот, и Райзе невесело усмехнулся:

– Не зарекайся. Смотри, смотри. Злее будешь.

Курт не сказал ни слова – ни подопечному, ни сослуживцу, тоже присев на корточки у растерзанного тела. Злости он не ощущал – скорее раздражение, и, вопреки логике, не на неведомого убийцу, а на себя самого, ибо одним из чувств, пробивающихся сквозь все прочие, было чувство непозволительное, мерзостное: чувство почти удовлетворения. Нити, пускай призрачные и нечеткие, ведущие от первого преступления к преступнику, оборвались или

спутались, и ни единой мысли пробудить не могли, новое же убийство давало слабую, но все же надежду на то, что какой-то след появится, быть может, хотя бы сейчас.

Пристальный взгляд Ланца он ощутил затылком – так явственно, словно взгляд этот был ножом, прижавшимся к коже вплотную, острым и ледяным, будто старший сослуживец увидел его мысли...

– Рука та же... – повторил Курт, не отводя взгляда от серо-бурых сломов тонких ребер, смотрящих на него из ран. – А оружие?

– Боюсь, и оружие тоже.

– Почему «боюсь»? – снова вмешался Бруно, по-прежнему держась поодаль; Райзе вздохнул:

– А ты сам пораскинь умом, помощник следователя. Если в обоих случаях оружие одно и то же, один и тот же убийца – стало быть, нож, с которым светские взяли нашего арестованного, здесь и вовсе не у дел. И вот тогда придется задуматься над вопросом – а к чему было его подбрасывать?

– К чему подстава, – медленно произнес Бруно, – если и оружие, и почерк все равно всплывут при следующем убийстве...

– Вот именно, – коротко кивнул Райзе, поднявшись и механически отерев о штанины совершенно чистые руки. – Единственное, что сейчас можно утверждать с полнейшей убежденностью, так это то, что приятель нашего академика тут ни при чем. *Probatio summa*⁴². Убийное, я б сказал...

* * *

Финк, когда он приблизился к камере, вскочил, метнувшись к решетке рывком, вцепившись в прутья, и замер, ничего не говоря, лишь глядя выжидательно, с отчаянной надеждой.

– Бумаги о твоём освобождении подписаны, – сообщил Курт негромко, забрав у стража ключ и отогнав его прочь кивком, и вскинул руку, оборвав не успевшие еще вымолвиться слова: – Не меня благодари – убийцу.

Ошалелое, радостное облегчение в глазах бывшего приятеля не исчезло, однако словно бы потускнело, затмившись мрачностью.

– Еще кого-то зарезали? – предположил он почти без вопроса в голосе, и Курт кивнул, распахивая дверцу решетки:

– Выходи... Да. Еще кого-то. А если точнее – Хальтера-младшего.

– Вот тварь... – процедил Финк сквозь зубы и, перехватив его взгляд, нахмурился, отступив: – Что ты так на меня вылупился, Бекер? Ты ведь не думаешь, что это мои парни порешили мальчишку, чтобы с меня снять подозрения?

– Нет, я так не думаю – по многим причинам; однако у меня есть к тебе разговор, серьезный разговор, перед тем, как ты уйдешь из Друденхауса.

– Вербовать будешь? – мрачно уточнил тот, и Курт вздохнул, подтолкнув его в спину к двери:

– Хуже, Финк. Я должен сказать тебе кое-что, – пояснил он, когда из-за поворота коридора их уже не мог слышать страж у камер, – и, будь так любезен, выслушай меня спокойно, без возмущенных криков и сквернословия. Это – понятно?

Финк скосил в его сторону взгляд, уже далекий от радостного и благодарного, полный теперь подозрительности и напряжения, но не произнес ни слова; Курт кивнул:

– Хорошо. Подробностей рассказывать не стану – не имею права, однако изложу кое-какие свои выводы, дабы ты уяснил, что я серьезен и не вываливаю тебе первое, что взбрело

⁴² Высшее доказательство (лат.).

мне в голову... Итак, Финк, главное: можешь считать доказанным, что подставить хотели именно тебя. Не кого угодно, лишь чтобы скрыть подлинного убийцу, а тебя и только тебя.

– И какая тому причина? – хмуро уточнил тот, и Курт ткнул себя пальцем в грудь:

– Я. Многие в этом деле говорят о том, что кто-то хотел привлечь мое внимание. Кто-то знал, что ты знаешь меня, что обратишься ко мне за помощью, если окажешься в таком положении. Главное – что я эту помощь окажу; это, стало быть, кто-то, кто располагал сведениями о нашем прошлом знакомстве и – о том, что это знакомство недавно было восстановлено. Проще говоря, Финк, ты в этом деле стал попросту разменной монетой.

Бывший приятель слушал, все более мрачняя, глядя в пол у своих ног; наконец, подняв взгляд тяжело, точно наполненный свинцом котел, переспросил – тихо, почти не разжимая губ:

– И девчонку зарезали потому?

– Этого я пока не знаю, – качнул головой Курт. – И для тебя главное не это. Подумай сам: кто-то знал о нашей старой дружбе, кто-то знал, что мы снова встретились, причем встреча эта закончилась восстановлением отношений... ну, скажем так – не враждебных. Кто-то, кто знает, где проходят ваши сборища, кто знает, что там бываешь ты – что бываешь часто, иначе не стали бы подкарауливать тебя именно там. Что из этого следует?

– Хочешь сказать, меня сдал кто-то свой? – уточнил Финк уже вовсе свирепо. – Что из моих парней, так?

– У тебя есть иные предположения? – вздохнул Курт почти с непритворным состраданием, и тот кивнул так резко, что было слышно в каменной тишине коридора, как что-то хрустнуло в затылке:

– Да, Бекер. Есть. Хочешь, скажу?

– Хочу. Мне сейчас не помешает любой совет и любая версия. Излагай.

– Излагаю... версию. – Финк был почти злораден, и в голосе его звучал неприкрытый гнев. – Вот тебе «иные предположения»: о том, кем ты был, о том, кто я, не только мои парни знают. Твое начальство ведь тоже, а? Ты ведь писал донос, или как это звать... когда получал информацию от меня этим летом, а?

– Отчет, – возразил Курт тихо, и приятель яростно отмахнулся:

– Похеру. Ведь писал, от кого, почему я помогать кинулся, что и как, а? Чего молчишь, Бекер? Ведь твои главные тоже все это знают. Или, по-твоему, среди головорезов могут быть предатели, а среди святых и непорочных инквизиторов все сплошь преданные служители и псы верные?

– Разумеется, в беседе с ним я этой темы раскручивать не стал, однако... – Курт обвел взглядом безмолвных слушателей расположившихся в рабочей комнате Керна, и в ответ прозвучали скорбные вздохи; он кивнул: – Да. Вот и я подумал о том же.

– Не сочтите, что я снова злословлю великую и ужасную Инквизицию, – тихо заметил Бруно, – однако смею напомнить, что при предшествующем дознании выяснились неприятные детали, касающиеся чистоплотности представителей вашего попечительского отдела. А говоря простыми словами – один из тех, кто должен следить за вашей честностью, продался с потрохами. И, как я понял, до сих пор не выяснено, кто именно, так?

– Какой ты временами осведомленный и умный, аж противно, – покривился Райзе, и Курт усмехнулся:

– Это верно. Следует признать, что две самые дельные мысли в этом расследовании принадлежат не инквизиторским мозгам.

– А в этом следствии высказывались дельные мысли? – хмыкнул Ланц. – Наверное, я совсем отупел, ибо что-то не припомню.

– Помолчи, – оборвал его Керн тихо. – Объяснись, Гессе.

– Объясняю, – кивнул он. – Первая мысль пришла от нашего невольника. Он задал вопрос: «зачем убили Кристину Шток». Не «за что», а именно «зачем». Если подумать так, то далее следует: зачем был подставлен Финк, если следующее убийство развеивает все это в прах?

– И зачем?

– Кто-то хотел привлечь внимание Друденхауса к этому делу. Убийство было совершено именно так, подставлен был именно он для того, чтобы в дело ввязался я. Да, улики, подтверждающие невиновность Финка, были не явны – не явны для светских. Но если расследованием займется Друденхаус, это будет означать, что мы...

– Ты.

– Хорошо – я. Что я осмотрю место преступления подробнее, что обращу внимание на несоответствие обликов девицы, виденной с Финком, и той, что убита, что я обращу внимание на слова самого арестованного, в конце концов. Кто-то хотел, чтобы Друденхаус вмешался в дело и – доказал непричастность предполагаемого убийцы.

– Довольно сложно, – заметил Керн, поморщившись, точно от боли. – Много допущений. Не заметь ты этого ножа в куче мусора, не прими тебя твои приятели в «Кревинкеле», не приди в голову Вернеру Хаупту призвать тебя на помощь, наконец...

– Ведь приманивают Инквизицию, Вальтер, а не провинциального дознавателя от местного деревенского старосты. Все и должно быть сложно.

– Приманивают? Для чего? К чему все это? Что им... кто бы они ни были... от нас нужно?

– Не знаю.

– Предположения? – мрачно уточнил обер-инквизитор; Курт вздохнул:

– Да. Предположения есть. При моем первом деле внимание следователя Конгрегации было привлечено для того, чтобы в ходе расследования и сам следователь, и Конгрегация вообще были опорочены, и лишь чудом удалось свести все к небольшому скандалу и слухам, а не громкому суду государственной значимости.

– Не скромничай. «Чудом»...

– Не это важно, – отмахнулся Курт раздраженно. – Важно иное. Думаю, я не выдам ничего тайного, ибо каждый из нас знает, пусть это и не принято произносить вслух, что против Конгрегации началась война. И каждый знает, кем она начата.

– Интересно, – с невеселой издевкой осведомился Бруно, – а насколько легальной станет германская Инквизиция, если у Папы хватит наглости попросту в открытую отлучить ее и признать еретической?

– Вот посиди и поразмышляй над этим, – недовольно посоветовал Ланц, – может, тогда хоть минуту помолчишь.

– Итак, – продолжил Курт нетерпеливо, – в свете всего этого могу предположить, что и сейчас происходит то же самое. Вторая дельная мысль, высказанная теперь уже Финком – мысль о том, что именно стоящие надо мною знают не просто о том, кто я и кто он, но и о том, что мы снова в приятельственных отношениях. Складывается все сказанное мной в следующую картину: используя Финка используя меня, некто снова пытается скомпрометировать Конгрегацию. Заметьте, кто убит: дочь одного из самых преуспевающих дельцов Кёльна и сын бюргермайстера. Кроме того, что торговая жизнь на некоторое время нарушена (какая тут торговля, когда на твоём собственном льду лежит твой ребенок?), что Хальтер теперь потеряет голову, и делами города заниматься прекратит вовсе... это – помимо того, что придется приложить немалые усилия к тому, чтоб не позволить ему наломать дров... Так вот, кроме всего этого – у нас нет ничего, нет улик, нет нитей, нет следов, ведущих к истинному убийце. Иными словами, мы взвалили на себя расследование, которое не сможем завершить, вырвав при этом из рук светских единственного, на ком можно было бы хотя бы сорвать зло. Со стороны это

выглядит так: мы вмешались в дело, и – город беднеет, порядка нет, *in optimo*⁴³ – город разваливается, и виноваты в этом мы. И придется вновь исправить меня: не «мы», а «я». Если бы меня здесь не было, этот план не удался бы.

– *Absiste*⁴⁴, – вновь покривил сухие губы Керн. – Если ты прав, если все и впрямь обстоит так – они все равно нашли бы способ подставить Друденхаус, не так – то иначе.

– *Если я прав*, – повторил Курт с нажимом. – Это лишь версия.

– Похожая на правду, Гессе, вот что настораживает.

– Признаюсь, мне было б много легче, – вздохнул Курт тоскливо, – если б вы снова на меня наорали и разнесли б мою гипотезу в пыль. Если б выдвинули свою – пусть и абсолютно бредовую, по моему мнению, если б Дитрих или Густав возразили мне и указали на явные или мнимые ошибки и нестыковки... если б Бруно опять начал глумиться и спорить...

– Да на тебя не угодишь, – устало улыбнулся Керн. – В чем дело? Ты действительно сомневаешься в собственных словах, или же тебе попросту не хочется, чтобы они оказались правдой, и ты изыскиваешь любые тому доказательства?

– Почему не убить самого Штока? – спросил Курт тихо, и обер-инквизитор согнал с лица улыбку. – Так ввергнуть экономику Кёльна пусть во временный, но *stupor*⁴⁵, было бы проще. Почему не заварить кашу посерьезнее – не прикончить бюргермайстера? Всем известно, как он благосклонен к Друденхаусу. Да, есть надежда, что, лишившись сына и не дождавшись от нас результата в расследовании, он несколько к нам охладет... однако же не проще ли было бы убрать его? Тогда было бы все – и шумиха, и избавление нас от столь полезного союзника, и ропот среди горожан.

– Убиты дети, – возразил Ланц убежденно. – И не просто зарезаны или удушены, абориген; дети убиты с такой жестокостью, каковая и в убийствах взрослых не часто замечена. Полагаешь, не повод роптать на наше бессилие?

– Почему именно дети, не их родители?

– Потому что нераскрытое дело с убитыми *детьми* подорвет нашу репутацию, может быть, сильнее, нежели порушенная по нашей вине экономика всей Германии, вместе взятой. Причем во всех, как это принято выражаться в официальных отчетах, «слоях населения»; ведь, как я понял, даже твой приятель-головорез не остался вполне безучастен к происходящему?

– Вот теперь, Вальтер, я чувствую себя лучше: со мною спорят.

– Не согласен? – вскинул брови обер-инквизитор, и Курт пожал плечами:

– Мне нечего возразить – вот что главное. Но думать об этом буду.

– Так или иначе, версия выглядит весьма правдоподобной, – вмешался Райзе уверенно. – И если мы решим развивать именно ее, следует подумать о том, как и от кого информация о связи академика с ворьем Кёльна просочилась к *ним*, кто бы они ни были.

– Если принять вашу версию... – Бруно встретил направленные на него недовольные взгляды стоически, вскинув голову и распрямившись, и продолжил уже тверже: – Всего лишь хотел заметить, что это – *formula falsa*⁴⁶. Если принять вашу версию, никуда она не просачивалась – просто обладающий этой информацией сам и является участником этих преступлений.

– Как ни назови, – раздраженно кивнул Райзе, – это дела не меняет. Смысл остается прежним: необходимо отыскать обладающего этими сведениями и...

– И все равно, – оборвал его Курт, – остается тот, кто связан со старыми кварталами напрямую, кому известны подробности их жизни, кто знает, где собираются подобные Финку личности и, главное, – где с надежностью можно найти его самого. Наши подозрения не отме-

⁴³ В идеале (*лат.*).

⁴⁴ Перестань, брось (*лат.*).

⁴⁵ Шок, ступор (*лат.*).

⁴⁶ Неверная формулировка (*лат.*).

няют того факта, что в этом деле все же замешан некто из кёльнского дна. Если еще можно поспорить о том, в самом ли деле имеется в этом случае факт предательства со стороны Конгрегации, то участие близкого к Финку человека сомнению не подлежит.

– Да брось, – поморщился Бруно почти брезгливо, пренебрежительно фыркнув, точно кот, окунувший морду в корзину с пухом. – Такие ли уж тайны?

– Такие, – возразил Курт уверенно. – Даже – прошу прощения, что в третьем лице – Вальтер не знал о самом существовании «Кревинкеля», не говоря уже о названии или о том, кого там возможно увидеть. И если моя версия верна, то нам следует призадуматься над тем, что Конгрегация до сей поры не имеет в своих союзниках агентов среди преступных низов, в то время как у наших противников они есть. Что удручает.

– Собственно говоря, – вновь заговорил Бруно нерешительно, – наличие малефиков всех мастей в этом... сообществе есть факт; лишь припомнить, сколько рассказано было путешественниками купцами и охраной обозов о том, как их ограбили с применением странных методов, или же обычными горожанами о том, как к ним подходили спросить дорогу – и после они обнаруживали себя на окраине города с пустой головой и кошельком... Не думаю, что каждый из этих рассказов выдуман.

– Не выдуман, ты прав, – согласился Курт, – эти ребята быстро сообразили, как поправлять свои дела. Однако обыкновенные преступники и наши подозреваемые – они разного поля ягоды. Размах разный. Соответственно, разные и сферы общения; говоря проще, они редко пересекаются. Для чего этим парням лишние проблемы и увязания в государственных заговорах с риском подставиться? Им и без того неплохо живется. Кроме того, в Кёльне подобного не замечалось уже давно – десяток лет назад проведенная чистка и *этих* тоже зацепила, походя. Здесь просто: это типичный агент – купленный, запуганный и прочее – среди знакомых Финка и предатель в попечительской службе.

– Следует запросить список – поименно всех тех, кому ведомы подробности прошлого дознания, – вздохнул Керн обреченно. – Обращусь напрямую к старине Рихарду, безо всяких официальных бумажек и лишних свидетелей; пускай отпишет мне обо всем, что знает попечительский отдел.

– *Corruptio*⁴⁷, – передернул плечами Бруно. – Я всегда знал, что на ней мир держится...

– Да заткнись ты, ради Христа! – в один голос оборвали его Ланц и Райзе; подопечный снова фыркнул, отвернувшись к окну, и Курт с усмешкой качнул головой:

– Нет, Бруно, коррупция – это у тех, кто против нас, а у нас – «применение нестандартных методик дознания»... Стало быть, так, Вальтер, – подытожил он столь решительно и твердо, что на миг почудилось, будто Керн вот-вот вытянется в струнку, поднявшись из-за своего стола. – Вы свяжетесь с главой попечительского отделения, в самом деле, тайно и без шума, я же напишу собственный запрос – в академию. Насколько мне известно, столь подробной информацией о моих связях обладают лишь двое из святого Макария, и обоим я верю, как себе самому, если не более, однако, когда эта самая информация существует в письменном виде, то она уже перестает быть секретной... Если на мой запрос отец Бенедикт ответит «да, существует», то шерстить надо будет тех, кто имеет к этим записям доступ. Кстати сказать, Вальтер, не объясняйте своему приятелю, в чем дело, не вдавайтесь в подробности – просто попросите его перечислить все то, что им известно; особенно уточните – «всё». Если майстер Мюллер не понапрасну занимает место главы кураторской службы, он вас поймет.

– Слушаюсь, – усмехнулся обер-инквизитор, и Курт смешался, неловко кашлянув и опустив голову.

– Прошу прощения... – пробормотал он смущенно, – увлекся...

⁴⁷ Растрата (лат.).

– Давай, давай, – отмахнулся Керн, глядя на подчиненного, словно на новый витраж в часовне Друденхауса, внезапно появившийся на месте старого неведомо откуда. – Дерзай.

– Да... – все еще с некоторым смятением кивнул он, едва не позабыв, что намеревался высказать еще. – Кроме того, полагаю...

– Уйди с дороги!

Голос, раздавшийся на пороге закрытой двери, прозвучал ожесточенно, упрямо и так громко, что Курт болезненно сморщился, тотчас и безошибочно поняв, что за посетитель отпихнул с пути стража Друденхауса, попытавшегося доложить о его приходе.

Бюргермайстер был зол, бледен и напряжен, и по тому, что в лице его не пребывало и тени печали, столь же бесспорно ясно было и то, что о последних событиях он еще ничего не знает.

– Что вы намерены скрыть от меня, майстер обер-инквизитор? – с порога требовал бюргермайстер, глядя на того гневно и взыскательно. – Судя по тому, как ваша охрана рвалась обогнать меня и явиться к вам прежде меня самого, вы опасаетесь моего появления; так к чему вы, в таком случае, звали меня в Друденхаус в эту рань?!

– Присядьте, майстер Хальтер.

От спокойного, тихого голоса Керна тот скривился, точно от удара под ребра, и отмахнулся, рубанув ладонью воздух:

– К черту, прости Господи! Мне некогда рассиживаться! Если у вас есть новости о деле, вы могли прислать их с курьером, а если хотите говорить о чем-либо другом – говорите скорее, мне надо быть дома сегодня – сейчас!

– Присядьте, – повторил Керн настойчиво, и бюргермайстер, будто очнувшись, встряхнул головой, отступив на шаг назад.

– Прошу прощения, – выговорил Хальтер с видимым усилием, нервно отирая лоб ладонью и отводя в сторону взгляд. – Я сегодня не в лучшем расположении духа – проблемы в семье. Понимаю, что они не должны быть помехой моим обязанностям, однако же... Что вам было угодно, майстер Керн?

– Проблемы в семье... – повторил тот безвыразительно, исподволь переглянувшись с подчиненными, и осторожно, словно боясь, что его услышат, перевел дыхание. – Простите за любопытство, какие?

– Это к делу не относится, – нетерпеливо отрезал бюргермайстер и, перехватив взгляд Керна, пожал плечами, недовольно пояснив: – Повздорил с сыном. Бывает. Наутро он в отместку удрал из дому; я как раз намеревался начать поиски, когда прибыл курьер от Друденхауса. Будьте любезны, майстер обер-инквизитор, если дело важное – говорите поскорее, я должен найти сына; жена места себе не находит.

– Конечно, – кивнул тот медленно; по его хмурому, темному взгляду Курт видел, как судорожно Керн подбирает слова, которые необходимо и так не хочется произнести сейчас. – Прошу вас, майстер Хальтер – присядьте.

– Просто скажите, что...

– Сядьте, – не выдержал Курт, в два шага подступив к бюргермайстеру и насильно потянув его за локоть к табурету у стены; тот, оторопевши от подобного панибратства, последовал за направляющей его рукой, едва ли не упав на потертое деревянное сиденье.

– Да что у вас тут происходит, в конце-то концов! – растерянно пробормотал Хальтер, и Курт, увидя во взгляде начальства молчаливую просьбу, мысленно ругнулся. Доверие вышестоящих, как оказалось, было желанным не всегда, и в эту минуту он предпочел бы его избежать.

– Ваш сын найден, – выговорил он почти торопливо, поскорее, стараясь не глядеть бюргермайстеру в глаза, дабы не испугаться того, что увидит в них. – Он убит.

На миг упала тишина – вполне ожидаемая и оттого еще более тяжелая, мутная, словно болотный туман; Хальтер приподнялся, ловя взгляды следователей, и вновь упал на табурет, ошалело хватая воздух ртом.

– То есть... – с усилием выговорили дрожащие губы, – то есть... как – убит?

– Как Кристина Шток, – с прежней безжалостной прямоотой отозвался Курт, мысленно решив, что с Керна теперь причитается. – Картина преступления та же, кроме насилия. Тело обнаружено этим утром на пустыре у городской стены.

– Да нет... – с неловкой улыбкой возразил бюргермайстер, – как вы можете с такой уверенностью? Вы же его не знаете...

– Майстер Ланц опознал тело, – продолжил Курт, присовокупив к списку своих должников и обоих сослуживцев. – Майстер Райзе определил причину и время смерти. Колото-резанные раны, смерть наступила этой ночью, посему ясно, что дом ваш сын покинул не утром – очевидно, после произошедшей вчера ссоры, которую вы упомянули.

Бюргермайстер сипло выдохнул, покачнувшись, и закрыл лицо ладонями, скорчившись на табурете и почти уткнувшись в колени.

– Два студента, обнаружившие тело, – продолжал Курт негромко, удивляясь собственному спокойствию, – сейчас под нашим наблюдением, в Друденхаусе – во избежание преждевременных слухов. Тело было перевезено тайно, и никто, кроме служащих Конгрегации, в курс дела не посвящен. Вы были приглашены к нам для того, чтобы ответить на вопрос – почему после произошедшего с дочерью Штоков вы не подняли тревогу при исчезновении сына?

– Я хочу его видеть, – уронив руки на колени, произнес Хальтер чуть слышно. – Я хочу видеть тело, я вам не верю. Вы ошиблись, я хочу видеть сам...

– Не хотите, – перебил его Курт убежденно. – Поверьте мне. Не сейчас, иначе вы растеряете остатки здравого смысла, который нам так необходим. Будет лучше для дела, если вы сперва ответите на наши вопросы, а уж после вы вольны делать, что угодно.

– «Лучше для дела»?.. – выдавил тот через силу. – «Лучше для дела»?!. Какое дело, мой сын убит! О каком деле вы говорите?! Я хочу видеть его! Я хочу знать!

– Замолчите, – коротко оборвал Курт, и Хальтер осекся, глядя на него с потерянным изумлением. – Поймите, – продолжил он чуть мягче, – что «польза дела» в вашем случае – это наказание виновного. Я сочувствую вашей потере, мы все вам сочувствуем. Потерять своего ребенка – страшно, я это понимаю; однако – это свершилось. Будь вы просто горожанином, вы были бы вправе предаваться терзаниям без оглядки на что бы то ни было, однако же вы – бюргермайстер, и в ваши обязанности входит избавление Кёльна от чудовища, убивающего детей. Вернуть сына вы не сможете, и все, что теперь вам остается, – это месть, для чего следует собраться с силами и помочь нам четкими, подробными ответами на наши вопросы. Это – понятно?

– Дайте воды, – попросил бюргермайстер бесцветным, мертвым голосом, и Курт невольно подумал о том, что эти слова в стенах Друденхауса произносятся чаще прочих.

– Держите-ка лучше вот это, – разомкнул, наконец, губы Райзе, подойдя ближе и протянув Хальтеру пузатую фляжку.

Ухватиться за плотные кожаные бока тот смог не с первой попытки, едва не выронив, и приложился надолго, зажмурившись и задержав дыхание; по щекам, когда бюргермайстер выдохнул, потекли слезы – быть может, просто оттого, что во фляжке Райзе было не вино...

– Где тело? – бесцветным, сиплым шепотом проронил бюргермайстер, не глядя ни на кого; Курт вздохнул:

– В подвале Друденхауса. Вы сможете забрать его, как только мы закончим разговор.

– Не представляю, о чем мы можем говорить, – все так же тихо и подавленно произнес Хальтер, не поднимая глаз. – Не знаю, что вы хотите от меня услышать, чем я смогу помочь вам...

Курт искоса бросил взгляд на начальника и сослуживцев; те сидели молча, явно не намереваясь более вступать в беседу, и он вздохнул снова, мысленно кроя всех присутствующих не подобающими доброму христианину словами.

– Прошу простить за столь неотступное и личное вмешательство, – заговорил он, присев напротив бюргермайстера, дабы не возвышаться над ним и не создавать у того ощущения придирчивого допроса, – однако же вам придется рассказать нам, по какой причине состоялась ваша ссора. Значимым может оказаться все, любая мелочь, ведь вы же понимаете.

– Это в самом деле мелочь. – Хальтер помолчал, глядя на фляжку, что все еще держал в руке, и поднес ее к губам снова, прикинув к горлышку на долгих несколько секунд. – Через два дня у него будет... – бюргермайстер запнулся, подавившись словами, и через силу выдавил: – должен быть... был... день рождения. Он хотел в подарок коня. Я сказал – рано. Слишком дорогой подарок... Вот и все.

– И только?

– Да, и только. Иоганн встал из-за стола, не окончив ужина, крикнул, что я считаю его «малышней» и не принимаю всерьез... Знаете, как это бывает... И ушел в свою комнату.

– Как вы обнаружили его отсутствие?

– Как обнаружил – зашел к нему, разумеется, как я еще мог это обнаружить?!

– Успокойтесь.

От того, как холодно прозвучал его голос, Курт едва не перекинулся сам; Хальтер выпрямился, вперив в него взор почти ненавидящий, и стиснул фляжку так, что побелели пальцы.

– Не говорите мне о спокойствии, юноша! – прошипел бюргермайстер зло. – Вам не понять, что я испытываю, и попрошу уважать элементарные человеческие чувства!

– *Primo*, – сумев выдержать пронзающий взгляд бюргермайстера бестрепетно, возразил Курт, – я вам не юноша, а следователь Конгрегации. И прошу не забывать об этом в дальнейшем. *Secundo*, ваши чувства, как я уже упоминал, в данный момент имеют второстепенное значение, ибо, кроме того, что вы косвенный потерпевший в очередном преступлении, вы – глава этого города, и сейчас должны иметь важность не ваши нервы, а ваши мозги, майстер Хальтер. Кроме чувств отцовских, в вашем арсенале наличествует и чувство долга. По крайней мере, так должно быть.

– По какому праву вы говорите со мной в подобном тоне?! – вскинулся бюргермайстер, однако по тому, какой растерянный взгляд бюргермайстер бросил на молчаливого Керна, было ясно, что упомянутый им тон свое действие все же возымел.

– По праву, данному мне Святой Инквизицией, – окончательно осмелев, отрезал Курт; от злости на будущее нейтралитет начальство в голосе прорезалась не ожидаемая им от самого себя жесткость. – А кроме того, я не сказал ничего недозволительного или ложного, а также для вас оскорбительного. Соберитесь, и я хочу слышать в ответ на свои вопросы – ваши ответы, а не истерики или нападки. Итак, пропажу мальчика вы обнаружили утром, войдя в его комнату, так?

Хальтер не ответил, продолжая буравить его взглядом; Курт кивнул:

– Так. Стало быть, вы пришли к нему рано. Это ваше обыкновенное поведение – являться в комнату сына ранним утром?

– Я шел примиряться, – наконец с трудом разомкнул губы бюргермайстер, отведя взгляд в сторону, и приложился к фляге снова, отпив теперь всего глоток. – Мы ссоримся... ссорились нечасто, и я... Словом, я решил предложить ему вроде как сделку – позволить брать моего жеребца, когда захочет, чтобы учиться владеть седлом, а я подарю ему собственного на двенадцатилетие... подарил бы...

В его горле что-то булькнуло, губы сжались, и Курт поспешно сдвинул брови, вновь приняв строгий облик, не дожидаясь повторных изъяснений горя, каковых снова мог уже не вынести: в одном бюргермайстер был прав – его единственной потерей была смерть родителей в

возрасте, уже почти забывшемся, и понять сидящего напротив человека и любого, ему подобного, он не мог, отчего в таких ситуациях ощущал себя несколько не в своей тарелке. Будь Хальтер подозреваемым – вот странность! – нужные слова сложились бы сами собою, и чувства были бы иными. Но сейчас, в эту минуту, когда говорить надо было всего лишь со свидетелем, испытывались лишь раздражение да еще малая толика злости на собственную нетерпимость, ибо именно разум, к коему он призывал бюргермайстера, как раз и подсказывал, что Хальтер имеет полное право минимум на половину всего, что он наговорил, и что в данной ситуации он достоин похвалы уже за то, что не рвет на себе волосы и не швыряется мебелью...

– Возьмите себя в руки, – порекомендовал Курт, вновь чуть повысив голос. – И отдайте флягу, с вас довольно.

На сей раз Хальтер не возразил ни словом, окончательно ошалев от неожиданной жесткости следователя, и он продолжил поспешно, стараясь не упустить момента, все так же чеканно и почти резко:

– Это случалось ранее? Ваш сын уже был замечен в подобных проявлениях недовольства?

– Убегал ли он раньше? – тускло уточнил бюргермайстер, уже не поднимая глаз, и чуть заметно дернул плечом: – Нет. Никогда. Он мог спрятаться на чердаке или в гостевой комнате, куда обыкновенно мы не заходим, но он никогда не уходил из дома. Поэтому вы и застали меня в столь... взбудораженном состоянии. Именно потому, что я попросту не знал, чего ожидать от такой ситуации, потому, что воображал себе разное, и... Но такого представить не мог...

– Да, – отозвался Курт чуть мягче; Хальтер медленно поднял к нему мертвый взгляд, и подумалось невольно, что именно сейчас стало очевидным сходство между ним и тем мальчиком, на чье тело он смотрел чуть более часу назад – быть может, именно из-за этого омертвело, погасшего взгляда. – Да, – повторил он уже едва слышно, – так бывает всегда. Что бы ни происходило вокруг, неизменно кажется, что беда никогда коснется тебя самого или твоих близких. Все напасти – словно что-то далекое и мнимое, как дикие племена варваров, о которых слышишь рассказы, но которых никогда не видел и не увидишь. Даже когда это происходит, все равно не можешь поверить... Да, – кивнул Курт снова, увидев недоверчивое удивление в лице бюргермайстера, – я тоже терял родных, майстер Хальтер, и мне ваши чувства не чужды. Именно потому я и прошу вас взять себя в руки: после, когда горе успокоится, когда остынет и станет ледяной коркой на вашем сердце, единственное, что сумеет этот лед растопить, пусть и отчасти, пусть на время, это мысль о том, что виновник наказан. Не скажете же вы, что это не так? Что вас это не заботит? Что мысль о мести сердце не греет?

– Все, что могу, – со сдавленным хрипом выцедил тот. – Любая помощь. Люди, сведения, деньги – все. Наши дознаватели – неучи, это всем известно, а вы сможете, я знаю. Найдите его. Как угодно. Скажите, что я должен сделать, и вы получите это.

– Сейчас вы можете уйти, более мне от вас ничего не нужно – пока. Если в будущем у меня появятся вопросы...

– Хоть среди ночи, – немедленно отозвался Хальтер на его вопросительный взгляд. – Поднимите меня мертвого, если потребуется, только найдите его. Но – *его*, ясно? Меня не успокоит кто-то, на ком можно отыгаться, мне нужен подлинный виновник.

– Разумеется, – решительно заверил его Курт. – Ведь вы лучше кого бы то ни было знаете, насколько добросовестен в расследованиях Друденхаус.

– Дознание ведете вы, майстер Гессе, ведь так? – перебил бюргермайстер и, не дожидаясь ответа, поднялся, уставясь на Керна требовательно и хмуро. – Если мое слово имеет хоть какую-то значимость в этом городе, я желал бы, чтобы и впредь дело оставалось в его ведении.

– Сукин ты сын, – заметил Керн с тяжелой усмешкой, когда Хальтер покинул комнату, и Курт зло огрызнулся:

– От такого слышу.

– А не излишне ли ты волен стал, сын мой? – поинтересовался обер-инквизитор, не взяв на себя труда даже изобразить хотя бы напускного гнева. – Запретить бы тебе таскаться во всякие зланные непотребства, уж больно скверно они воздействуют на твою неокрепшую душу.

– Запретите, – хмыкнул Курт с откровенной издевкой. – Посмотрим, много ли вы нароете без моих зланных пажитей.

– Не ерепенься, Гессе, – уже серьезно вздохнул Керн. – Как ты только что говорил бюргермайстеру, оставь эмоции и подумай о пользе дела; а для пользы дела наилучшим оказалось именно твое участие в этом разговоре. Мне он выговаривал бы до скончания веков, а Дитриха с Густавом и вовсе слушать бы не стал: тут наше давнее знакомство и сотрудничество как раз имеют худое влияние на ситуацию. Ты же человек сторонний, для него не знакомый, да еще и с определенной репутацией, а кроме того... – Керн помолчал, словно собираясь с решительностью, и медленно договорил: – А кроме того, от твоего ректората, видимо, не зря имеется примечание верить тебе всякое расследование, на каковое ты обратишь внимание. Есть в тебе, Гессе, необъяснимый талант прижимать людей к стенке. И высказываешь, казалось бы, то же, что все, и никаких особых доводов не прилагаешь, однако же – говорят с тобой, как на духу, и делают, что требуется. Сейчас ты заполучил Хальтера за пять минут, при этом ни одного обвинения в сторону Друденхауса им не было высказано и, убежден, теперь уже не будет. И пожелание его я намерен исполнить, причем с величайшим удовольствием: расследование это – твое от и до. Вперед.

– *Ave, Caesar*⁴⁸... – пробормотал Курт себе под нос. – Что-то паршивые у меня возникают чувства при такой похвале, – покривился он обреченно, и обер-инквизитор развел руками:

– Уж не обессудь, одаряю, чем могу. А теперь, Гессе, *aufer nugas*⁴⁹: за работу. Отчет мне немедленно, и не вздыхай с таким видом – мне нужны твои выводы, а также перечень того, что ты сочтешь необходимым сделать. И, уж будь любезен, до того, как славные горожане вынесут вердикт Друденхауса, требуя возмездия.

⁴⁸ Полностью – *Ave, Caesar, morituri te salutant* – Аве, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя (лат.).

⁴⁹ Шутки в сторону (лат.).

Глава 7

Горожане молчали.

Город пребывал в тишине, словно бы кёльнцев истребляла неведомая болезнь, с которой невозможно бороться никакими известными способами, а вовсе не таинственный убийца...

Отчет Курта, более походивший на перечень указов, был принят начальством без единого замечания и прекословия и исполнен в тот же день; как следствие одного из таких указаний, на стены домов сейчас развешивали листы с призывом, оглашаемым вслух для каждого, не владеющего наукой чтения: «*Denk an Ausgangsverbot!*⁵⁰». Под этой строчкой, выведенной попросту гигантскими буквами, разъяснялось, что всякий ребенок любого положения, невзирая на звание родителей и прочая, находящийся на улицах Кёльна при наступлении сумерек в одиночестве, будет задержан и препровожден в отчий дом под присмотром (с последующим внушением упомянутым родителям), либо же «будут предприняты иные действия ввиду сопутствующих обстоятельств». Что означало последнее, даже Керн представлял себе с некоторым трудом, однако сия смутная формулировка оставляла свободу действий на всякий, как выразился Бруно, пожарный случай. Вторым распоряжением, рекомендованным Куртом, был указ о том, что всякий горожанин обязан с наступлением темноты вывешивать у двери в свое жилище фонарь, масла в котором будет довольно для того, чтобы горел он всю ночь до рассвета; те, чьи доходы не позволяли им издержаться на подобное весьма затратное дело, должны были обратиться с соответствующим прошением к бюргермайстеру, каковой и выдаст все необходимое лично в руки нуждающемуся.

Руководительство Друденхауса во всем происходящем принялось безропотно во всех смыслах: к удивлению его служителей, ни одного голоса в обвинение не прозвучало, никто также не стал упоминать о том, что события в городе по сю пору не обзавелись никакими приметами чего-либо потустороннего, и расследование вести должен бы магистрат. Город затаился – так мог бы сказать некто, желающий составить отчет о настроениях в Кёльне. Собственно, *некто* так и сказал; точнее – написал, когда по всем агентам влияния и надзора был брошен клич «обрисовать ситуацию». Значимее всего оказалась память горожан о прошлом деле, завершённом этим летом: как и предполагал Керн, с таким шиком и шумом проведенное дознание создало недавнему новичку определенную репутацию, и жители терпеливо и с надеждой ожидали от него и теперь столь же верных действий. У самого же дознавателя Гессе складывалось чувство, что толпа, незримая, но вместе с тем явная, окружила две башни Друденхауса непроницаемым кольцом, молча и пристально глядя на его окна и встречая всякого выходящего вопрошающим, взыскательным взглядом – без укоризны, но с нетерпением...

Во всем прочем за несколько часов, прошедших с той минуты, как у городской стены было найдено бездыханное тело, не изменилось ничего: по-прежнему не было ни подозрений, ни версий. С благословения бюргермайстера, данного сквозь зубы и при бешеном сопротивлении его жены, Райзе обследовал тело мальчика вдоль и поперек, снаружи и изнутри, однако нового это не дало – кроме прежней уверенности в том, что убийство совершилось где-то в ином месте, на руках у следователей не было ничего. Улицы в поисках пятен крови либо прочих следов смертоубийства исследовались сейчас скрупулезно и пристально, осматривался каждый уголок, однако и эти меры пока не принесли плодов, хотя обшаривалось без преувеличения *все*, включая даже и старые кварталы. Людей из магистрата или Друденхауса туда, разумеется, не было послано, однако Финк и его приятели проделывали эту работу с тщанием и упорством, ни словом не упомянув тот факт, что все их неприятности, по большому счету, проистекают лишь из того, что некто решил напакостить Конгрегации либо же майстеру инквизитору Гессе

⁵⁰ «Помни о комендантском часе!» (нем.).

лично. Сам Курт подозревал что о таких тонкостях дела Финк попросту не распространялся; отчего? – это сейчас было неважным.

Важным был вывод, сделанный всеми обитателями Друденхауса без исключения, вывод четкий, несомненный, однако неутешительный: убийство свершилось в одном из домов города.

– В том же, где содержали Кристину Шток? – предположил Бруно, когда иссяк поток гневных и не вполне приличных слов из уст господ дознавателей, и Курт скривился:

– Возможно.

– Зачем? Почему не зарезать прямо там, у стены? Кляп в рот – и шинкуй в свое удовольствие, в такой ранний час там пустыня.

– В некоторых ритуалах крик жертвы тоже имеет значение, – откликнулся Курт со вздохом. – Если взять за основу твое предположение о том, что все это – не просто так. Или... Густав, все органы на месте?

– До последнего потрошка, – кивнул тот хмуро. – Крови, как я уже упоминал, истекло много, и подле тела ее не было – может статься, это? Нацедить ее можно, конечно, и прямо на улице, однако – для чего ковыряться с бутылочками и мисочками в темноте, если можно с комфортом собрать ее в нарочно оснащенной комнате... После того, как изрезали тело, уже сложно понять, была ли какая-то из ран предназначена именно для этой процедуры.

– Все это весьма любопытно, – оборвал его Курт, – однако вопрос остается неразрешенным: что с этим делать? Устраивать облавы по домам? Даже если допустить, что в сообщничестве с магистратом мы сумеем обойти все жилища... в свете последних событий, полагаю, горожане займут нашу сторону и не станут особенно препятствовать нам или возмущаться... Так вот – не окажется ли это бессмысленным? За прошедшие полночи и день кровь можно было оттереть так, что не найти теперь ни пятнышка, и вычислить среди множества прячущих глаза и нервничающих от нашего присутствия добропорядочных жителей того единственного или двоих, кто нервничает вполне оправданно...

– Что-то сомневаюсь я, – вновь вмешался Бруно, – что эти ребята будут психовать. Скорее, пригласят вас к обеду и совместному молебствию – совершенно хладнокровно.

– Тем более.

– Осмотрен еще не весь город, – без особенной уверенности возразил Ланц, и Курт скривился:

– Брось, Дитрих. Ничего они не отыщут, ты и сам это отлично осознаешь. Самые потаенные закоулки обследовали в первую очередь, и я бы не надеялся на то, что огромная лужа крови обнаружится напротив дверей какой-нибудь булочной лавки. Иоганна Хальтера убили в доме. Это бесспорно.

– К чему ты клонишь? – устало вздохнул Ланц. – Я вижу, что у тебя родилась мысль; так говори, абориген, не тяни жилы.

– Да, мысль есть, – согласился Курт тихо. – Старику я этого еще не высказывал – для начала хотел посоветоваться с вами...

– Ты никогда не советуешься, академист, – оборвал его Райзе. – Ты уламываешь и навязываешь свои идеи. Не томи; что за мысли у тебя?

– А мысль, Густав, у меня такая: вернее всего – мы с этим делом не справимся.

– *Excellent*⁵¹, – покривился тот с невеселой усмешкой. – Это ты обрадовал.

– Не справимся, – продолжил Курт наставительно, – без помощи. Я полагаю, самое время воспользоваться некоторыми достоинствами Конгрегации, а именно – нам нужен *expertus*⁵² со вполне определенными способностями: умением чувствовать смерть. Если никого из вас не посетила иная, более дельная мысль, я отправляюсь к старику; полагаю, Керн согласится с моей

⁵¹ Отлично (лат.).

⁵² Эксперт, специалист (лат.).

идеей. Людей, обладающих подобным даром, в Конгрегации не сказать, чтоб уж очень много, однако же – вполне довольно; насколько мне известно, эта способность едва ли не самая часто встречающаяся, а стало быть – долго разыскивать такого не придется, и наша помощь прибудет вскоре. Возможно, уже послезавтра, если запрос отправить прямо сейчас. Тому, кто нам нужен, будет достаточно всего лишь пройтись по городу, и к концу дня мы узнаем, за стенами какого из домов недавно была загублена жизнь.

– Что называется – новое поколение, – нарочито недовольно буркнул Ланц. – Я о подобном шаге не подумал: мы в наше время работали сами, мозгом.

– «Ф нафе фремя»... – передразнил Курт со старческим шепелявением. – Наверняка и малефики у вас разбегались, как тараканы... Я не имею ничего против «старых добрых» методов, Дитрих; если твой мозг может породить что-то – я готов со смирением и кротостью принять твои светлые идеи.

– Распустился, – заметил Ланц со вздохом и, посерьезнев, кивнул: – Все верно, мысль дельная. И, увы, лично мне ничего более в голову не идет.

– А таких, как Майнц, нет? – вклинился Бруно, пояснив в ответ на вопросительный взгляд: – Профессор Майнц, если верить его «Житию», был способен определить в самом человеке то, что ты намерен найти в доме. Совершенное им убийство. Таких специалистов у нас нет?

– Убежден, такие существуют, – одними губами улыбнулся Курт, – однако уже в этих стенах его заклинит: на каждом из нас крови предостаточно. Сомневаюсь, что и добрые горожане в своей жизни блюли христианскую заповедь незлобия: второй раз такого специалиста переколотит в казармах магистрата или в присутствии *exsecutor*'а Друденхауса, или при взгляде на какого-нибудь торгаша, которому посчастливилось отбиться от разбойников в пути, или в студенческом общежитии – не тебе объяснять, что чаще всего свои проблемы эти добрые парни разрешают вовсе не мордобоем. Ощутить столь тонкие материи, как давность произошедшего, такие люди чаще всего не могут, а вот те, кто чувствуют смерть, увязанную не с человеком, а с местом, на это способны. Почему? Бог их знает. Но так есть. Проблема в другом: такой *expertus* слышит просто смерть как таковую – гибель всего, что мозгом совершеннее мыши, ощущается им как насильственная кончина живого существа, посему, если кто-то удушил в своем доме надоевшую ему собаку, он скажет нам, что там произошло убийство. Наше дело – упорядочить его выводы.

– Нет в мире совершенства, – вздохнул Бруно с напускной тоскливостью, и Курт раздраженно покривился, едва сдержав себя, чтоб не отмахнуться от подопечного, как от назойливой мухи.

– Весело? – осведомился он пасмурно. – Посмейся, покуда мы подождем следующего трупа. Без *expertus*'а мы ничего не можем, а это означает, что два дня Друденхаус будет бездействовать. А из этого, в свою очередь, следует что? Из этого следует, что на нас посыплются такие проклятья, каковых удостаивались не всякие сжигаемые в этом городе... Этой ночью навещу снова «Кревинкель»; вдруг что-то пришло со свалки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.